

MULTNOMAH COUNTY LIBRARY PORTLAND, OR

3 1168 12845 0812

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

СЕРОТОНИН

CoRpus

РОМАН

18+

КНИГА-СОБЫТИЕ
СЕНСАЦИЯ
2019 ГОДА

MICHEL HOUELLEBECQ

SÉROTONINE

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК
СЕРОТОНИН

РОМАН

Перевод с французского
Марии Зониной

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
У98

Редакция благодарит СЕРГЕЯ ПАРХОМЕНКО
и АЛЕКСАНДРА БОНДАРЕВА за помощь в подготовке книги.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Уэльбек, Мишель.

У98 Серотонин / Мишель Уэльбек; пер. с франц. М. Зониной. — Москва:
Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-17-114378-7

Знаменитый Мишель Уэльбек, лауреат многих премий, в том числе Гонкуровской, автор мировых бестселлеров “Элементарные частицы”, “Платформа” “Возможность острова”, “Покорность”, удивил всех, написав камерный роман о раскаянии, сожалении и утраченной любви.

Сорокашестилетний Флоран-Клод Лабруст терпит очередной крах в отношениях с любовницей. Функционер в сфере управления сельским хозяйством и романтик в душе, он бессильно наблюдает за трагедией разоряющихся французских фермеров, воспринимая это как собственное профессиональное фиаско. Разочарованный и одинокий, он пытается лечиться от депрессии препаратом, повышающим уровень серотонина в крови. Серотонин называют гормоном счастья, но платить за него приходится дорогой ценой. И единственное, что еще придает смысл безрадостному существованию Лабруста, это безумная надежда вернуть женщину, которую он любил и потерял.

В апреле 2019 года Мишель Уэльбек награжден за свое творчество орденом Почетного легиона.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-114378-7

- © Michel Houellebecq et Flammarion, 2019
- © М. Зонина, перевод на русский язык, 2019
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ®

Маленькая белая таблетка овальной формы с насечкой посередине.

Когда я просыпаюсь часов в пять, иногда в шесть утра, мне уже неважно, это самые мучительные минуты предстоящего дня. Прежде всего я запускаю электрическую кофеварку; накануне вечером я наполняю емкость для воды и засыпаю в фильтр молотый кофе (как правило, “Малонго”, я по-прежнему весьма привередлив в этом отношении). Я никогда не закуриваю, не сделав первого глотка; я сам навязал себе такое условие, и мои каждодневные достижения по этой части стали для меня главным источником гордости (хотя нельзя не признать, что электрокофеварки работают быстро). Первая же затяжка мгновенно приносит облегчение, и я поражаюсь невероятной силе ее воздействия. Никотин — идеальный наркотик, простой и тяжелый одновременно, он не приносит никакой радости и может быть описан лишь в терминах ломки и прекращения ломки.

Через несколько минут, выкурив две-три сигареты, я принимаю таблетку капторикса, запивая ее четвертью стакана минеральной воды, чаще всего “Вольвиком”.

Мне сорок шесть лет, меня зовут Флоран-Клод Лабруст, и я ненавижу свое имя — если не ошибаюсь, я обязан им двум родственникам, которых мама и папа хотели уважить каждый со своей стороны; это тем более прискорбно, что больше мне родителей упрекнуть не в чем, они со всех точек зрения были прекрасными родителями и сделали все возможное, чтобы полностью вооружить меня для борьбы за существование, так что если я в итоге потерпел поражение и жизнь моя заканчивается в печали и страданиях, их вины тут нет, это скорее удручающее стечение обстоятельств, к которому я еще позволю себе вернуться — о нем, собственно, и написана эта книга, — в общем, мне не в чем упрекнуть родителей, не считая этого незначительного, досадного, но незначительного казуса с именем — мало того что сочетание Флоран-Клод звучит нелепо, мне отвратительны и его составляющие, одним словом, я считаю, что с моим именем у них вышла осечка. “Флоран” слишком нежен, слишком близок к женскому имени Флоранс и в определенном смысле почти андрогинен. “Флоран” никак не вяжется с энергичными, даже brutальными в некоторых ракурсах чертами моего лица, которое часто находят (некоторые женщины во всяком случае) мужественным, еще никому и никогда оно не напоминало лик боттичеллиевского пидора, отнюдь нет. Ну а с “Клодом” и того хлеще, заслышав имя Клод, я тут же вспоминаю клодеток¹, и в моем воображении возникает жутковатый винтажный клип Клода Франсуа, который бесконечно крутили на одной вечеринке старых педрил.

1 Клодетками называли танцовщиц Клода Франсуа, короля диско 1970-х. (Здесь и далее — прим. перев.)

Сменить имя не так уж и сложно, ну, конечно, не с административной точки зрения, с административной точки зрения невозможно практически все, административные службы видят свою задачу в максимальном сокращении жизненных возможностей человека, если уж не получается вообще свести их на нет; с точки зрения администрации хороший гражданин — мертвый гражданин, я хочу сказать, что это просто с практической точки зрения: достаточно представиться под новым именем, и не пройдет и нескольких месяцев, а то и недель, как все к нему привыкнут, никому и в голову не придет, что раньше вас звали как-то иначе. В моем случае эта процедура прошла бы вообще как по маслу, поскольку мое второе имя Пьер идеально подходит человеку твердому и мужественному, в образе которого мне и хотелось бы предстать перед миром. Но я так ничего и не принял, продолжая называться мерзким именем Флоран-Клод, мне удалось разве что добиться от некоторых женщин (а именно от Камиллы и Кейт, но о них позже, терпение, терпение), чтобы они ограничились Флораном, от общества же в целом я ничего не добился ни в этом пункте, ни почти во всех остальных и плыл себе по воле волн, расписавшись в полной неспособности стать хозяином своей судьбы, и пресловутая мужественность, которую якобы излучало мое квадратное лицо с резкими, крупными чертами, была лишь приманкой и чистым надувательством — правда, я тут ни при чем, так уж мною распорядился Господь, я же был — был на самом деле, был всегда — жалким рохлей и, дожив до сорока шести лет, так и не научился держать под контролем собственную жизнь, так что и вторая ее половина, надо полагать,

станет по образу и подобию первой лишь вялым и мучительным разложением.

Первые известные антидепрессанты (сероплекс, прозак) работают как ингибиторы обратного захвата серотонина 5-HT₁-рецепторами нейронов, повышая тем самым уровень серотонина в крови. Открытие в начале 2017-го каптона *D-L* положило начало новому поколению антидепрессантов с еще более простым механизмом действия, поскольку речь шла о высвобождении серотонина из клеток слизистой желудка и кишечника в процессе экзоцитоза. Уже в конце года каптон *D-L* поступил в продажу под маркой *Captorix*. Каптон мгновенно продемонстрировал свою исключительную эффективность, дав возможность пациентам с вновь обретенной уверенностью вернуться к основным ритуалам нормальной жизни в развитом обществе (личная гигиена, социальные связи, сведенные к добрососедским отношениям, элементарные административные процедуры), совершенно при этом не усугубляя, в отличие от антидепрессантов предыдущего поколения, склонности к самоубийству и членовредительству.

Наиболее распространенными побочными эффектами капторикса являются тошнота, потеря либидо и импотенция.

На тошноту я пока не жаловался.

Все началось в Испании, в провинции Альмерия ровно в пяти километрах к северу от Аль-Алькиана, на шоссе N-340. Дело было летом, думаю, в середине июля, ближе к концу второго десятилетия двадцать первого века — если мне не изменяет память, президентом Республики был Эмманюэль Макрон. Погода стояла прекрасная, хоть и очень жаркая, как всегда на юге Испании в это время года. Вскоре после обеда я припарковал свой внедорожник “мерседес G 350 TD” на заправке *Repsol*. Залив полный бак солярки, я неторопливо пил колу-зеро, опершись о капот, и все больше мрачнел при мысли, что завтра прилетит Юдзу, но тут напротив компрессора остановился “фольксваген-жук”.

Из него вышли две девицы лет двадцати, даже издали было видно, как они прекрасны, в последнее время я и забыл, как прекрасны бывают девушки, я буквально обомлел, словно мне показали эффектный, но уж слишком наигранный театральный трюк. Воздух так раскалился, что казалось, слегка вибрировал, равно как и асфальт на парковке, то есть условия для возникновения миража создались идеальные. Однако девушки оказались из плоти и крови, и меня охватила легкая паника, когда одна из них направилась ко мне. У нее были длинные, слегка волнистые светло-каштановые волосы, забранные под тонкий кожаный ремешок с разноцветным геометрическим орна-

ментом. Полоска белой ткани худо-бедно прикрывала грудь, а летучая мини-юбка тоже из белого ситца, казалось, готова была взлететь при малейшем дуновении ветра — правда, ничего похожего на дуновение ветра не наблюдалось, долготерпелив и милосерден Господь.

Она была улыбчива, спокойна и, судя по всему, совсем не боялась — испугался, честно говоря, как раз я. Ее глаза светились добротой и счастьем — я с первого взгляда понял, что ей всегда везло в жизни, с животными, людьми и даже с работодателями. Так зачем же она подошла ко мне, такая юная и желанная, в этот жаркий летний полдень? Они с подружкой хотели, чтобы я им вдул (в смысле поддул им шины, я неудачно выразился). Похвальная мера предосторожности, рекомендованная соответствующими организациями в рамках обеспечения безопасности дорожного движения практически во всех цивилизованных странах и даже в ряде других. То есть девушка оказалась не только милой и желанной, но также осмотрительной и благоразумной, и мое восхищение ею росло с каждой секундой. Мог ли я отказать ей в помощи? Разумеется, нет.

Ее спутница в большей степени отвечала стандартным представлением об испанке — иссиня-черные волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа. Выглядела она менее хиппово, скорее хайпово, с легкой ноткой стервозности, в ее левой ноздре красовалось серебряное кольцо, грудь опоясывала разноцветная повязка с агрессивной графикой и слоганами в стиле то ли панк, то ли рок, я забыл, в чем разница, скажем для простоты, слоганы в стиле панк-рок. В отличие от подружки, она была в шортах, что только усугубляло си-

туацию, уж не знаю, зачем производят такие шорты в облипку, от ее задницы глаз было не оторвать. Раз не оторвать, то я и не отрывал, но все-таки достаточно быстро сумел сосредоточиться на их просьбе. Я объяснил, что в первую очередь надо проверить, какое давление в шинах желательно для данной модели транспортного средства: обычно оно указано на металлической табличке, приваренной к нижней части левой передней дверцы.

Табличка таки оказалась в искомом месте, и я почувствовал, как взмыло их уважение к моим мужским познаниям. Их машина была не очень загружена — я отметил, что они взяли с собой на удивление мало вещей, две легкие дорожные сумки, небось с ворохом стрингов и обычным набором косметики, — поэтому давления в 2,2 бара им хватит за глаза.

Теперь пришло время приступить собственно к подкачке. Давление в левой передней шине, мгновенно установил я, равнялось всего одному бару. Я заметил с серьезным видом, можно сказать даже сурово, на что возраст давал мне полное право, что они очень правильно поступили, своевременно обратившись ко мне, ведь, сами того не подозревая, они оказались в весьма опасной ситуации: при падении давления возрастает вероятность неконтролируемого заноса, автомобиль хуже удерживает траекторию, так что рано или поздно они неминуемо попали бы в аварию. Девушки отреагировали очень эмоционально и просто-душно, и шатенка положила руку мне на плечо.

К сожалению, пользование этими агрегатами — страшная морока, надо улавливать малейшее шипение в компрессоре и на ощупь попасть наконечником шланга в ниппель — право же, вдуть им было бы куда

проще, это дело более интуитивное, что ли, девушки наверняка согласились бы со мной в данном вопросе, но я плохо представлял себе, как затронуть эту тему, короче, я поддул левое переднее колесо и уж до кучи левое заднее, они сидели рядом со мной на корточках, с предельным вниманием отслеживая мои движения, и щебетали по-своему, восклицая *Chulo* и *Claro que si*¹, потом я уступил им место, велел самостоятельно заняться оставшимися шинами под моим отеческим присмотром.

Брюнетка, особа более импульсивная, подсказывало мне чутье, буквально набросилась на правое переднее колесо, и вот тут мне пришлось несладко, она встала на колени, пытаясь совладать с наконечником насоса, и ее обтянутая мини-шортами попа безупречной округлости задвигалась в такт ее движениями, шатенка, я полагаю, посочувствовав моему смятению, даже приобняла меня за талию, чисто по-сестрински.

Наконец настал черед правого заднего колеса, которым занялась уже шатенка. Эротическое напряжение несколько ослабло, зато его незаметно дополнило любовное, ведь мы все трое знали, что эта покрывка была последней, и теперь им ничего не остается, как продолжить свой путь.

Но все же они еще постояли со мной несколько минут, рассыпаясь в благодарностях и грациозно жестикулируя, их пылкость не была чисто платонической, по крайней мере, так мне это видится сейчас, несколько лет спустя, в те минуты, когда я припоминаю, что в прошлом у меня случалась какая-никакая эротическая жизнь. Они полюбопытствовали,

¹ Круто... Не то слово (*исп.*).

откуда я — я француз, по-моему, я еще не говорил об этом — и где, на мой взгляд, тут можно неподалеку приятно провести время — в частности, их интересовало, известны ли мне какие-нибудь симпатичные заведения. В общем, да, прямо напротив моего дома находится тапас-бар, где к тому же подают весьма обильные завтраки. Также имеется ночной клуб, чуть поодаль, который я с некоторой натяжкой тоже называл бы симпатичным. Кстати, я мог бы пригласить их к себе и предложить переночевать, уж одну ночь точно, у меня создалось впечатление (хотя теперь мне кажется, что я выдавал желаемое за действительное), что это было бы очень даже симпатично. Но ничего такого я не произнес, объяснив им в общих чертах, что места здесь в принципе приятные (чистая правда) и я тут счастлив (неправда, и грядущий приезд Юдзу делу не поможет).

Наконец они отчалили, помахав мне на прощание, “жук” развернулся на стоянке и выехал к повороту на шоссе.

Дальше сюжет мог раскручиваться по-разному. Будь мы героями романтической комедии, после краткой, исполненной драматизма заминки (на этом этапе все зависит от актера, думаю, Кев Адамс был бы хорош в этой роли) я прыгнул бы за руль своего внедорожника, быстро поравнялся бы с “жуком” на трассе и обогнал бы его, по-дурацки размахивая рукой (по примеру актеров ромкома), “жук” притормозил бы на полосе для аварийной остановки (вообще-то в классическом ромкоме в машине сидела бы одна девушка, скорее всего шатенка), и тут мы бы совершили разного рода трогательные телодвижения

под аккомпанемент тяжелого дыхания фур, проносившихся в нескольких метрах от нас. Автору диалогов имело бы смысл покорпеть над текстом этого эпизода.

А вот доведись нам быть персонажами порнофильма, развитие событий предугадать было бы еще проще, зато диалог утратил бы свое первостепенное значение. Все мужчины вождедеют свежих, экологически чистых девушек, adeptок триолизма — ну, почти все мужчины, я уж во всяком случае.

Но поскольку все происходило наяву, я вернулся домой. Меня постигла эрекция, что неудивительно, учитывая сегодняшние перипетии. Я справился с ней привычным способом.

Эти девицы, в особенности шатенка, могли бы придать смысл моему испанскому житью-бытью, но удручающий и тривиальный финал этой истории лишний раз доказал то, что и так не подлежало сомнению: мне совершенно незачем было здесь оставаться. Эту квартиру я купил вместе с Камиллой и для нее. В то время мы строили планы совместной жизни, мечтали о семейном очаге, о романтической мельнице в департаменте Крез или вроде того, разве что производство детей в наши проекты не входило — да и то в какой-то момент мы чудом этого избежали. Первая моя покупка недвижимости, впрочем, и единственная.

Ей тут сразу понравилось. Это был тихий натуралистский городок, в отдалении от гигантских туристических комплексов, тянувшихся стройными рядами от Андалусии до Леванта, население которых составляют преимущественно пенсионеры из Северной Европы — немцы, голландцы, спорадические скандинавы, ну и, конечно, неотвратимые англичане, зато, как ни странно, бельгийцы нам не попадались, хотя все, от архитектуры до планировки торговых центров и интерьера баров, казалось, алкало их присутствия, в общем, не город, а мечта бельгийца. В основном тут обосновались вышедшие на пенсию педагоги, офисный планктон в самом широком смысле слова, а также работники сферы услуг. Они мирно до-

живали тут свои дни, никогда не опаздывали к аперитиву и простодушно выгуливали дряблые задницы, отслужившие сиськи и вялые члены, слоняясь от бара к пляжу и от пляжа к бару. Они не нарушали общественный порядок, не скандалили с соседями, с сознанием гражданского долга стелили полотенце на пластиковые стулья в баре *No problemo* и только потом с преувеличенным вниманием принимались изучать меню, впрочем весьма лаконичное (на этом курорте считалось правилом хорошего тона класть на стул полотенце, дабы предотвратить контакт общественной мебели с интимными и порой влажными частями тела посетителей).

Другая, менее многочисленная, но более активная клиентура состояла из хиппующих испанцев (типичными представителями которых — с душевной болью убедился я — были как раз девушки, попросившие меня подкачать им шины). Тут, я думаю, нам не обойтись без краткого экскурса в новейшую историю Испании. После смерти генерала Франко в 1975 году Испании (точнее, испанской молодежи) пришлось выбирать между двумя противоположными тенденциями. Приверженцы первой, унаследовав дух шестидесятых, превозносили свободную любовь, наготу, эмансипацию трудящихся и тому подобное. Последователи второй, окончательно укоренившейся в обществе в восьмидесятые годы, напротив, ставили во главу угла конкуренцию, жесткое порно, цинизм и биржевые опционы, я, конечно, упрощаю, а как не упрощать, иначе мы совсем запутаемся. Представители первого направления, провал которого был предрешен заранее, постепенно отступали в природные заповедники вроде скромного городка натуралистов, где

я купил квартиру. Кстати, произошел ли на самом деле этот заранее предреженный провал? Некоторые явления, имевшие место уже многие годы спустя после смерти Франко, как, например, движение “Индигнадос”¹, убеждают нас в обратном. Равно как и появление давешних девушек на заправке *Repsol* в Аль-Алькиане в тот тревожный и мрачный день — интересно, самка *индигнадо* будет *индигнадкой*? Значит, я провел время в компании двух очаровательных *индигнадок*? Этого я никогда не узнаю, мне не удалось поближе с ними познакомиться, а ведь я мог бы предложить им посетить наш натуралистский городок, они бы чувствовали себя тут как рыбы в воде, брюнетка, может, и уехала бы, но я и с шатенкой был бы счастлив, хотя надежды на счастье уже довольно призрачны в моем возрасте, но все-таки после нашей встречи мне долго по ночам снилось, что шатенка вернулась и звонит мне в дверь. Она приехала за мной, закончились мои скитания в этом мире, она вернулась и одним мановением руки возродит теперь к жизни мой член, все мое существо и душу. “И в дом мой смело и свободно хозяйкой полною войди!”² В некоторых снах она, сообщив, что ее черноволосая подружка ждет в машине, просила разрешения позвать ее к нам; но эта версия сновидений возникала все реже, сценарий упрощался, а под конец уже без всякого сценария, стоило мне открыть дверь, мы ныряли в светлое неопишемое пространство. Подобные бредни преследовали меня чуть более двух лет, но не будем забегать вперед.

- 1 От исп. *Indignados*, “Возмущенные”, движение испанской молодежи против снижения уровня жизни и отсутствия реальной демократии.
- 2 Н. Некрасов. Когда из мрака заблуждений...

Пока что завтра во второй половине дня мне предстояло встретить Юдзу в аэропорту Альмерии. Прежде ей не приходилось тут бывать, но я был уверен, что она сразу возненавидит это место. Нордические пенсионеры неминуемо вызовут у нее отвращение, хиппующих испанцев она презирает, ни одна из этих прослоек общества (которые сосуществуют более чем мирно) не соответствовала ее элитарным представлениям о социальной жизни и мире как таковом, они все были начисто лишены *утонченности*, я, кстати, тоже начисто был лишен *утонченности*, зато у меня имелись деньги, даже много денег вследствие определенных событий, о которых я, может быть, расскажу, когда будет время, — собственно, сказав это, я сказал все, что надо сказать о наших отношениях с Юдзу; разумеется, мне следовало бы ее бросить, это очевидно, более того, нам и съезжаться-то не стоило, просто, как я уже говорил, мне требовалось много, очень много времени, чтобы решиться на поступок, да и то чаще всего я капитулировал.

Я быстро нашел место в аэропорту, на парковке гигантских размеров, впрочем, в этом регионе все было гигантских размеров в расчете на небывалый наплыв туристов, который так и не состоялся.

Я уже несколько месяцев не спал с Юдзу, а главное, даже не собирался начинать все по новой, ни за что на свете, по ряду причин, которые я наверняка изложу позже, я вообще недоумевал, какого черта я затеял этот отпуск, и раздумывал, сидя на пластиковой скамейке в зале прилетов, как бы побыстрее положить ему конец — я запланировал две недели, но одной хва-

тило бы с лихвой, я, пожалуй, совру, что мне надо отлучиться по работе, тут уж эта сука не найдет что возразить, она полностью зависит от моего бабла, что дает мне, конечно, определенные права.

Самолет прибывал из Орли без опоздания, в зале прилетов с кондиционером было прохладно и почти пусто — судя по всему, туризм в провинции Альмерия постепенно испускал дух. В ту минуту, когда на электронном табло появилась информация, что самолет совершил посадку, я чуть было не встал и не отправился за машиной — она понятия не имеет, где я живу, и ей не удастся меня разыскать. Но я тут же себя урезонил: рано или поздно мне придется вернуться в Париж, хотя бы по работе, даже если моя служба в Министерстве сельского хозяйства внушала мне почти такое же отвращение, как моя японская подружка, вообще у меня явно начиналась черная полоса, а некоторые кончают с собой и по менее уважительным причинам.

Она, как обычно, была нещадно накрашена, я бы даже сказал размалевана, алая помада и пурпурно-фиолетовые тени подчеркивали ее бледность и “фарфоровое” личико, как выражается Ив Симон в своих романах, — тут я вспомнил, что она всегда пряталась от солнца, блеклая кожа (в смысле фарфоровая, используя терминологию Ива Симона) считается у японков верхом изысканности, только вот что делать на испанском курорте, постоянно прячась от солнца, нет, этот совместный отдых все-таки глупейшее предприятие, сегодня же вечером я перебронирую отели для ночевки на обратном пути, я с ней и недели не высижу, почему бы ей не сэкономить несколько дней отпуска, чтобы полюбоваться цветущей сакурой в весеннем Киото?

Вот с шатенкой все сложилось бы иначе, на пляже она тут же бы разделась, без малейшей досады и презрения, как всякая уважающая себя покорная дочь Израиля, — ее бы не смущали жировые складки толстых немецких пенсионерок (такова уж судьба женщин и будет такой, она это знала, до Второго пришествия Христа во славе) — и явила бы солнцу (и глядящим в оба немецким пенсионерам) славное зрелище своей идеально округлой задницы и бесхитростной, хоть и бритой писки (ибо Господь позволил украшать себя), и у меня снова бы встал, встал бы как у зверя, но она бы не рискнула отсасывать мне прямо на пляже, ведь это семейный натуралистский городок, зачем шокировать немецких пенсионерок, занимающихся на рассвете пляжной хатха-йогой, но я бы все равно почувствовал, что ей этого хочется, и мое мужское естество возродилось бы благодаря ей, но она подождала бы, пока мы окажемся в воде, метрах в пятидесяти от берега (дно тут отлогое), чтобы наконец отдать свои влажные прелести на откуп моему торжествующему фаллосу, а потом в Гарруче мы бы съели на ужин *arroz con bogavantes*, романтизм уже больше не разлучался бы с порнографией, и милость Господня проявилась бы во всей красе, — короче, мысли мои пере скакивали с одного на другое, но все же мне удалось изобразить на лице некое смутное подобие радости при виде Юдзу, вышедшей в зал прилетов в гуще тесно сбившегося стада австралийских бэкпекеров.

Мы едва поцеловались, вернее, соприкоснулись щеками, но и это мне показалось избыточным, она тут же села, открыла чемоданчик с косметикой (его содержимое полностью отвечало нормам, установленным для

ручной клади на рейсах всех авиакомпаний) и принялась пудриться, не обращая ни малейшего внимания на ленту выдачи багажа — судя по всему, мне надлежало навьючить его на себя.

Ее чемоданы были мне хорошо известны, а как же иначе, это был известный бренд, название которого я запомнил, то ли “Задиг и Вольтер”, то ли “Паскаль и Блез”, во всяком случае, их концепция состояла в том, чтобы воспроизвести на ткани какую-нибудь географическую карту эпохи Возрождения с весьма приблизительным изображением земного мира, зато украшенную под старину надписями типа “Здѣсь могутъ водиться тигры”, — одним словом, у нее были шикарные чемоданы, эксклюзивность которых усугублялась отсутствием колес, в противоположность вульгарным “самсонайтам” для менеджеров среднего звена, поэтому их приходилось тащить буквально *на собственном горбу*, словно дорожные сундуки викторианских модниц.

Испания, как и все страны Западной Европы, втянутая в убийственный процесс наращивания производительности, постепенно упразднила все рабочие места для людей без квалификации, которые когда-то делали жизнь чуть менее гадкой, и обрекла тем самым на массовую безработицу большую часть населения. Такие чемоданы, не важно, от Задига и Вольтера или Паскаля и Блеза, имели смысл только в обществе, где существовала еще должность *носильщика*.

Судя по всему, с ними было покончено, впрочем, не вполне, подумал я, стаскивая с багажной ленты вещи Юдзу (чемодан и почти такую же тяжелую дорожную сумку, то есть килограммов сорок общего веса): носильщиком был я.

Функции шофера тоже пришлось исполнять мне. Вскоре после того, как мы выехали на трассу А7, она включила айфон, вставила наушники и положила на глаза восстанавливающие полоски с экстрактом алоэ. В южном направлении, в сторону аэропорта, эта трасса могла оказаться опасной, частенько какой-нибудь латвийский или болгарский дальнобойщик терял управление. Навстречу тянулись целые караваны фур, снабжавших Северную Европу тепличными овощами, собранными малийскими нелегалами, но эти фуры только начали свой путь, и водители пока не засыпали за рулем, так что я без всяких проблем обогнал десятка три грузовиков, пока наконец не подъехал к 537-му съезду. На входе в длинный вираж, ведущий к виадуку над Рамбла-дель-Тесоро, на отрезке метров в пятьсот, барьерное ограждение было повалено; чтобы разом со всем покончить, мне достаточно было удержаться и не повернуть руль. В этом месте дорога шла круто вниз, и, учитывая нашу скорость, я мог рассчитывать на безупречный полет, машина даже не покатится по скалистому обрыву, а просто разобьется ста метрами ниже, краткий всплеск чистого ужаса — и все, наконец я отдал бы Богу свою смятенную душу.

Погода была ясная и безветренная — мы быстро приближались к повороту. Я закрыл глаза, вцепился

в руль, ощутив на несколько секунд парадоксальное присутствие духа и абсолютной покоей; секунд на пять, а то и меньше, мне показалось, что я выскользнул за границы времени.

Судорожным и совершенно произвольным движением я яростно крутанул влево. И очень вовремя — правое переднее колесо уже цапнуло по каменистой обочине. Юдзу сорвала маску и наушники. “Что случилось? Что случилось?” — сердито, с испугом в голосе повторяла она, и я решил отыграться. “Все в порядке...” — сказал я как можно мягче, с бархатной вкрадчивостью интеллигентного серийного убийцы, в этом смысле Энтони Хопкинс был для меня образцом для подражания, вдохновляющим и практически непревзойденным, вообще с такими людьми необходимо повстречаться на определенном этапе жизни. И я повторил еще мягче, почти сублиминально: “Все в порядке...”

На самом деле я был далеко не в порядке; мне и со второй попытки не удалось вырваться на свободу.

Юдзу, как я и ожидал, совершенно спокойно, стараясь, правда, не выказывать чрезмерной радости, восприняла мое решение сократить наш отдых до недели, и мои отговорки рабочими нуждами, судя по всему, мгновенно ее убедили; в действительности же ей было глубоко насрать.

Впрочем, не такая уж это была и отговорка, я и впрямь уехал из Парижа, так и не сдав аналитический отчет о производителях абрикосов в Руссильоне, от бесполезности этой миссии я впадал в тоску — после подписания договоренностей, находящихся в данный момент на стадии обсуждения, о свободной торговле со странами — участницами МЕРКОСУР производителям абрикосов в Руссильоне придется плохо, и поддержка в виде предоставления права на наименование, защищенное по месту происхождения, “Красный абрикос Руссильона”, — всего лишь жалкий фарс, рынок неминуемо наводнят аргентинские абрикосы, так что отныне можно считать руссильонских производителей абрикосов виртуальными покойниками, никто не уцелеет, вообще никто, даже трупы подсчитать будет некому.

Я, по-моему, не успел еще сказать, что служил в Министерстве сельского хозяйства, где моей основной обязанностью было составление справок и отчетов, предназначенных для переговорных групп, чаще

всего в составе европейских учреждений, иногда востребованных в рамках более широких консультаций, цель которых состояла в том, чтобы “охарактеризовать, поддержать и представить интересы сельского хозяйства Франции”. Статус работника на договорных началах обеспечивал мне высокий заработок, гораздо выше того, что действующее законодательство предусматривает для чиновников. В каком-то смысле я не зря ел свой хлеб, сельское хозяйство Франции настолько сложное и многоплановое, что специалистов, сведущих в задачах всех его отраслей, раз-два и обчелся, так что мои отчеты, как правило, оценивались высоко, мне ставили в заслугу умение сосредоточиться на сути дела, не утонуть в море цифр, а, напротив, подчеркнуть ряд ключевых моментов. С другой стороны, отстаивая позиции французского сельского хозяйства, я терпел поражение за поражением, но, в сущности, моей вины в этих сокрушительных провалах не было, к ним скорее причастны были консультанты по переговорам, птицы редкие и никчемные, чьи бесчисленные неудачи так и не сбили с них спесь, с некоторыми я имел дело лично (но не часто, в основном мы связывались по электронной почте), и от этих встреч меня всегда мутило; обычно я общался даже не с агроинженерами, а с выпускниками коммерческих школ, а я всю жизнь ничего, кроме отвращения, не испытывал к коммерции и ко всему, с ней связанному, да и сама идея “высшего бизнес-образования” в моих глазах была лишь профанацией самого понятия образования, впрочем, ничего удивительного нет в том, что на позиции консультанта по переговорам назначают молодых людей, получивших высшее бизнес-образование, ведь один черт, о чем вести перегово-

воры — об абрикосах, калиссопах из Экса, мобильных телефонах или ракетах “Ариан”, переговоры — это отдельный мир, подчиняющийся собственным законам, и доступ в этот мир тем, кто переговоры не ведет, закрыт навсегда.

Но все же я вернулся к своим заметкам о производителях абрикосов в Руссильоне, устроившись в верхней комнате (квартира была двухэтажной), и практически всю неделю почти не виделся с Юдзу, правда, первые пару дней я еще заставлял себя спускаться к ней ради поддержания иллюзии супружеского ложа, а потом и на это махнул рукой, приноровился есть в одиночестве в тапас-баре, действительно очень симпатичном, в том самом, где я так и не побывал с шатенкой из Аль-Алькиана, постепенно я привык засиживаться в нем до вечера, проводя там коммерчески вялый, но в общественном плане не подлежащий сокращению промежуток времени, отделяющий в Европе обед от ужина. В баре царила приятная атмосфера, посетители если и отличались от меня, то в худшую сторону, учитывая, что они были лет на двадцать — тридцать старше, им уже вынесен вердикт, они *вышли в тираж*, после обеда в тапас-баре было полно вдовцов, натурастам вдовство тоже не чуждо, хотя, конечно, сюда заходили в основном вдовы и вдовцы-гомосексуалисты, чьи более хлипкие партнеры уже отлетели в пидорский рай; впрочем, различия по сексуальной ориентации уже явно стерлись в этом тапас-баре — который, судя по всему, единодушно избрали те, кому за шестьдесят, чтобы скоротать остаток жизни, — уступив место более банальному размежеванию по национальному признаку: на террасе пролегла четкая граница между зонами английского и не-

мецкого влияния; я оказался единственным французом; что касается голландцев, то они, суки такие, садились где попало, вот уж правда нация лавочников, полиглотов и приспособленцев, голландцы эти, известное дело. И вся эта публика тупо поглощала *cervezas* и *platos combinados*¹, обычно в баре было тихо, никто не разговаривал на повышенных тонах. Иногда, конечно, сюда вваливалась прямо с пляжа толпа юных индигнадос, у девочек были еще влажные волосы, и тогда децибелы в баре зашкаливали. Не знаю, чем в это время забавлялась Юдзу, поскольку она отказывалась загорать: скорее всего, смотрела японские сериалы онлайн; я и сейчас понятия не имею, как она трактовала сложившуюся ситуацию. По идее, банальный *гайдзин*, коим я являлся, не будучи даже представителем каких-либо незаурядных слоев общества, способный разве что приносить в дом приличную зарплату, да и то не бог весть какую, должен был бы чувствовать себя страшно польщенным, что ему выпало счастье делить свою жизнь с японкой, и не просто с японкой, а с японкой юной, сексуальной, из выдающейся японской семьи, вращавшейся к тому же в самых что ни на есть продвинутых артистических кругах обоих полушарий; против такого подхода мало что можно возразить, я был едва достоин развязывать ремни ее сандалий, это понятно, но проблема в том, что я проявлял все более беспардонное безразличие к неравенству наших статусов; как-то вечером, спустившись на кухню за пивом, я внезапно наткнулся на нее, у меня вырвалось “Отвали, сука толстожопая”, после чего я вынул из холодильника упаковку

1 Пиво... комбинированные блюда (исп.).

San Miguel и начатую чоризо, одним словом, выбил ее из колеи на всю неделю, ну как тут напомним о своем выдающемся социальном статусе, если собеседник в ответ того и гляди рыгнет тебе в лицо или пукнет, наверняка у нее было кому поплакаться в жилетку — правда, не родственникам, а то они немедленно воспользовались бы ситуацией и принялись бы убеждать ее, что пришло время вернуться в Японию, — скорее подружкам, подружкам или знакомым, полагаю, она не вылезала из скайпа те несколько дней, в течение которых я наконец принял решение плюнуть на производителей абрикоса в Руссильоне, безнадежно катившихся по наклонной плоскости к своему концу; тогдашнее мое безразличие к производителям абрикосов в Руссильоне представляется мне сегодня провозвестником безразличия, которое я в решающий момент проявил к производителям молочной продукции Кальвадоса и Манша, равно как и более глубинного безразличия, которое разовьется у меня со временем по отношению к своей собственной судьбе, потому-то я сейчас и искал так жадно общества пожилых людей, что, как ни парадоксально, оказалось задачей не из легких, они живо меня раскусили, угадав во мне самозванца, и пару раз английские пенсионеры даже дали мне от ворот поворот (ну и не страшно, англичане никогда не проявляют радушия, англичане почти такие же расисты, как японцы, чьей, так сказать, облегченной версией они являются), голландцы тоже меня отвергли, конечно, не из ксенофобских соображений (какой из голландца ксенофоб? это взаимоисключающие понятия, Голландия вообще не страна, в лучшем случае предприятие), просто они закрыли мне доступ в свой стариковский мир, я еще недостаточно

себя зарекомендовал, им сложно было откровенничать со мной о проблемах с простатой и коронарном шунтировании; удивительным образом индигнадос приняли меня гораздо быстрее, их молодости сопутствовала подлинная наивность, за эти дни я вполне мог к ним переметнуться, более того, мне следовало переметнуться, это был мой последний шанс, я, кстати, многому бы их научил, зная назубок все темные стороны агроиндустрии, их гражданский активизм только окреп бы при моем участии, учитывая, что политика Испании в отношении ГМО более чем спорна, Испания является одной из самых либеральных и безответственных европейских стран в отношении ГМО, Испания вся целиком, все эти испанские *campos*¹ грозили в одночасье превратиться в генетическую бомбу, в сущности, мне хватило бы одной-единственной девицы, одной девицы всегда достаточно, но ничего такого, что смогло бы затмить в моем воображении шатенку из Аль-Алькиана не случилось, и, оглядываясь назад, я даже не виню в этом присутствовавших в баре индигнадок, я и вспомнить-то не в состоянии, как они ко мне отнеслись, теперь мне кажется, что с напускным дружелюбием, впрочем, и моя сердечность тоже была напускной, меня добил приезд Юдзу, а также осознание необходимости избавиться от Юдзу, и избавиться как можно скорее, вследствие чего я оказался не в состоянии заметить их прелести, а если бы и заметил, то не поверил бы в их реальность, словно сомалийский беженец, случайно увидевший в сети документальный фильм о водопадах Бернского оберланда. Дни мои протекали все более мучительно,

1 Поля (исп.).

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

начисто лишённые хоть каких-нибудь событий, достойных этого слова, да и попросту смысла жизни, в итоге я окончательно забросил производителей абрикосов в Руссильоне; в кафе я стал ходить реже, опасаясь столкнуться с очередной индигнадкой с голой грудью. Наблюдал себе за солнечными зайчиками на тротуарных плитках и пил одну бутылку бренди *Cardenal Mendoza* за другой, вот, собственно, и все.

Несмотря на невыносимую бессодержательность подобного существования, я с тревогой ждал отъезда, на обратном пути мне придется несколько дней спать в одной постели с Юдзу, мы все-таки еще не дошли до того, чтобы брать отдельные номера, да мне и духу не хватило бы так надругаться над *Weltanschauung*¹ дежурных администраторш, если не всего обслуживающего персонала гостиницы, так что мы будем неразлучны круглые сутки, и эта пытка растянется на целых четыре дня. В эпоху Камиллы у меня на обратный путь уходило двое суток, во-первых, потому что она водила машину и в любой момент могла меня подменить, а кроме того, в Испании тогда не соблюдались правила ограничения скорости, они еще не перешли на водительские права с системой баллов, и вообще в те годы бюрократические силы европейских стран не взаимодействовали еще так слаженно и на мелкие правонарушения, совершенные иностранцами, смотрели сквозь пальцы. Скорость 150–160 километров в час, вместо жалких ста двадцати, позволяла не только, понятное дело, сократить время в пути, но главное — дольше высидеть за рулем, не говоря уже о большей безопасности. На уходящих вдаль, раскаленных от солнца испанских автострадах, прямолинейных, нескончаемых и пустынных, тяну-

¹ Мировоззрение (нем.).

щихся среди смертельно тоскливых пейзажей, особенно между Валенсией и Барселоной — а уходить с этой трассы не имеет смысла, едучи от Альбасете в Мадрид, тоже можно впасть в депрессию, — так вот, на испанских автострадах, даже выпивая *café solo*¹ при каждом удобном случае и не выпуская из зубов сигарету, очень трудно не заснуть, через два-три часа нудной езды глаза слипаются сами собой, только выброс адреналина на высокой скорости позволяет не утратить бдительность, так что это идиотское ограничение скорости явилось непосредственной причиной роста числа ДТП со смертельным исходом на автострадах Испании, и чтобы избежать риска ДТП со смертельным исходом — хотя это было бы как раз хорошим решением, — я вынужден был ограничить пробег 500–600 километрами в день.

Уже в эпоху Камиллы по пути было почти невозможно найти отель с номерами для курящих, но поскольку, в силу вышеуказанных причин, мы за один день проезжали всю Испанию и на следующий день добирались до Парижа, нам удалось обнаружить несколько диссидентских заведений, одно на Берегу Басков, другое на Кот-Вермей и третье тоже в Восточных Пиренеях, но вдалеке от моря, а именно в горной деревне Баньер-де-Люшон, и отелю “Шато де Риель” я обязан поистине феерическими воспоминаниями о невообразимом, китчевом убранстве его номеров в псевдоэкзотическом стиле.

Тогда диктат закона еще не довели до совершенства, лазеек в нем хватало, к тому же я был моложе и предпочитал всегда действовать в рамках за-

1 Эспрессо (ист.).

кона, не утратив еще веру в правосудие своей страны и не сомневаясь в общем и целом в человеколюбивом характере ее законодательства, я еще не мог, увы, похвастаться сноровкой герильеро, но, слегка поднатюпав, не моргнув глазом обезвреживал детекторы дыма: достаточно было открутить крышку этого устройства, пару раз щелкнув кусачками, отключить питание от си-
 рены и забыть о нем навсегда. Куда труднее оказалось усыпить бдительность горничных, чей нюх, натрени-
 рованный на запах сигаретного дыма, практически не давал сбоев, поэтому приходилось их умасливать, оплачивая молчание щедрыми чаевыми, хотя, разуме-
 ется, при таких условиях пребывание в отеле влетало в копеечку, да и заложить они могли в любой момент.

Для первой ночевки я забронировал “Парадор де Чин-
 чон”, и тут трудно что-то возразить, вообще против па-
 радора¹ возразить нечего, к тому же этот парадор, по-
 строенный в монастыре XVI века, отличался особым
 шармом, окна комнат выходили на мощный плитам
 патио с фонтаном, и везде, в коридорах и даже в лобби,
 стояли потрясающие испанские кресла темного дерева.
 В одно из них Юдзу и уселась, закинув ногу на ногу
 с характерным для нее выражением надменной пресы-
 щенности на лице, и, не обращая ни малейшего внима-
 ния на красоту вокруг, тут же включила смартфон, зара-
 нее приготовившись пожаловаться на отсутствие сети.
 Сеть была, и слава богу, это ее займет на весь вечер.
 Но все-таки ей пришлось встать, причем она не преми-
 нула скорчить недовольную мину, чтобы лично предъ-

1 *Парадоры* — отели класса люкс в Испании, расположенные, как правило, в переоборудованных старинных зданиях или с видом на исторические места.

явить паспорт и вид на жительство во Франции, а также расписаться в указанных местах на трех бланках, врученных ей менеджером отеля, — странным образом администрация парадоров сохранила дотошность и казенные замашки, никак не вяжущиеся с представлением западного туриста о приеме гостей в *шарм-отеле*¹, приветственных коктейлей они не подавали, зато непременно делали фотокопии паспортов, наверное, тут мало что изменилось со времен Франко, притом что парадоры и *есть* шарм-отели, более того, они являются почти безупречным их архетипом, да и вообще в Испании все средневековые замки и монастыри эпохи Возрождения, которые еще держатся в вертикальном положении, перестроены в парадоры. Эта дальновидная политика, начатая еще в 1928 году, стала набирать обороты чуть позже, с приходом к власти одного человека. Франсиско Франко, если отвлечься от иных, порой сомнительных аспектов его политической деятельности, можно по праву считать родоначальником *шарм-туризма* в мировом масштабе, но свершения его этим не ограничились, этот универсальный ум заложит впоследствии основы поистине *массового туризма* (вы только задумайтесь о Бенидорме! о Торремолиносе! существовало ли в мире что-либо сопоставимое в шестидесятые годы?); Франсиско Франко, по сути, был подлинным гигантом туризма, рано или поздно ему воздастся именно по этим делам его, кстати, процесс уже пошел в некоторых швейцарских школах гостиничного бизнеса, мало того, экономической политике франкистского режима были недавно посвящены интерес-

1 От *франц.* hôtel de charme — *букв.*: очаровательная гостиница. Подобно парадорам, такие отели часто располагаются в исторических зданиях.

ные университетские исследования в Гарварде и Йеле, из коих следует, что каудильо, предчувствуя, что Испания никогда не вскочит на подножку уходящего поезда технической революции, которую она, скажем прямо, элементарно проворонила, отважился сделать ход конем, инвестируя сразу в третью и конечную фазу развития европейской экономики, сведенную к посредничеству, туризму и оказанию услуг, и предоставил таким образом своей стране решающее конкурентное преимущество в тот момент, когда работники с постоянными доходами из новых индустриальных стран, добившись более высокой покупательной способности, решили тратить деньги в Европе либо на элитный туризм, либо на туризм массовый, в зависимости от своего положения в обществе, впрочем, надо сказать, что китайцев в “Парадоре Чинчон” я пока не заметил, за нами ждала своей очереди самая обыкновенная супружеская пара английских профессоров, но китайцы рано или поздно появятся, обязательно появятся, я несколько в этом не сомневался, только тут придется все же упростить процедуру регистрации, какое бы уважение мы ни питали — и не можем не питать — к подвигам каудильо в области туризма; с тех пор много воды утекло, и я сомневаюсь, что в наше время пришедшие с холода шпионы вздумают вдруг затесаться в невинное стадо обычных туристов, пришедшие с холода шпионы сами стали обычными туристами, по образу и подобию своего предводителя Владимира Путина, первого среди равных.

Покончив с формальностями, завизировав и подписав все гостиничные бланки, я на мгновение снова испытал прилив мазохистской радости, поймав на себе

иронический и даже презрительный взгляд Юдзу, когда протянул дежурному администратору свою бонусную карточку *Amigos de paradores*¹, чтобы он отметил мне заработанные баллы; ничего, подождет, не развалится. Затем я отправился в наш номер, волоча за собой свой самсонайт; она шла следом, дерзко вскинув голову, притом что ее чемодан и сумка от Задига и Вольтера (или Паскаля и Блеза, всего не упомнишь) остались стоять прямо посередине лобби. Я сделал вид, что ничего не заметил, и как только мы вошли в номер, вынул из мини-бара *Cruzcampo* и закурил — ничего страшного, я убедился на опыте, что детекторы дыма в парадорах тоже были наследием франкистской эры, скорее даже конца франкистской эры, и вообще плевать они тут хотели на детекторы, на эту мелкую запоздалую уступку стандартам международного туризма, сделанную в иллюзорной надежде на гипотетическую американскую клиентуру, которая все равно никогда не доберется до Европы, а уж до парадоров и подавно, из европейских городов только Венеция еще может похвастаться каким-никаким американским присутствием, так что европейским туроператорам пора бы обратить внимание на новые, более неотесанные страны, где рак легких является лишь едва заметным и плохо задокументированным неудобством. В течение следующих минут десяти ничего или почти ничего не происходило, Юдзу, послонявшись по комнате, убедилась, что мобильник по-прежнему ловит сеть, зато содержимое мини-бара никак не соответствует ее статусу: там наличествовали лишь пиво, обычная кока-кола (даже коки-лайт не нашлось) и минеральная вода.

¹ “Друзья парадоров” (исп.).

Потом она процедила с еле уловимой вопросительной интонацией: “Багаж они, конечно, не приносят?” — “Понятия не имею”, — ответил я, открывая вторую бутылку *Cruzcampo*. Японцы в принципе не умеют краснеть, то есть психологический механизм у них срабатывает, но в результате получается скорее охра; должен признать, она умела держать удар, разве что задрожала мелкой дрожью, но проглотила пилюлю, и не прошло и минуты, как она молча развернулась и вышла. Она появилась еще через несколько минут, волоча за собой чемодан, я же спокойно допивал пиво. Когда еще через пять минут она возникла с дорожной сумкой, я как раз приступал к третьей бутылке — после дороги я буквально умирал от жажды. Как я и рассчитывал, она весь вечер со мной не разговаривала, что позволило мне сосредоточиться на еде — владельцы парадоров не только использовали национальное архитектурное наследие, но и с самого начала поставили перед собой задачу продемонстрировать испанскую региональную кухню во всем ее великолепии; по-моему, у них получалось довольно вкусно, хоть и жирновато, как водится.

Решив повысить планку, я забронировал на вторую ночь отель из сети *Relais & Châteaux* — замок Бриндос в Англете, неподалеку от Биаррица. Тут уж был и ответственный коктейль, и усердная многочисленная обслуга, в номере нас ждали канеле и печенье макарон в фарфоровых чашах, а в мини-баре охлаждалась бутылка шампанского “Рюинар”, короче, это оказался охрененный *Relais & Châteaux* на охрененном, сука, Берегу Басков, и все было бы прекрасно, не вспомни я вдруг, войдя в читальный салон, где вокруг столов со стопками *Figaro Magazine*, *Côte Basque*, *Vanity Fair* и прочей прессы стояли глубокие кресла с ушами, что

я уже останавливался в этом отеле с Камиллой, в конце лета, перед тем как мы расстались, в конце нашего последнего лета, так что и без того едва ощутимый миллетный прилив симпатии к Юдзу (которая в более благоприятной среде обитания воспрянула духом, замурлыкала, так сказать, и даже принялась раскладывать на кровати свои наряды с явным намерением всех *заглотить* на ужине) и тот мгновенно иссяк, когда я невольно сравнил их манеру держаться в этих интерьерах. Камилла, опешив, прошла по парадным салонам, задрала голову, изучила картины в рамках, стены каменной кладки и декоративные светильники. Войдя в номер, она аж замерла, впечатленная белоснежным великолепием кровати кинг-сайз, и робко села на краешек, чтобы испытать ее мягкость и упругость.

Окна нашего полулюкса выходили на озеро, и Камилла сразу предложила сняться на его фоне, а когда, открыв дверку мини-бара, я спросил, не налить ли ей шампанского, она воскликнула “Ой, дааа!” с выражением полнейшего счастья на лице; я знал, что она упивалась каждым мгновением этого счастья, доступного высшим слоям среднего класса, чего обо мне не скажешь, я уже бывал в отелях такого уровня: отправляясь на каникулы в Мерибель, мы с отцом по пути останавливались, например, в “Шато-д’Иже” в департаменте Сона и Луара или в “Домен де Клерфонтен” в Шонас-л’Амбаллане, да я и сам принадлежал к высшему среднему классу, тогда как она была дитя среднего среднего класса, обнищавшего во время кризиса.

Мне даже расхотелось гулять у озера в ожидании ужина, я пришел в ужас от одной только кошунственной мысли об этой прогулке и нехотя напялил пиджак (все-таки допив предварительно шампанское), чтобы

проследовать в ресторан отеля, отмеченный звездочкой в мишленовском путеводителе, где Джон Арган подвергал *творческому переосмыслению* местную баскскую кухню в меню под названием “Джон идет на рынок”. Эти рестораны, кстати, были бы вполне сносными, если бы официанты не взяли в последнее время манеру приподнятым тоном, исполненным гастрономически-литературного пафоса, подробно повествовать об ингредиентах любой аперитивной мелочи, подкарауливая признаки понимания или как минимум заинтересованности во взгляде клиента, с целью, надо думать, превратить трапезу в коллективное дружеское застолье, хотя уже один их возглас “Приятного отдыха!”, заключавший торжественную проповедь, напрочь отбивал у меня аппетит.

Еще одно куда более прискорбное нововведение, появившееся уже после того, как я побывал здесь с Камиллой, заключалось в оснащении номеров детекторами дыма. Я их заметил уже с порога, понимая, что, учитывая высоту потолка — по меньшей мере метра три, а то и четыре, — мне не удастся их вырубить. Проканителю паре часов, я обнаружил в шкафу дополнительные одеяла и лег спать на балконе — благо ночь была теплой, а я, помню, и не такого натерпелся в Стокгольме, куда ездил на конгресс по свиноводству. Одна из фарфоровых чаш из-под сладостей вполне сгодится под пепельницу; утром я ее просто помою, зарыв окурки в жардиньерке с гортензиями.

Третий день путешествия тянулся бесконечно, создавалось ощущение, что трасса А10 вся целиком на ремонте, а на выезде из Бордо мы два часа проторчали в пробке. В состоянии крайнего раздражения я доехал до Ньюра,

одного из самых уродливых городов, какие мне приходилось видеть. Юдзу не сумела сдержать изумленной гримасы, сообразив, что на эту ночь мы остановимся в “Меркюр-Маре-Пуатвен”. С какой это стати я подвергаю ее таким унижениям? Унижениям к тому же напрасным, потому что администраторша с плохо скрываемым злорадством сообщила мне, что с недавних пор “по многочисленным просьбам клиентов” отель принимает исключительно некурящих, — да, на их сайте это еще не объявлено, о чем она сожалеет.

На следующий день, ближе к вечеру, когда мы подъезжали к Парижу, я впервые в жизни испытал облегчение, увидев вдалеке очертания его пригородов. В молодости каждое воскресенье я отправлялся вечером из Санлиса, где прошло мое счастливое детство, в Париж, поскольку учился в центре города, и, проезжая через Виллье-ле-Бель, Сарсель, Пьерфит-сюр-Сен и Сен-Дени, отмечал, как возрастала постепенно плотность населения, плодились кварталы многоэтажек, перепалки в автобусе становились все агрессивнее, ощущение опасности усиливалось буквально на глазах, и всякий раз, неизменно, с небывалой остротой меня охватывало чувство, что я возвращаюсь в ад, в ад, созданный людьми по своему вкусу. Теперь все изменилось, поднявшись по социальной лестнице хоть и без особого блеска, но достаточно высоко, я мог отныне и, надеюсь, навсегда избежать физического и даже визуального контакта с опасными классами общества, я пребывал теперь в своем личном аду, который я сам создал себе по своему вкусу.

Мы жили в большой трехкомнатной квартире на двадцать девятом этаже башни “Тотем”, причудливой ячеистой конструкции из бетона и стекла на четырех гигантских ногах из необработанного бетона, напоминавшей отвратные на вид, но, говорят, вкуснейшие грибы под названием, если не ошибаюсь, сморчки. Башня “Тотем” находится в самом центре квартала Богренель, прямо напротив Лебединого острова. Меня воротило от нашей многоэтажки и от всего квартала Богренель тоже воротило, но Юдзу обожала этот гигантский бетонный сморчок, она буквально “сразу в него влюбилась”, о чем заявляла всем гостям, во всяком случае в первое время, Впрочем, может, и теперь заявляла, но я давно перестал общаться с гостями Юдзу, за минуту до их появления запирался у себя в комнате и весь вечер носа оттуда не показывал.

Мы уже несколько месяцев спали в разных комнатах, я оставил ей “супружескую спальню” (супружеская спальня, уточняю для моих читателей из народа, это обычная комната с гардеробной и ванной), а сам занял “комнату для друзей”, пользуясь смежной с ней душевой, — душевой мне было вполне достаточно: почистил зубы, принял душ, и готово.

Наши отношения достигли терминальной стадии, ничто уже не могло бы их спасти, да и незачем, однако

нельзя не признать, что у нас была квартира с так называемым “великолепным панорамным видом”. Окна гостиной и супружеской спальни выходили на Сену, за ней, по ту сторону 16-го округа, виднелся Булонский лес, парк Сен-Клу и так далее; в ясную погоду на горизонте маячил даже Версальский дворец. Окна моей комнаты выходили непосредственно на соседний “Новотель”, до которого было рукой подать, и поверх него — на большую часть Парижа, но это зрелище меня не занимало, я никогда не раздергивал двойные шторы, потому что меня воротило не только от квартала Богренель, меня воротило и от Парижа, я испытывал отвращение к городу, где кишмя кишели представители эко-ответственной буржуазии, я, может, и сам представитель буржуазии, но уж точно не эко-ответственный, я ездил на дизельном внедорожнике — так что, не совершив за всю жизнь никаких особо добрых поступков, я, по крайней мере, внес свой вклад в разрушение планеты, — и вдобавок еще систематически саботировал налаженную домоуправлением программу раздельного сбора мусора, бросая пустые винные бутылки в контейнер для бумаги и тары, а пищевые отходы — в бак для стекла. Я даже немного кичился отсутствием у себя сознания гражданского долга, а кроме того, подленько мстил таким образом за непристойную квартплату и стоимость коммунальных услуг — на квартплату, коммунальные услуги и ежемесячное пособие Юдзу, которое она затребовала на “хозяйственные нужды” (ограничивавшиеся, в основном, заказом суши), уходило девяносто процентов моего заработка, так что в конечном счете моя взрослая жизнь свелась к медленному проеданию отцовского наследства, а мой отец

такого не заслуживал, нет, давно пора покончить с этим идиотизмом.

Когда я познакомился с Юдзу, она работала в японском культурном центре на набережной Бранли, в полукилометре от нашей квартиры, и при этом ездила туда на велосипеде, на своем дурацком голландском велосипеде, который ей потом приходилось впихивать в лифт и парковать в гостиную. Думаю, на эту синекуру ее пристроили по благу родители. Я понятия не имел, чем промышляли ее родители, но деньги у них явно водились (из единственных дочерей богатых родителей получают такие вот Юдзу, вне зависимости от страны и культуры), возможно, и не такие уж большие деньги, вряд ли ее отец был президентом “Сони” или “Тойоты”, скорее уж каким-нибудь чиновником, высокопоставленным чиновником.

Ее взяли на эту должность, объяснила мне Юдзу, для “омоложения и модернизации” культурной программы. Тут ей было над чем поработать: от буклета, в который я заглянул, когда впервые зашел к ней в офис, повеяло смертельной тоской: кружки по оригами, икебана и тенкоку, выступления театра камисибай и барабанщиков тайко, лекции об игре в го и чайной церемонии (школа Урасэнкэ, школа Омотэ Сэнкэ); их редкие японские гости являлись живыми национальными сокровищами, едва живыми точнее, большинству из них было под девяносто, их следовало бы величать национальными сокровищами при последнем издыхании. Короче, ей достаточно было организовать две-три выставки манга или пару фестивалей, посвященных новым тенденциям в японском

порно, чтобы выполнить свои обязанности по контракту; *it was quite an easy job*¹.

Я перестал ходить на мероприятия Юдзу полгода назад, побывав на выставке Дайкичи Аmano. Этот фотограф и видеохудожник снимал обнаженных женщин, положив на них разных мерзких тварей вроде угрей, кальмаров, тараканов и кольчатых червей... На одном видео японка зубами хватала за щупальца осьминога, вылезающего из унитаза. По-моему, мне никогда не доводилось видеть ничего более отвратительного. К сожалению, я, как водится, начал с бужета и только потом обратил внимание на экспонаты; через пару минут я ринулся в туалет культурного центра, где меня и вырвало рисом и сырой рыбой.

Выходные всякий раз превращались в пытку, зато в будни мне удавалось почти не встречаться с Юдзу. Когда я уходил в министерство, она еще спала беспробудным сном — она вообще редко вставала раньше полудня. А когда я возвращался с работы около семи вечера, ее, как правило, не было дома. Вряд ли ее отсутствие в столь поздний час объяснялось служебными функциями, но, в конце концов, ее можно понять, Юдзу было всего двадцать шесть, мне на двадцать лет больше, а с возрастом стремление к общественной жизни снижается, рано или поздно признаешься себе, что закрыл тему, кроме того, я установил у себя в спальне декодер *SFR* с доступом к спортивным каналам и теперь смотрел матчи футбольных чемпионатов Франции, Англии, Германии, Испании и Ита-

1 Это была очень непыльная работа (*англ.*).

лии, обеспечив себе долгие часы развлечений, будь у Паскаля декодер *SFR*, он бы небось запел по-другому, да и стоило это не дороже, чем у других провайдеров, непонятно, почему *SFR* в своих рекламных кампаниях не делает упор на такой великолепный пакет спортивных программ, впрочем, это их дело.

Однако, с точки зрения общепринятой морали, гораздо предосудительнее было пристрастие Юдзу к “секс-пати”, в котором я не сомневался. Как-то в самом начале нашего романа я ее туда сопровождал. Это мероприятие проходило в особняке на набережной Бетюн, на острове Сен-Луи. Я понятия не имею, какова рыночная стоимость такого дома, миллионов двадцать евро, как знать, — но ничего подобного я никогда не видел. В вечеринке принимали участие человек сто, в соотношении приблизительно два мужика на одну женщину; мужчины с явно более низким социальным статусом в большинстве своем были моложе женщин, многие из них вообще смахивали на пригородных гопников, и я даже было решил, что им тут приплачивают, хотя не факт, в конце концов, ебля на халяву для многих мужчин уже подарок, плюс в анфиладе из трех парадных салонов подавали шампанское и птифуры, там я и провел вечер.

Ничего имеющего отношения к сексу в парадных салонах не происходило, но весьма эротические наряды женщин и постоянные отлучки парочек или целых групп, которые то поднимались наверх в номера, то, наоборот, спускались в подвал, не оставляли никаких сомнений относительно характера этого собрания.

Приблизительно через час, когда стало ясно, что я совершенно не намерен пойти поинтересоваться, какие затеваются междусобойчики за пределами буфета,

Юдзу вызвала “Убер”. На обратном пути я не услышал от нее ни единого упрека, но при этом она не выразила ни сожаления, ни смущения; она ни словом не обмолвилась о вечеринке, да и вообще больше, мне кажется, никогда о ней не упоминала.

Ее упорное молчание, казалось мне, только подтверждало мою гипотезу, что она так и не отказалась от подобного рода забав, и как-то вечером я решил вывести ее на чистую воду — дурацкая затея, конечно, она могла вернуться в любой момент, и потом, копаться в компьютере своей спутницы жизни — занятие не самое похвальное, все-таки странная это штука — жажда знаний, ну, может, жажда — это сильно сказано, просто в тот вечер не оказалось интересных матчей.

Отсортировав ее мейлы по размеру, я быстро нашел письма с вложенными видеофайлами. В первом из них моя подруга красовалась в центре генг-бенга классического образца: она дредила, сосала, а десятка полтора мужиков, терпеливо ожидавших своей очереди, попеременно вставляли ей, пользуясь для вагинального и анального секса презервативами; никто при этом не произносил ни слова. Внезапно она решила взять в рот два члена разом, но не вполне справилась с задачей. Затем ее партнеры кончали ей на лицо, полностью залив его спермой, и она закрыла глаза.

Ну что ж, прекрасно, если так можно выразиться, я даже не слишком удивился, меня задело совсем другое — я сразу понял по обстановке, что съемки проходили у нас дома, более того, в супружеской спальне, и вот это уже не очень мне понравилось. Наверное, она воспользовалась моей очередной командировкой в Брюссель, а я уже год туда не ездил, то есть дело было

в самом начале нашей совместной жизни, в то время, когда мы еще с ней еблись, и еблись много, мне кажется, я никогда в жизни столько не ебся, она была готова этим заниматься практически без передышки, из чего я заключил, что она в меня влюблена, возможно, это была погрешность анализа, но погрешность анализа, свойственная многим мужчинам, либо это никакая не погрешность, просто так уж устроены женщины (как пишут в работах по популярной психологии), это их формат (как говорят участники политических дебатов на канале *Public Sénat*), и Юдзу просто особый случай.

Как оказалось, это был реально особый случай, что не замедлило подтвердить второе видео. На сей раз действие разворачивалось не у меня дома, и даже не в частном особняке на острове Сен-Луи. Особняк на Сен-Луи был обставлен элегантно, с подчеркнутым минимализмом, в черно-белых тонах, этот же ролик снимался в богатых буржуазных чиппендейловских интерьерах, скорее всего на какой-нибудь авеню Фош, у зажиточного гинеколога или успешного телеведущего, ну, как бы там ни было, Юдзу, подкрючив на оттоманке, сползла на пол, вернее, на ковер с невнятно-персидским орнаментом, где ее и поймел доберман почтенного возраста со всей мощью, присущей его породе. Потом камера поменяла ракурс — оказывается, пока ее жарил доберман (в естественных условиях собаки кончают очень быстро, но писька женщины, очевидно, сильно отличается от сучьей, и он подрастерялся), Юдзу теребила член бультерьера, а затем взяла его в рот. Бультерьер, будучи явно помоложе добермана, кончил меньше чем за минуту, и ему на смену пришел боксер.

После этой собачьей групповухи я выключил видео, меня тошнило, но, в основном, я переживал за собак, с другой стороны, что греха таить, для японки (судя по тому, что я успел узнать о ментальности этой нации) нет большой разницы спать с жителем Запада или сношаться с животным. Перед тем как выйти из супружеской спальни, я скинул все видеофайлы на флешку. Узнать на них Юдзу было очень легко, и я начал обдумывать новый план по освобождению, который состоял просто-напросто (ведь все гениальное просто) в том, чтобы выкинуть ее из окна. Привести его в исполнение будет нетрудно. Сначала ее надо напоить — под тем предлогом, что это напиток исключительного качества, типа подарок местного производителя мирабели из Вогезов, она всегда велась на такого рода аргументы, в этом смысле она так и осталась туристкой. Японцы и вообще азиаты с трудом переносят алкоголь из-за плохого функционирования в их организме фермента ацетальдегиддегидрогеназа, завершающего процесс окисления этанола до уксусной кислоты. Не пройдет и пяти минут, как она впадет в пьяное отупение, это мы уже проходили; и тогда я просто открою окно и перенесу туда ее тело, она весит килограммов пятьдесят (приблизительно как ее багаж), так что тащить ее будет легко, а двадцать девять этажей это не шутка.

Я, конечно, мог бы попытаться выдать ее гибель за несчастный случай вследствие злоупотребления спиртным, что выглядело бы весьма правдоподобно, но я беззаветно верил, возможно, чересчур беззаветно, в полицию своей страны, и поначалу планировал даже признаться в содеянном, ведь эти видео, говорил я себе, послужат мне смягчающим обстоя-

тельством. Согласно статье 324 Уголовного кодекса 1810 года, “убийство супруги, совершенное супругом, как и убийство последнего, совершенное таковой, не заслуживает снисхождения (...) однако в случае супружеской измены, в соответствии со статьей 336, убийство супруги, а также ее сообщника, совершенное супругом в момент обнаружения их на месте преступления в супружеском доме, заслуживает снисхождения”. Иными словами, если бы я появился дома с “калашниковым” наперевес в тот вечер, когда они устроили оргию, и живи мы при Наполеоне, меня бы оправдали без проблем. Но эпоха Наполеона миновала, миновала даже эпоха “Развода по-итальянски”, и в результате быстрого поиска в интернете я выяснил, что за убийство на почве страсти, совершенное одним из супругов, дают в среднем семнадцать лет; отдельным феминисткам и этого мало, они требуют более суровых наказаний, предлагая ввести в уголовный кодекс понятие “феминицида”, что, на мой взгляд, довольно забавно, напоминает инсектицид и пестицид. Но все же семнадцать лет это слишком.

С другой стороны, подумал я, может, в тюрьме не так уж и плохо, она избавляет от всех административных проблем и предоставляет бесплатное медицинское обслуживание, загвоздка, правда, в том, что там всех постоянно бьют и насилюют сокамерники, хотя не исключено, что сокамерники унижают и опускают в основном педофилов либо хорошеньких юношей с ангельскими попками, нежных и светских нарушителей порядка, которые по-глупому попались на дорожке кокса, я же был парень коренастый, мускулистый, в меру пьющий и, в сущности, вполне соответствовал профилю среднестатистического заключенного.

“Униженные и убоженные” — хорошее название в стиле Достоевский-треш, кстати, Достоевский вроде бы писал о мире пенитенциарных учреждений, может, и нам сойдет, проверять мне было некогда, надо было срочно принять решение, к тому же мужик, замочивший жену в порыве мщения “за поруганную честь”, должен, по идее, пользоваться некоторым уважением у сокамерников, размышлял я, руководствуясь своими весьма поверхностными познаниями в области психологии тюремной среды.

Но надо сказать, мне и на воле кое-что очень даже нравилось, например, походы в супермаркет G20 с его четырнадцатью разновидностями хумуса или прогулки по лесу, в детстве я обожал гулять по лесу, жалко, мало гулял, что-то я совсем утратил связь с детством, видимо, длительное заключение все же не лучший выход из положения, но на самом деле перевесил, конечно, хумус. Не говоря уже о моральных аспектах убийства, разумеется.

Как ни удивительно, меня наконец осенило, когда я смотрел *Public Sénat* — хотя от этого канала я ничего особенного не ждал, во всяком случае ничего такого. В документальном фильме “Пропавшие по собственному желанию” рассказывались истории нескольких человек, которые в один прекрасный день, совершенно неожиданно, решили сжечь мосты, порвав отношения с семьей, друзьями и коллегами: один из них в понедельник утром по дороге на работу бросил машину на стоянке у вокзала, сел наугад в первый попавшийся поезд и поехал куда глаза глядят; другой, выйдя с вечеринки, вместо того чтобы вернуться домой, снял номер в первом попавшемся отеле, а потом долгие месяцы скитался по парижским гостиницам, каждую неделю меняя адрес.

Статистика впечатляла: во Франции ежегодно более двенадцати тысяч человек принимают решение исчезнуть, оставить семью и начать новую жизнь, иногда на другом конце света, иногда в своем же городе. Я был ошеломлен и до самого утра просидел в интернете, чтобы разузнать об этом поподробнее, постепенно убеждаясь, что нашел свою судьбу: я тоже исчезну по собственному желанию, к тому же мой кейс предельно прост, мне надо скрываться не от жены, родственников или терпеливо укомплектованной ячейки общества, а всего лишь от сожительницы-иностранки, не имеющей ни малейшего права меня преследовать.

Однако на всех онлайн-ресурсах, равно как и в фильме, особо подчеркивался тот факт, что во Франции любой человек, достигший совершеннолетия, “свободен в своих передвижениях” и уход из семьи не считается правонарушением. Эти слова следовало бы выгравировать крупными буквами на всех общественных зданиях: *уход из семьи во Франции не является правонарушением*. Они очень настаивали на этом пункте, приводя весомые аргументы. Теперь если лицо, пропавшее без вести, попадет под проверку полиции или жандармерии, то полиции и жандармерии строго *запрещается* сообщать о его местонахождении без его согласия; так, в 2013 году процедура объявления в розыск по требованию членов семьи была отменена. С ума сойти, в стране, где из года в год урезаются права личности, законодательство сохранило это фундаментальное, даже, на мой взгляд, еще более фундаментальное и в философском плане более крамольное право, чем право на самоубийство.

Я не спал всю ночь и с утра пораньше принял надлежащие меры. Не имея никакой определенной цели, но полагая, что судьба приведет меня в сельскую местность, я остановил свой выбор на банке “Креди Агриколь”. Счет я открыл мгновенно, но пришлось подождать неделю, чтобы получить доступ в интернет-банк и обзавестись чековой книжкой. Свой счет в БНП я закрыл за пятнадцать минут, и все деньги с него тут же перевел на новый. С переадресацией постоянных платежей, которые мне хотелось сохранить (автостраховка и дополнительное медицинское страхование), я справился при помощи нескольких мейлов. Вот с квартирой пришлось повозиться, я решил, что

логичнее будет выдать им историю про предложение работы в Аргентине, в гигантском винодельческом хозяйстве, расположенном в провинции Мендоса, все сотрудники агентства сочли, что это здорово, стоит завести речь об отъезде из Франции, как все французы восклицают “Как здорово!”, это их национальная особенность, их послушать, так даже переезд в Гренландию — это здорово, а уж в Аргентину сам бог велел, видимо, соберись я в Бразилию, менеджер по работе с клиентами вообще бы со стула свалилась от восторга. За два месяца, оставшихся до расторжения договора об аренде, я заплачу банковским переводом, что касается составления акта о состоянии жилого помещения при выезде, то лично присутствовать я, конечно, не смогу, но в этом, собственно, и нет необходимости.

Оставался вопрос с работой. Я сотрудничал на договорных началах с Министерством сельского хозяйства, продлевая контракт ежегодно в начале августа. Мой начальник, казалось, изумился, что я звоню ему во время отпуска, но назначил мне встречу на тот же день. Я решил, что этот человек, достаточно сведущий в области сельского хозяйства, заслуживает более изощренной выдумки, пусть даже в основу ее ляжет исходный вариант. Поэтому я присовокупил к нему пост консультанта по “экспорту сельхозпродукции” в посольстве Аргентины. “Ах, Аргентина...” — сказал он мрачно. Дело в том, что за последние годы экспорт сельскохозяйственной продукции из Аргентины стремительно вырос во всех областях, и это было только начало — по оценкам экспертов, Аргентина, с ее сорока четырьмя миллионами жителей, сможет в перспективе прокормить шестьсот миллионов человек, и но-

вое правительство все прекрасно понимает, так что, проводя политику девальвации песо, эти сукины дети буквально затопят Европу своими товарами, к тому же у них нет никакого рестриктивного законодательства в отношении ГМО, мы с ними еще наплачемся.

— У них потрясающее мясо... — возразил я примитивным тоном.

— Если бы только мясо... — ответил он, мрачней все больше, — зерновые, соя, подсолнечник, сахар, арахис, плодоовощная продукция в полном объеме, мясо, само собой, и даже молоко — в этих отраслях Аргентина может в обозримом будущем сильно подгадить Европе... Значит, вы переметнулись на сторону врага... — заключил он делано шутливым тоном, но с оттенком подлинной горечи.

Я из осторожности промолчал.

— Вы один из лучших наших экспертов; полагаю, их финансовое предложение того стоит... — добавил он, и по его голосу я понял, что он вот-вот сорвется; я снова решил промолчать, осмелившись лишь скорчить некую гримасу, выражавшую одновременно согласие, огорчение, понимание и скромность, короче, неслабую такую гримасу. — Ну ладно... — Он побарабанил пальцами по столу.

Дело в том, что мой отпуск заканчивался как раз по истечении срока контракта; так что с формальной точки зрения мне незачем было возвращаться. Он, конечно, был слегка сбит с толку, я все-таки застал его врасплох, но ему не впервой. Минсельхоз хорошо платит внештатникам, если они достаточно компетентны и могут работать в оперативном режиме, гораздо лучше, чем своим чиновникам; но тягаться с частным сектором или даже с иностранным

посольством им трудно — решив кого-нибудь заполучить, эти за тратами не постоят, помню, моему однокурснику посольство США посулило, как говорится, золотые горы, он, впрочем, не оправдал доверия, калифорнийские вина по-прежнему плохо продавались во Франции, да и от говядины Среднего Запада что-то никто пока не пришел в восторг, а вот у аргентинской говядины дело шло на лад, хотя и по загадочным причинам — потребитель вообще существо своенравное, гораздо своенравнее говядины, но некоторые советники по связям с общественностью нашли вполне убедительное объяснение этому, они считали, что образ ковбоя уже приелся, все давно усвоили, что Средний Запад — это непонятная безликая территория, застроенная мясокомбинатами, а что вы хотите, от любителей бургеров ведь отбою нет, надо смотреть правде в глаза, ловля коров при помощи лассо — это вчерашний день. А вот при виде гаучо (может, тут сыграла свою роль магия латиноамериканского образа?) у европейского потребителя по-прежнему разыгрывается воображение, ему грезятся бескрайние необозримые просторы и гордая свободолюбивая скотина, гарцующая в пампасах (при условии, что коровы умеют гарцевать, этот пункт требует уточнения), так или иначе, аргентинской говядине был дан зеленый свет.

В последнюю секунду, когда я уже стоял в дверях, мой бывший начальник все же пожал мне руку и, собравшись с духом, пожелал мне напоследок удачи на новом поприще.

Я освободил свой кабинет минут за десять, не больше. Было около четырех, еще и день не кончился, а я уже полностью переиначил свою жизнь.

Следы своей прошлой общественной жизни я стер без особых затруднений, благодаря интернету все значительно упростилось, и счета, налоговые декларации и прочие формуляры заполнялись теперь онлайн, необходимость в почтовом адресе отпала, хватало электронного. У меня, однако, все еще было тело, и оно испытывало определенные потребности, так что самой трудоемкой частью моего побега оказались поиски в Париже отеля, куда пускали бы курящих. Мне пришлось сделать добрую сотню звонков, каждый раз напарываясь на торжествующее презрение дежурных, которые с нескрываемым удовольствием злорадно твердили: “Нет, месье, это невозможно, все номера отеля являются *некурящими*, ваш звонок очень важен для нас”, — короче, я провел за этим занятием целых два дня и только на рассвете третьего, когда уже всерьез задумался, не податься ли в бомжи (бомж с семьюстами тысячами евро на счету — это весьма пикантно), я вспомнил про “Меркюр-Маре-Пуатвен” в городе Ньор, где еще недавно принимали курильщиков, может, хоть с сетью “Меркюр” мне повезет.

И точно, просидев в интернете еще несколько часов, я выяснил, что если подавляющее большинство парижских отелей “Меркюр” и превратилось в зону для некурящих, то из этого правила существовали исключения. Таким образом, своим спасением я буду обязан даже не какому-нибудь независимому отелю-одиночке, а просто мелкому клерку, питающему отвращение к приказам начальства, то есть непокорности и бунту индивидуального морального сознания, уже описанных в ряде экзистенциалистских послевоенных пьес.

Отель находился на авеню Сестры Розалии в 13-м округе, возле площади Италии, я на авеню этой никогда не бывал, и сестру такую не знал, но площадь Италии вполне меня устраивала, на таком значительном расстоянии от квартала Богренель можно было не опасаться случайной встречи с Юдзу, она тусовалась только в Маре и на Сен-Жермене, и, добавив к этим кварталам пару секс-вечеринок в 16-м и 17-м округах, можно было по полученным точкам легко прочертить ее маршрут, так что на площади Италии мне будет так же спокойно, как в Везуле или Ромо-рантене.

Я назначил переезд на понедельник 1 августа. Вечером 31 июля я сидел в гостиной в ожидании Юдзу. Интересно, сколько времени ей понадобится, чтобы сообразить, что происходит, уяснить себе, что я ухожу навсегда и никогда не вернусь. Ее пребывание во Франции было ограничено договором об аренде — через два месяца после его расторжения она должна освободить помещение. Я понятия не имел, сколько она зарабатывала в японском культурном центре, но явно недостаточно, чтобы снимать эту квартиру, а с жизнью в жалкой однушке она вряд ли смирится, ведь для начала ей придется избавиться от трех четвертей своих нарядов и косметики, — несмотря на то, что гардероб и ванная комната в супружеской спальне были внушительных размеров, она умудрилась заполнить доверху все шкафы, количество предметов первой необходимости для поддержания статуса женщины оказалось у нее просто ошеломляющим, женщины часто не догадываются, как это сердит и даже бесит мужчин, у них в итоге возникает подозрение, что им достался некондиционный товар, чья красота требует бесконечных ухищрений, — ухищрений, которые вскоре (каким бы ни было изначально снисходительное отношение настоящего мачо к перечисленным женским причудам) начинают казаться ему аморальными, дело в том, что она вечно торчала в ванной комнате, я по-

нял это во время нашего совместного отдыха: на утренний туалет (ближе к полудню), более поспешные восстановительные работы в середине дня и нескончаемую и безысходную церемонию вечернего омовения (как-то она призналась, что умащает себя восемнадцатью разными кремами и лосьонами) у нее, по моим подсчетам, ежедневно уходило по шесть часов, и это было тем более прискорбно, что так поступают далеко не все женщины, попадают и контрпримеры — тут меня вдруг охватила душераздирающая тоска при воспоминании о шатенке из Аль-Алькиана и ее крохотном чемоданчике, некоторые женщины кажутся естественнее, они как-то естественнее сочетаются с окружающим миром, им даже порой удастся изобразить безразличие к собственной красоте, конечно, это очередная уловка, но результат налицо, Камилла, скажем, проводила в ванной комнате максимум полчаса, и я уверен, что и шатенка из Аль-Алькиана не больше.

Поскольку арендную плату ей не потянуть, Юдзу вынуждена будет вернуться в Японию, если только не решит вдруг заняться проституцией, у нее имелись необходимые для этого мощности, ее сексуальные услуги были высочайшего качества, особенно в ключевой сфере минета, она усердно вылизывала головку члена, при этом не упуская из внимания факт наличия яиц; разве что она не могла порадовать глубокой глоткой в связи с небольшим размером рта, но, на мой взгляд, глубокая глотка — это всего лишь навязчивая идея немногочисленной группы маньяков, если так уж хочется, чтобы член полностью утонул во плоти, почему бы не воспользоваться влагищем, оно ведь для того и предназначено, а преимущество рта, то есть язык, в любом случае самоустраняется в замкнутом про-

странстве глубокой глотки, где язык *ipso facto* лишается всякой возможности действия, впрочем, тут не о чем спорить, суть в том, что Юдзу великолепно дровичла, и дровичла охотно, при любой погоде (сколько полетов она мне скрасила своей потрясающей дровичкой!), а главное, она отличалась необычайными талантами в области анального секса, ее задница была крайне восприимчива и легкодоступна, да и подставляла она ее с дорогой душой, а за анал в сфере эскортинга приходится доплачивать, в принципе, за анал она могла бы запросить гораздо дороже, чем обычная блядь, я пустил бы ее по тарифу 700 евро/час и 5000 евро/ночь: благодаря своей неподдельной элегантности и ограниченному, но вполне терпимому культурному уровню, она могла бы стать настоящей эскорт-герл, которую не страшно привести с собой на ужин, даже на важный деловой ужин, уж не говоря о ее причастности к миру искусства, неисчерпаемому источнику ценных тем для разговора, ведь деловые круги, как мы знаем, весьма падки на разговоры об искусстве, кстати, насколько мне известно, некоторые мои коллеги в министерстве подозревали, что я связался с Юдзу именно по этой причине, ведь японка — это высший класс, можно сказать, по определению, и она была, признаюсь без ложной скромности, особо классной японкой, я знаю, что благодаря ей мною восхищались, однако должен засвидетельствовать — и поверьте, на закате дней у меня окончательно исчезло всякое желание врать, — я влюбился в Юдзу не потому, что запал на ее “эксклюзивные” качества эскорт-герл, а именно благодаря ее навыкам обычной бляди.

Честно говоря, я совершенно не видел Юдзу в роли бляди. К блядям я ходил часто, иногда в оди-

ночестве, иногда со своими спутницами жизни, так вот, Юдзу не хватало важнейшего качества для этого чудного ремесла: широты души. Блядь не выбирает клиентов, это принцип, это аксиома, она доставляет удовольствие всем без разбору, и в этом ее величие.

Юдзу, конечно, могла быть центральной фигурой генг-бенгов, но это совершенно особая ситуация, когда обилие членов к услугам одной женщины повергает последнюю в состояние нарциссического опьянения, больше всего ее наверняка возбуждает тот факт, что ее окружают дровичающие на нее мужчины, короче, почитайте Катрин Милле, ее книги весьма убедительны в этом отношении, но все же Юдзу, если не считать генг-бенгов, сама выбирала себе любовников, и выбирала тщательно, с несколькими из них я даже пересекался, в основном это были художники (но не вполне проклятые художники, скорее наоборот), иногда попадались управленцы от искусства, но в любом случае все довольно молодые, довольно красивые, довольно элегантные и довольно богатые, в таком городе, как Париж, их хоть отбавляй, тут перманентно присутствует несколько тысяч мужиков, соответствующих этому фотороботу, я бы сказал, навскидку тысяч пятнадцать, но у нее их все же было меньше, наверное, пара-тройка сотен, в том числе несколько десятков за то время, что длились наши с ней отношения, в общем, можно сказать без преувеличения, что во Франции она оторвалась по полной, но теперь все, кончен бал.

Ни разу, пока мы были вместе, она не съездила в Японию, и даже не собиралась туда поехать, я стал свидетелем некоторых ее телефонных разговоров с родителями, они показались мне холодными и фор-

мальными, краткими во всяком случае, так что тут ее нельзя было упрекнуть в необдуманных тратах. Я подзревал — не то чтобы она мне доверилась, но правда просочилась на ужинах, которые мы устраивали в начале нашей совместной жизни, когда собирались еще завести друзей и вписаться в изысканное общество, радушное, но разборчивое, так вот, правда просочилась благодаря присутствовавшим там женщинам, которых она причисляла к своему кругу, модным дизайнершам, например, либо *talent scouts*, их присутствие, видно, и настроило ее на исповедальный лад, — я подзревал, что ее родители в своем непонятном японском далеке вынашивали для нее матримониальные планы, более того, вполне определенные матримониальные планы (вроде бы у них имелось только два претендента, а то и вовсе один-единственный), и окажется она снова под их крылом, ей сложно было бы отвертеться, на самом деле ей не удалось бы отвертеться, разве что она бы сотворила *кандзе* и решилась бы на *хироку* (эти термины — мое изобретение, хотя и не вполне, я запомнил некоторые звукосочетания из ее телефонных разговоров), одним словом, участь Юдзу будет решена в ту минуту, когда ее нога ступит на территорию международного аэропорта Токио Нарита.

Такова жизнь.

Возможно, на этом этапе мне следует внести некоторые уточнения по поводу любви, адресованные скорее женщинам, ибо женщины плохо понимают, что такое мужская любовь, отношение к ним мужчин и их поведение неизменно приводит женщин в замешатель-

ство, они часто приходят к ошибочному выводу, что мужчины любить не способны, крайне редко догадываясь, что само слово “любовь” описывает у мужчин и у женщин совершенно разные реалии.

Женская любовь — это сила, сила созидательная, тектоническая, женская любовь — это один из самых величественных катаклизмов, явленных нам природой, и к ней следует относиться с опаской, ее творческий заряд сродни землетрясениям и изменению климата, она дает жизнь иной экосистеме, иной среде, иной вселенной, своей любовью женщина сотворяет новый мир: когда-то разрозненные мелкие твари барахтались в своем мутном бытии, но вот появилась женщина, создав условия для возникновения пары, новой социальной, эмоциональной и генетической сущности, призванной истребить все следы предшествующего индивидуального бытия; эта новая сущность, совершенная уже по сути своей, как подметил Платон, может иногда усложниться до семьи, но это, в общем, мелочи, что бы ни думал по этому поводу Шопенгауэр, во всяком случае, женщина полностью посвящает себя этой задаче, самозабвенно погружается в нее, отдается ей, так сказать, телом и душой, впрочем, она особо их и не различает, разница между телом и душой для нее не более чем бессмысленные мужские заморочки. И ради осуществления этой задачи, которая таковой, собственно, и не является, ибо это всего лишь проявление жизненного инстинкта, она, не колеблясь, готова пожертвовать собой.

Мужчина по природе своей более сдержан, он, конечно, восхищается этим вихрем чувств и уважает его, недоумевая, правда, с чего вдруг это все на него обрушилось, ему кажется странным такой переполох.

Но постепенно он меняется, его постепенно затягивает закрученная женщиной воронка страсти и наслаждения, точнее, он признает ее *безусловную, чистую волю* и понимает, что эта воля — даже если женщина требует воздать ей должное путем частых, а лучше ежедневных вагинальных проникновений (а это и есть обычное условие ее самореализации), — воля абсолютно добрая, и фаллос, средоточие мужского существа, меняет статус, становясь также условием выражения любви, поскольку иных средств в мужском арсенале нет, и в результате этой странной загогулины счастье фаллоса становится для женщины самоцелью, целью, не допускающей никаких ограничений в используемых средствах. Необычайное наслаждение, доставляемое женщиной, постепенно преобразует мужчину, в нем пробуждается благодарность и восхищение, трансформируется и его видение мира, и совершенно неожиданно, на его взгляд, он приходит к идее *уважения* в кантовском смысле, постепенно привыкая смотреть на мир по-другому, и жизнь без женщины (без той конкретной женщины, которая доставляет ему такое удовольствие) кажется и в самом деле немыслимой, превращаясь в карикатуру на жизнь; и вот тут мужчина начинает любить по-настоящему. То есть мужская любовь — это финал, свершение, в то время как женская — зарождение, начало, и не стоит упускать это из виду.

Случается, однако, хоть и редко, что у самых чувствительных и наделенных богатым воображением мужчин любовь вспыхивает мгновенно, так что *love at first sight*¹ это вовсе не миф; но тогда мужчина, со-

1 Любовь с первого взгляда (англ.).

вершив некий беспрецедентный мысленный кульбит и отчасти забегая вперед, тут же воображает себе всю совокупность удовольствий, которые женщина в течение долгих лет (пока смерть, как говорится, не разлучит их) сможет ему доставить, мужчина уже (“все-гда уже”, говаривал Хайдеггер, когда у него было хорошее настроение) предвосхищает славный конец, и именно такую бесконечность, славную бесконечность взаимных удовольствий я усмотрел во взгляде Камиллы (к Камилле я еще вернусь), а потом, пусть мимолетно (и в гораздо меньшей степени, но все же я был на десять лет старше, и к моменту нашего знакомства секс напрочь исчез из моей жизни, ему там просто уже не осталось места, а я смирился и перестал, по сути, быть мужчиной в полном смысле слова), я уловил ее, на мгновение встретившись глазами с шатенкой из Аль-Алькиана, вечной мукой моей, шатенкой из Аль-Алькиана, последней и, возможно, прощальной надеждой на счастье, которую судьба обронила на моем пути.

Ничего подобного с Юдзу я не испытывал, она увлекла меня постепенно, да и то вспомогательными средствами, из области того, что принято называть извращением, особенно своим бесстыдством и тем, как она мне драчила (и себе тоже) при любых обстоятельствах, ну а в остальном не знаю, мне пезды и покраше попадались, у Юдзу уж больно она была заковыристая, вся в складках (под определенным ракурсом ее можно было даже охарактеризовать как обвисшую, несмотря на юный возраст хозяйки), если задуматься, ее главным достоинством была попа, постоянная эксплуатационная готовность ее попы, с виду узкой, но на самом деле вполне годной к употреблению, поэтому

я постоянно оказывался в ситуации выбора между всеми тремя дырками, а многие ли женщины могут похвастаться таким потенциалом? С другой стороны, как считать женщинами тех женщин, которые не могут им похвастаться?

Кто-то, конечно, не преминет упрекнуть меня в том, что я придаю слишком большое значение сексу; пожалуй, нет, не думаю. Я, разумеется, в курсе, что ему на смену, если жить нормальной жизнью, постепенно приходят иные радости, но секс все-таки единственная возможность лично и непосредственно задействовать свои органы, поэтому через секс, секс бурный, необходимо пройти, чтобы совершилось любовное слияние, без него ничего не выйдет, а остальное, по идее, незаметно приложится. И это еще не все, секс всегда таит в себе опасность, поскольку ставки в этот момент очень высоки. Я не имею в виду непосредственно СПИД, хотя смертельный риск прибавляет остроты ощущений, пугает скорее риск продолжения рода, что является, в сущности, гораздо более серьезной угрозой, лично я отказался от использования презервативов, как только смог, со всеми своими партнерами, мое желание, важной составляющей которого был страх зачатия, признаться, уже напрямую зависело от отсутствия презерватива, я прекрасно понимал, что если, не дай бог, западный мир действительно отделит деторождение от секса (что иногда возникает на повестке дня), он подпишет тем самым приговор не только деторождению, но и сексу, а заодно и самому себе, католики-идентитаристы уже это поняли, хотя их взглядам не чужды странноватые этические aberrации, вроде неприятия таких невинных обычаев, как триолизм и содомия, но что-то я отклонился от темы, бесконечно подли-

вая себе коньяку в ожидании Юдзу, которую уж никак нельзя назвать католичкой и тем более идентитарной католичкой, было уже десять вечера, не торчать же мне тут всю ночь; правда, я немного расстроился, что придется уехать не попрощавшись, и сделал себе сэндвич с тунцом, чтобы убить время, коньяк кончился, но у меня еще оставалась бутылка кальвадоса.

Благодаря кальвадосу мне и думалось лучше, кальвадос — мощный, глубокий напиток, незаслуженно забытый. Разумеется, я был задет изменами (мягко говоря) Юдзу, они нанесли удар моему мужскому тщеславию, а главное, я заподозрил, что она любила все прочие хуи так же, как мой, этим вопросом мужчины обычно задаются в подобные моменты, задал себе его и я и, увы, ответил на него утвердительно, ведь наша любовь в самом деле была этим замарана, а комплименты моему хую, которыми я так гордился в начале нашего романа (размер приличный, без перебора, исключительная стойкость), теперь виделись мне в ином свете, я угадывал в них проявление хладнокровной объективной оценки, выработанной в результате долгого общения с многочисленными хуями, а вовсе не лирическое наваждение, возникшее в возбужденном сознании влюбленной женщины, что, смиренно признаюсь, мне было бы куда приятнее, я своим хуем совершенно не кичился, если его любят, то и я его люблю, вот, собственно, к чему я пришел относительно собственного хуя.

Однако моя любовь к ней угасла окончательно не на этом этапе, а во вполне на первый взгляд безобидной ситуации, и уж во всяком случае гораздо

более мимолетной, наш обмен репликами, последовавший за очередным телефонным разговором Юдзу с родителями, которым она звонила дважды в месяц, продлился от силы минуту. В разговоре она упомянула, я не мог ошибиться, свое возвращение в Японию, и, естественно, я задал ей вопрос, но ответ ее прозвучал умиротворяюще, она еще очень не скоро туда вернется, не стоит волноваться, и вот тут я понял, понял мгновенно, и какая-то гигантская ослепительная вспышка выжгла во мне остатки разума, а когда, придя в себя, я учинил ей небольшой допрос, то тут же убедился, что предчувствие меня не обмануло: она уже вписала в личный план идеальной жизни свое возвращение в Японию — лет через двадцать, а то и тридцать, то есть, попросту говоря, сразу после моей смерти, иными словами, в план своей будущей жизни она загодя вписала мою смерть, она ее учла.

Реакция моя наверняка была иррациональной, Юдзу все же была на двадцать лет младше меня, так что, по идее, она все равно меня переживет, и даже намного переживет, но именно такую вероятность беззаветная любовь старается не замечать, а то и категорически отрицает ее, беззаветная любовь зиждется как раз на этой невозможности, на этом отрицании, и уже не важно, продиктовано ли оно верой в Христа или приверженностью проекту бессмертия, разработанному *Google*, беззаветно любимый человек просто не может умереть, он бессмертен по определению, реализм Юдзу был всего лишь вариантом отсутствия любви, и это ее увечье, отсутствие любви, уже не подлежало излечению, в одно мгновение она вышла за рамки романтической, беззаветной любви, войдя в пределы любви по расчету, и вот тут я понял,

что все, нашим отношениям пришел конец и лучше завершить их побыстрее, потому что теперь я уже никогда не смогу представить себе, что рядом со мной живет женщина, скорее это некий паук, высасывающий из меня последние жизненные соки, паук в обличье женщины, у которой есть грудь, есть задница (ее я уже нахваливал выше) и даже писька (о которой я высказался более сдержанно), но все это уже не в счет, в моих глазах она превратилась в паука, ядовитого кусачего паука, который изо дня в день впрыскивал мне парализующий смертельный яд, и главное теперь, чтобы он как можно скорее исчез из моей жизни.

Бутылка кальвадоса тоже закончилась, было уже начало двенадцатого, возможно, мне следовало как раз уехать, не повидав ее. Я подошел к окну: речной кораблик, наверняка последний на сегодня, разворачивался у оконечности Лебединого острова; и вот тут я осознал, что очень скоро ее забуду.

Я плохо спал той ночью, пребывая во власти неприятных снов, где я, чтобы не опоздать на самолет, вынужден был предпринять ряд весьма опасных действий, как, например, вылететь с верхнего этажа башни “Тотем”, чтобы добраться до аэропорта Руасси по воздуху, — иногда мне приходилось махать руками, иногда я просто парил, у меня это получалось, но с трудом, и отвлекись я хоть на мгновение, я бы неминуемо разбился, над Ботаническим садом мне пришлось несладко, потеряв высоту, я пролетел всего в нескольких метрах от земли над вольерами хищников, чудом не задев их. Толкование этого идиотского, но живописного сна было более чем очевидно: я боялся, что мне не удастся сбежать.

Я проснулся ровно в пять утра, мне очень хотелось кофе, но я не рискнул шуметь на кухне. Юдзу уже, возможно, вернулась. Какой бы оборот ни принимали ее вечеринки, ночевала она всегда дома: ну не могла же она лечь спать, не умастив себя предвзвешенно восемнадцатью кремами, право, странная мысль. Она, наверное, уже задремала, но сейчас только пять, пожалуй, рановато, вот часам к семи-восьми она уснет сном младенца, придется подождать. Я выбрал опцию *early check-in* в отеле “Меркюр”, так что мой номер должен быть готов к девяти утра, а уж там поблизости наверняка найдется открытое кафе.

Я собрал чемодан накануне вечером, и до выхода мне совершенно нечем было себя занять. Как ни грустно признаться, я не нашел что взять отсюда на память — ни писем, ни фотографий, ни даже книг, все хранилось в моем *Macbook Air*, тонком параллелепипеде из крацованного алюминия, и весило мое прошлое всего 1100 граммов. А еще я понял, что за два года совместной жизни Юдзу ни разу мне ничего не подарила — вообще ничего, никогда.

Затем я понял нечто гораздо более поразительное — вчера вечером, одержимый мыслью о том, что Юдзу по умолчанию смирилась с моей смертью, я на несколько минут забыл обстоятельства смерти моих родителей. Вот же он, третий выход для романтических влюбленных, не зависящий ни от гипотетического бессмертия трансгуманистов, ни от столь же гипотетического небесного Иерусалима; это решение можно немедленно привести в исполнение, оно не нуждается ни в углубленных генетических исследованиях, ни в усердных молитвах, возносимых Всевышнему; это решение и приняли мои родители, уже лет двадцать тому назад.

Нотариус из Санлиса, среди клиентов которого значились все именитые граждане города, и выпускница Школы Лувра, впоследствии удовольствовавшаяся ролью домохозяйки, — на первый взгляд ничто не предвещало этой паре историю безумной любви. Внешность, как я не раз убеждался, редко бывает обманчива; но в данном случае это было именно так.

Накануне своего шестьдесят четвертого дня рождения мой отец, уже не первую неделю страдавший от постоянных мигреней, пошел к нашему семейному доктору,

и тот отправил его на компьютерную томографию. Через три дня он сообщил о результатах: на снимках была отчетливо видна крупная опухоль, но на этом этапе он затруднялся определить, злокачественная она или нет, и рекомендовал сделать биопсию.

Еще через неделю пришли результаты гистологического исследования: они подтвердили злокачественный характер опухоли — это была то ли анапластическая астроцитома, то ли еще более агрессивный ее вариант — глиобластома. Это редкая опухоль, как правило, быстро ведущая к смерти: девять из десяти больных умирают в течение года после постановки диагноза; причины ее возникновения неизвестны.

Учитывая местоположение опухоли, об операции не могло быть и речи; только химиотерапия и облучение иногда давали неплохие результаты.

Стоит отметить, что ни отец, ни мать не сочли нужным сообщить мне эту новость; я узнал обо всем случайно, когда, заехав в Санлис, увидел конверт из лаборатории, который мать забыла убрать, и спросил у нее, в чем дело.

Потом я не раз задумывался о том, что родители, должно быть, приняли решение еще до того, как я навестил их в тот раз, и даже успели заказать необходимые вещества по интернету.

Их нашли через неделю, они лежали бок о бок на супружеском ложе. Отец всегда старался избавить окружающих от лишних хлопот, поэтому заблаговременно предупредил письмом жандармерию и вложил в конверт запасные ключи.

Они приняли яд ранним вечером, в сороковую годовщину своей свадьбы. Смерть наступила быстро,

любезно заверил меня офицер жандармерии; быстро, но не мгновенно, по их позам нетрудно было догадаться, что они до конца пытались держаться за руки, но в предсмертных судорогах их пальцы разжались.

Мы так и не узнали, каким образом они достали эту отраву, мама стерла всю историю поисковых запросов в домашнем компьютере (наверняка всем занималась она, отец терпеть не мог компьютеры и вообще все, что хоть отдаленно напоминало технический прогресс, он упирался как мог, но в конце концов все же смирился с тем, что надо купить компьютер для офиса, но всем заправляла его секретарша, он, сдаётся мне, ни разу в жизни даже не прикоснулся к клавиатуре). Разумеется, сказал мне офицер жандармерии, если вы будете настаивать, мы могли бы, наверное, отследить их заказ, ничто не исчезает в облаке бесследно; да, все осуществимо, но так ли уж необходимо?

Я и не подозревал, что можно хоронить двух человек в одном гробу, ведь на каждый чих существует масса санитарных ограничений, мы всегда заранее склонны думать, что все запрещено, а нет, на этот раз, похоже, все разрешалось, разве что отец задействовал свои связи посмертно, отправив несколько писем, он был знаком, как я уже говорил, почти со всеми шишками города и даже департамента, одним словом, они были погребены в одном гробу, в северной части городского кладбища. Мать умерла в пятьдесят девять лет, будучи совершенно здоровым человеком. Священник слегка разозлил меня своей проповедью, напичканной пафосными изречениями о величии любви земной как прелюдии к еще более величественной любви божественной, мне показалось, что неприлично католической

церкви *эксплуатировать* историю моих родителей, когда священник сталкивается с проявлением подлинной любви, ему следует *заткнуться*, вот что мне хотелось ему сказать, да и что вообще может понять этот шут гороховый в любви моих родителей? Я и сам не уверен, что понимал ее до конца, но в их жестах и улыбках я всегда чувствовал что-то глубоко личное, к чему мне, в общем, никогда доступа не будет. Я не хочу сказать, что они меня не любили, они, без всякого сомнения, меня любили и были со всех точек зрения замечательными родителями, внимательными и заботливыми, но не чрезмерно, и щедрыми в случае необходимости; но это был иной вид любви, я всегда оставался за пределами магического сверхъестественного круга, который они образовывали вдвоем (их взаимопонимание и правда было поразительным, я уверен даже, что пару раз стал свидетелем телепатической связи). Других детей у них не было, и я помню, что, когда, сдав экзамены на бакалавра, я поступил в подготовительный класс по агрономии в лицей Генриха IV и объяснил им, что добираться туда из Санлиса на общественном транспорте мне будет очень неудобно, гораздо практичнее снять комнату в Париже, я прекрасно помню, что уловил в маминой реакции, хоть и мимолетное, но бесспорное облегчение; ее первая мысль была о том, что они наконец останутся вдвоем. Что же касается отца, то, даже не особенно пытаясь скрыть свою радость, он тут же взял все в свои руки, и через неделю я въехал в студию, обставленную с неуместной роскошью, намного просторнее — это я понял сразу — комнат для прислуги, которыми довольствовались мои товарищи, да и находилась она на улице Дез-Эколь, в пяти минутах ходьбы от лица.

Я встал ровно в семь и бесшумно прошел через гостиную. Бронированная массивная входная дверь открылась беззвучно, словно дверца сейфа.

В первый день августа пробок в Париже не было, и мне удалось запарковаться на авеню Сестры Розалии, в нескольких метрах от отеля. В отличие от основных магистралей этого квартала (авеню д'Итали, авеню де Гоблен, бульваров Огюста Бланки и Венсана Ориоля), которые, расходясь в разные стороны от площади Италии, пропускают через себя большую часть машин из юго-восточных округов Парижа, авеню Сестры Розалии заканчивалась через пятьдесят метров, упираясь в улицу Абея Овелака, тоже относительно скромных размеров. Статус авеню мог бы показаться в данном случае чистой узурпацией, если бы не ее бессмысленная ширина и засаженная деревьями аллея посередине, разделяющая ее на две полосы, пустовавшие в этот ранний час, в общем, авеню Сестры Розалии напоминала скорее частную улицу или псевдоавеню (Веласкеса, Ван Дейка, Рейсдала) в районе парка Монсо, в ней было даже что-то роскошное, и это впечатление усиливалось у входа в отель "Меркюр", представлявшего собой, как ни странно, высокую арку, ведущую во внутренний двор со статуями, такие декорации смотрелись бы куда естественнее в палас-отеле средней руки. В полвосемь утра

на площади Италии уже открылись три кафе: “Кафе де Франс”, кафе “Маргерид” (кухня департамента Канталь, но для кухни Канталя было, пожалуй, рановато) и кафе “О’Жюль” на углу улицы Бобийо. Туда я и пошел, несмотря на кретинское название, потому что у владельцев возникла оригинальная идея перевести с английского *happy hours*, которые превратились в “счастливые часы”; Ален Финкелькрот¹ наверняка одобрил бы мой выбор.

Меню этого заведения привело меня в восторг, и я уже готов был пересмотреть негативное суждение, которое высказал поначалу относительно его названия, поскольку использование имени Жюль позволило им выработать инновационный подход к меню, в котором креативность в наименованиях сочеталась с разумной контекстуализацией, результаты чего были заметны уже в разделе салатов, где “Жюль на Юге” (салат, помидоры, яйцо, креветки, рис, оливки, анчоусы, сладкий перец) соседствовал с “Жюлем в Норвегии” (салат, помидоры, копченый лосось, креветки, яйцо пашот, тосты). Я понял, что надолго меня не хватит и вскоре (может, прямо сегодня в полдень) я поддамся чарам “Жюля на ферме” (салат, сыровяленая ветчина, сыр канталь, жареный картофель, грецкие орехи, крутое яйцо), если его не перевесит “Жюль-пастух” (салат, помидоры, горячий козий сыр, мед, жареные ломтики бекона).

Вообще говоря, предлагаемые здесь блюда сводили на нет устаревшую полемику, закладывая основы мирного сосуществования традиционной французской кухни (луковый суп, филе сельди с теплым кар-

1 Ален Финкелькрот — французский писатель, философ, выступающий, в частности, против англицизмов во французском языке.

тофелем) с новаторским фудингом (креветки панко под соусом сальса верде, бейглы из Аверона). То же стремление к синтезу прочитывалось и в карте коктейлей, где, наряду с классикой жанра, фигурировали и подлинно художественные композиции вроде “Зеленого ада” (“Малибу”, водка, молоко, ананасовый сок, мятный ликер), “Зомби” (янтарный ром, абрикосовый ликер, лимонный сок, ананасовый сок, гренадин) и простейший, как все гениальное, “Бобийо-бич” (водка, ананасовый сок, клубничный сироп). В общем, мне стало ясно, что в этом заведении я счастливо проведу не то что часы, а дни, недели, а то и годы.

Часам к девяти, доев “*Breakfast* нашего края” и оставив достаточно щедрые чаевые, чтобы заручиться благосклонностью официантов, я направился в лобби отеля “Меркюр”, где мне оказали прием, превзошедший все мои самые смелые ожидания. Дежурная за стойкой администратора даже не затребовала мою кредитную карточку и подтвердила, не дожидаясь вопросов, что, согласно моим пожеланиям, мне зарезервирован номер для курящих, — “Вы же погостите у нас недельку?” — продолжала она с легким оттенком очаровательной заинтересованности; я ответил утвердительно.

Я сказал “неделю” наобум, пока в мои планы входило лишь освобождение от токсичных отношений с Юдзу, которые постепенно меня доконали, мой проект добровольного исчезновения удался на славу, вот до чего я дошел, западноевропейский мужчина среднего возраста, вполне обеспеченный на несколько лет вперед, без родных и друзей, не имеющий ни личных планов, ни истинных устремлений, глубоко разочаровав-

шийся в своей профессиональной жизни, в личном плане переживший много разнообразных романов, общим знаменателем которых был разрыв, и не видевший смысла в жизни, равно как и в смерти. Я мог бы воспользоваться этим состоянием, чтобы “отпустить прошлое” и “начать жизнь с чистого листа”, как выражаются в дурацких телепередачах и статьях по психологии в специализированных журналах; я также мог погрузиться в летаргическое бездействие. Мой номер в отеле, я понял это с первого взгляда, склонял меня к выбору второго варианта: он был действительно крохотный, общей площадью, думаю, десять квадратных метров, передвигаться по нему можно было только вокруг двуспальной кровати, занимавшей практически все пространство, да и то с трудом; напротив кровати, на узком столике вдоль стены, царили вездесущий телевизор и приветственный поднос (чайник, картонные чашки и растворимый кофе в пакетиках). Еще в эту клетушку умудрились втиснуть мини-бар и стул, стоявший перед зеркалом сантиметров тридцать на тридцать; вот и все. Таков был мой новый дом.

Способен ли я быть счастливым в одиночестве? Вряд ли. И вообще способен ли я быть счастливым? Такие вопросы, я полагаю, лучше себе не задавать.

Единственное неудобство гостиничной жизни состоит в том, что надо ежедневно выходить из номера — а значит, вылезать из постели, — чтобы горничная могла убрать. Время отсутствия в принципе не обозначено, график горничных никогда не сообщается клиенту. Я бы лично предпочел, зная, что уборка не занимает много времени, чтобы мне точно указали, во сколько надо покинуть номер, но нет, такая услуга у них не предусмотрена, и в каком-то смысле я их понимаю, это несовместимо с традиционными ценностями гостиничного дела и слишком напоминало бы, скажем, тюремный распорядок дня. Мне оставалось только положиться на инициативность и быстроту реакции уборщицы или, вернее, уборщиц.

Но ведь я мог бы и облегчить им жизнь, подать знак, перевернув картонку, висящую на дверной ручке из положения “Тсс, я сплю — *Please do not disturb*” (с символическим изображением спящего на ковре английского бульдога) в положение “Я проснулся (ась) — *Please make up the room*” (на этой стороне вместо бульдога на фоне театрального занавеса красовались две курицы в состоянии бьющей через край и какой-то даже агрессивной бодрости).

Совершив ряд проб и ошибок в первые дни, я пришел к заключению, что двухчасового отсутствия будет вполне достаточно. И вскоре уже выработал краткий маршрут, начинавшийся с “О’Жюля”, где с десяти утра до обеда народу было мало. Потом я шел по авеню Сестры Розалии, упиравшейся в круглый зеленый скверик, и в хорошую погоду усаживался на одну из скамеек, расставленных между деревьями, чаще всего я пребывал там в полном одиночестве, случалось, на соседнюю скамейку садился какой-нибудь пенсионер, иногда в сопровождении собачки. Затем я сворачивал направо, на улицу Абея Овелака, не упуская возможности зайти по пути в “Карфур Сити” на углу авеню де Гоблен. Этому супермаркету — я интуитивно почувствовал это, когда заглянул сюда в первый раз, — суждено было сыграть важную роль в моей новой жизни. Отделу восточных продуктов, конечно, далеко было до изобилия супермаркета G20 возле башни “Тотем”, завсегдатаем которого я был еще несколько дней назад, но все же тут радовали глаз восемь разновидностей хумуса, в том числе абу-гош премиум, мисадот, заатар и редчайший масабаха; что касается прилавка с сэндвичами, то я склоняюсь к мысли, что здесь он был даже лучше. До сих пор я считал, что в сегменте мини-маркетов Парижа и ближайших пригородов доминирует сеть *Daily Monop’*; а должен был бы сообразить, что такие бренды, как *Carrefour*, выходя на новый рынок, “делают это не для того”, как недавно напомнил его гендиректор в интервью порталу *Challenges*, чтобы “соглашаться на роль статистов”.

Невиданно длинный рабочий день тоже вполне отвечал их стремлению завоевать рынок — с 7 до 23 ча-

сов в будни и с 8 до 13 по воскресеньям, тут они даже арабов переплюнули. Да и воскресный короткий день явился результатом ожесточенного конфликта, возникшего вследствие процедуры, инициированной инспекцией по труду 13-го округа, о чем меня уведомило объявление, приклеенное на стене внутри магазина, с ошеломляющей язвительностью клеймящее “абсурдное решение”, принятое судом высшей инстанции, с которым магазину пришлось смириться под угрозой штрафа, ибо “его баснословная сумма поставила бы под удар само существование вашего магазина шаговой доступности”. Свобода торговли и, соответственно, свобода потребителя проиграли это сражение; но, судя по боевитому тону плаката, война продолжалась.

Я редко заходил в кафе “Мануфактура”, расположенное прямо напротив “Карфур Сити”; некоторые сорта пива от мелких производителей выглядели там довольно привлекательно, но мне претила с усердием воссозданная атмосфера “рабочего бистро” в квартале, откуда последние рабочие исчезли, должно быть, к 1920 году. Хотя это были еще цветочки по сравнению с тем, что меня ожидало в мрачной зоне Бют-о-Кай, куда я как-то раз забрел; но пока я этого еще не знал.

Потом, пройдя метров пятьдесят по авеню де Гоблен, я сворачивал на родную авеню Сестры Розалии, и на этом единственном по-настоящему городском отрезке своего пути я и почувствовал как-то, по возросшему движению пешеходов и транспорта, что мы преодолели барьер 15 августа, знаменующий первый этап возвращения города к общественной жизни, за которым следовал второй и решающий — 1 сентября.

Но так уж ли я был несчастен? Если каким-нибудь удивительным образом одно из человеческих существ, с которыми мне еще приходилось общаться (дежурная в отеле “Меркюр”, официанты в кафе “О’Жюль”, продавщица в “Карфур Сити”), спросило бы у меня, как настроение, я определил бы его, пожалуй, как грустное, но это была мирная и стабильная грусть, не подверженная колебаниям ни в ту, ни в другую сторону, в принципе, все указывало на то, что эту грусть можно полагать окончательной. Но я, однако, не попался в ловушку; я знал, что жизнь поберегла для меня еще немало сюрпризов, чудовищных или восхитительных, как посмотреть.

Я пока что не испытывал никаких желаний, а многие философы, такое у меня сложилось впечатление, считают это состояние достойным зависти; буддисты, в общих чертах, с ними на одной волне. Но другие философы, как и поголовно все психологи, утверждают, напротив, что патологическое отсутствие желаний вредно для здоровья. Прожив месяц в отеле “Меркюр”, я так и не сумел занять четкую позицию в этой извечной дискуссии. Каждую неделю я продлевал свой номер, что давало мне ощущение свободы (а на это одобрительно смотрят все существующие философии). По-моему, я был более или менее в порядке. Фактически мое психическое состояние внушало мне острую тревогу только в одном пункте: я имею в виду личную гигиену, или, проще говоря, мытье. Я с горем пополам чистил зубы, на это я еще был способен, но при мысли о душе или ванне меня охватывало глубокое отвращение, я бы вообще, честно говоря, предпочел расстаться с телом,

перспектива обладания телом и необходимость относиться к нему с вниманием и заботой наполняла меня все большим ужасом, и хотя в связи с чудовищным ростом популяции бомжей западное общество постепенно смягчило требования в этой области, я догадывался, что слишком откровенная вонь неминуемо приведет к тому, что я буду выделяться из общей массы не самым подходящим образом.

Я никогда не ходил на прием к психиатру и в глубине души слабо верил в КПД этого цеха, поэтому на сайте *Doctolib* я выбрал специалиста в 13-м округе, чтобы, по крайней мере, не тратить время на дорогу.

Свернув с улицы Бобийо на улицу Бют-о-Кай (они сходились на площади Верлена), я покинул мир ширпотреба, влившись во вселенную воинствующих бретонских блинных и навороченных баров (“Время вишен” и “Дрозд-пересмешник” находились практически друг напротив друга), с вкраплениями магазинов биопродуктов и “справедливой торговли” и лавок, зазывающих на пирсинг и афропрически; интуитивно я всегда понимал, что во Франции семидесятые годы прошлого века еще не миновали, просто временно затаились. Некоторые граффити были вполне сносными, и я дошел до самого конца улицы, проскочив поворот на улицу Сенк-Дьяман, где и находился кабинет доктора Лельевра.

По длинным курчавым волосам с проседью я сразу угадал в докторе “задиста”¹, но его галстук-бабочка несколько подпортил это впечатление, равно как и рос-

1 От франц. ZAD (*zone à défendre*) — зона под защитой, территория, оккупированная противниками того или иного крупного строительного проекта.

кошно обставленный кабинет, так что я пересмотрел свою точку зрения, назначив его в лучшем случае их попутчиком.

Когда я вкратце описал ему свою жизнь последнего времени, он признал, что мне и правда требуется медицинская помощь, и спросил, не мелькают ли у меня порой мысли о самоубийстве. Нет, ответил я, смерть меня не интересует. На лице его промелькнула недовольная гримаса, и он продолжал резким тоном — видимо, я пришелся ему не по душе: появился антидепрессант нового поколения (я тогда впервые услышал о капториксе, которому суждено будет сыграть столь важную роль в моей жизни), и в моем случае он может оказать положительное действие, первые ощутимые результаты появятся через пару недель, но прием этого препарата должен осуществляться под строгим наблюдением врача, поэтому мне непременно следует снова прийти к нему через месяц.

Я усердно кивал, еле сдерживаясь, чтобы с неуместным пылом не схватить рецепт; я уже принял решение больше не иметь дела с этим мудаком.

Вернувшись домой, то есть я хочу сказать в свой номер, я тщательно изучил сопроводительную инструкцию, из коей выяснил, что, скорее всего, стану импотентом и либидо мое попросту исчезнет. Действие капторикса заключалось в повышении секреции серотонина, но сведения о гормонах, отвечающих за психическую активность человека, которые мне удалось выудить из интернета, показались мне сумбурными и противоречивыми. Изредка там встречались все же здравые замечания вроде: «просыпаясь по утрам, млекопитающее не задается вопросом, остаться ли ему

со своими или уйти от них, чтобы зажить новой жизнью”, и еще: “рептилия не испытывает никакой привязанности к другим рептилиям; ящерицы не доверяют ящерицам”. А конкретнее, гормон серотонин связан с самоуважением и признанием в рамках своего коллектива. При этом серотонин в основном вырабатывается в кишечнике, его наличие отмечали у великого множества живых существ, в том числе у амёб. Каким, интересно, самоуважением могут похвастаться амёбы? Каким таким признанием коллектива? Постепенно я пришел к заключению, что в этой области медицинское искусство увязло в тумане и невнятице, а антидепрессанты относятся к тем многочисленным лекарствам, которые помогают (или не помогают) по неизвестной причине.

Мне лично, судя по всему, помогли; душ — это было бы уже слишком, но понемногу я приноровился принимать теплую ванну и даже намыливался кое-как. Ну а что касается либидо, то разницы особой я не почувствовал, во всяком случае, ничего похожего на сексуальное влечение после встречи с шатенкой из Аль-Алькиана, с незабвенной моей шатенкой из Аль-Алькиана, я не испытывал.

Так что я позвонил Клер ранним вечером несколько дней спустя вовсе не в приступе внезапной похоти. А почему же тогда? Понятия не имею. Мы не общались уже больше десяти лет; по правде говоря, я был уверен, что она сменила номер телефона. Но нет, не сменила. И адрес тоже не сменила, но это как раз понятно. Она вроде бы удивилась моему звонку — не более того, честно говоря, — и предложила поужинать как-нибудь вечером в ресторане возле ее дома.

С Клер я познакомился, когда мне было двадцать семь, студенческие годы остались позади, и к тому времени я уже пережил много романов — в основном с иностранками. Тогда никаких стипендий Эразмус, которые впоследствии так облегчат сексуальные связи между европейскими студентами, и в помине не было, так что одним из немногих мест, где можно было склеить иностранных студенток, был Международный университетский городок на бульваре Журдан, где, о чудо, у Агро¹ была своя резиденция, и там каждый день устраивались концерты и вечеринки. Так что, вступая в интимные отношения с девушками из разных стран, я пришел к убеждению, что любовь может возникнуть только на основе некоего различия, в себе подобного влюбиться невозможно, притом что на практике какая угодно разница может сыграть роль: огромная разница в возрасте, как мы знаем, дает порой толчок к необузданной яростной страсти, расовые различия тоже не утратили своей эффективности; не следует пренебрегать даже простым смешением национальностей и языков. Плохо, когда влюбленные говорят на одном языке, плохо, что они действительно понимают друг друга и объясняются при помощи слов, ибо слово предназначено для пробуждения разногласий и ненависти, а вовсе не любви, слово разобщает уже в процессе произнесения, в то время как бестолковое; полувербальное влюбленное воркование — не важно, обращаешься ты к дорогому человеку или к любимой собаке, — создает благоприятные условия для безграничной и продолжительной любви.

1 Имеется в виду Национальный агрономический институт Париж — Гриньон.

Если бы еще можно было ограничиться житейскими, сиюминутными темами — где ключ от гаража? в котором часу зайдет электрик? — это еще куда ни шло, но и все, тут пролегает граница, за которой открывается царство разлада, нелюбви и разводов.

Итак, у меня было много женщин, в основном попадались испанки и немки, порой латиноамериканки и даже одна пухленькая аппетитная голландка, словно сошедшая с рекламы гауды. Ну и наконец появилась Кейт, моя последняя юношеская любовь, последняя и самая серьезная, на ней, скажем так, завершилась моя юность, больше никогда не возвращалось ко мне жизнеощущение, которое принято ассоциировать со словом “юность”, эта очаровательная беззаботность (или, как вариант, эта мерзопакостная безответственность), вера в необъятность и открытость мира, потом реальность сомкнулась надо мной раз и навсегда.

Кейт была датчанкой, и человека умнее ее я не встречал в своей жизни, я упоминаю об этом не потому, что это так уж важно, в дружеских и уж тем более в любовных отношениях интеллектуальные качества не играют никакой роли, сердечность гораздо важнее; я пишу об этом потому, что ее невероятная сообразительность, поразительное умение схватывать все на лету казались мне настоящим чудом природы, чем-то поистине феноменальным. Когда мы познакомились, ей было двадцать семь — то есть на пять лет больше, чем мне, поэтому и ее жизненный опыт был куда богаче моего, рядом с ней я чувствовал себя ребенком. Завершив юридическое образование в рекордные сроки, она устроилась юристом в лондонскую фирму. Помню, наутро после нашей пер-

вой ночи любви я сказал: *So, you should have met some kind of yuppies...*¹ Она тихо ответила: *Florent, I was a yuppie*², я помню до сих пор ее ответ и помню ее маленькие упругие груди в утреннем свете, и всякий раз, когда я вспоминаю это, у меня возникает острое желание сдохнуть, ладно, проехали. Через два года ей стало очевидно, что яппизм никак не соответствует ее устремлениям и вкусам и вообще взглядам на жизнь. Поэтому она решила учиться дальше, на сей раз медицине. Я уже толком не помню, что она делала в Париже, по-моему, какая-то столичная больница пользовалась международным признанием в области лечения определенной тропической болезни, и этим объяснялось ее присутствие здесь. Она на многое была способна, например, когда мы познакомились — она наткнулась на меня, или, вернее, я сам предложил помочь ей дотащить чемоданы в ее комнату на четвертом этаже Дома Дании в Университетском городке, потом мы выпили по кружке пива, потом еще две и так далее, — выяснилось, что она приехала в Париж утром того же дня и не говорила ни слова по-французски; через две недели она общалась почти свободно.

Последняя фотография Кейт, наверное, еще хранится где-то в недрах моего компьютера, но мне незачем включать его, чтобы ее вспомнить, можно просто закрыть глаза. Мы провели Рождество у нее дома, то есть у ее родителей, но не в Копенгагене, а в другом городе, название которого я забыл, не важно, и мне захотелось возвращаться во Францию не торопясь, на поезде, наше путешествие начиналось странно,

1 Ты, наверно, раньше встречалась со всякими яппи... (англ.)

2 Флоран, я сама была яппи (англ.).

поезд скользил по поверхности Балтийского моря, от серой воды нас отделяли каких-нибудь два метра, иногда волна чуть выше остальных ударяла в окно нашего купе, мы оказались в вагоне одни, между двумя абстрактными безднами — небом и морем, никогда в жизни я не был так счастлив, и, возможно, моей жизни следовало на этом остановиться, а что, гигантский вал, Балтийское море, наши тела, сплетенные навеки, но нет, ничего такого не произошло, поезд благополучно доехал до пункта назначения (то ли до Ростока, то ли до Штральзунда), Кейт решила провести со мной несколько дней, правда, у нее назавтра уже начинались занятия в университете, но она сказала, что договорится.

Этот последний снимок Кейт сделан в замковом парке немецкого городка Шверин, столице земли Мекленбург — Передняя Померания, аллеи парка покрыты толстым слоем снега, вдалеке виднеются башенки замка. Кейт обернулась ко мне, она улыбается, наверное, я ее окликнул, чтобы она обернулась и я смог сфотографировать ее, она смотрит на меня с любовью, но в ее взгляде сквозит грусть и снисхождение, потому что она наверняка поняла уже, что я ее предаю, что конец нашей истории не за горами.

В тот же вечер мы ужинали в шверинском пабе, я помню тощего официанта лет сорока, нервного и несчастного, возможно, его растрогала наша юность и любовь, которую мы излучали — особенно она, надо сказать, — так вот, официант решительно прервал работу и, поставив тарелки на стол, повернулся ко мне (ну, к нам обоим, но прежде всего ко мне, явно почувствовав слабое звено) и сказал по-французски (он, видимо, сам был французом, как, спрашивается,

француза занесло в шверинские официанты, жизнь людская все-таки богаче схем), короче, он сказал мне с непривычной, даже какой-то сакральной серьезностью: “Оставайтесь такими, как вы есть. Прошу вас, не меняйтесь”.

Мы могли бы спасти мир, мы могли бы спасти мир в мгновение ока, *in einem Augenblick*, но мы этого не сделали, я во всяком случае, любовь не восторжествовала, я предал любовь, и часто, когда мне не спится, то есть практически каждую ночь, в моей несчастной голове звучит сообщение у нее на автоответчике: *Hello this is Kate leave me a message*¹, в ее голосе столько свежести, я словно окунаюсь в водопад пыльным летним днем, смывая с себя всю грязь, неприкаянность и зло.

Последние секунды нашего прощания пришлось на главный вокзал Франкфурта, *Frankfurter Hauptbahnhof*, ей уже правда надо было возвращаться в Копенгаген, она и так перегнула палку, забросив свои занятия, в общем, она никак не могла поехать со мной в Париж; я, помню, стоял в дверях вагона, она на платформе, мы проебались всю ночь до одиннадцати утра, когда пора было уже бежать на поезд, она трахала меня и сосала до изнеможения, а сил у нее хватало, да и у меня в ту пору вставал по первому зову, ну, не в этом дело, *не только и не столько* в этом, а в том, что Кейт вдруг заплакала на перроне, ну не то чтобы прямо заплакала, несколько слезинок покатались по ее лицу, она смотрела на меня, смотрела целую минуту, если не дольше, вплоть до отхода поезда, ни на се-

¹ Привет, это Кейт, оставьте мне сообщение (англ.).

кунду не отрывая от меня взгляда, и тут у нее произвольно потекли слезы, а я не сдвинулся с места, не прыгнул на платформу, я стоял и ждал, пока закроются двери.

За это меня убить мало, я заслуживаю гораздо более жестокой кары, чего уж греха таить, я закончу свои дни несчастным, желчным, одиноким стариком, и поделом мне. Как мужчина, узнавший Кейт, мог от нее отказаться? Это не укладывается в голове. В конце концов я позвонил ей, после того как оставил без ответа не знаю сколько ее сообщений, и все из-за какой-то гнусной бразильянки, которая забудет меня наутро после возвращения в Сан-Паулу, так вот, я позвонил Кейт, но позвонил *слишком поздно*, на следующий день она отправлялась в Уганду в составе гуманитарной миссии, жители Западной Европы очень ее разочаровали, в особенности я.

Рано или поздно приходится платить по коммунальным счетам. Клер хлебнула и бурной жизни, и мелодрам, так и не узнав, что такое счастье — ну а кому когда это удавалось? — думала она. На Западе счастливым уже никто никогда не будет, думала она дальше, никто и никогда, сегодня уже пора рассматривать счастье как стародавнюю причуду, для его возникновения просто-напросто отсутствуют исторические предпосылки.

Разочаровавшись в личной жизни и, более того, поставив на ней крест, Клер все же испытала безмерную радость, связанную с квартирным вопросом. Когда ее мать отдала Богу, или, скорее, небытию, свою мерзкую душонку, третье тысячелетие только начиналось, и, возможно, для Запада, ранее именуемого иудеохристианским, оно оказалось лишним, как лишним бывает бой для боксера, — во всяком случае, эта идея получила широкое распространение на Западе, ранее именуемом иудеохристианским, а заговорил я об этом, просто чтобы обозначить исторический контекст, но все это Клер совершенно не занимало, у нее и без того было о чем поволноваться, прежде всего о своей актерской карьере, — потом понемногу подсчет коммунальных платежей вышел на лидирующие позиции в ее жизни, но не будем забегать вперед.

Мы познакомились на новогоднем ужине 31 декабря 1999 года, у специалиста по антикризисным коммуникациям с моей работы — тогда я служил в “Монсанто”, а “Монсанто” более или менее постоянно нуждалась в антикризисных коммуникациях. Не знаю уж, откуда он знал Клер; полагаю, он ее и не знал, а всего лишь спал с ее подругой — ну, может быть, не с подругой, а скажем, с другой актрисой, игравшей в той же пьесе.

Клер была тогда на заре своего первого значительного успеха на театральном поприще, он же, кстати, оказался и последним. До сих пор ей приходилось довольствоваться массовками в мало- или среднебюджетных французских фильмах и участием в радиопьесах на *France Culture*. На этот раз она получила главную роль в спектакле по пьесе Жоржа Батая, ну это была не вполне и даже отнюдь не пьеса Жоржа Батая, режиссер написал *инсценировку* по разным текстам Жоржа Батая, как художественным, так и теоретическим. В своих интервью он сообщал, что ставил своей задачей иное прочтение Батая в свете новой виртуальной сексуальности. Кроме того, он заявил, что в особенности его привлекала тема мастурбации. И он вообще не собирался умалчивать о различиях, а то и прямой противоположности позиций Батая и Жене по этому вопросу. Свою задумку он осуществил в одном из театров на востоке Парижа, получавшем государственные субсидии. Короче говоря, в этот раз следовало ожидать широкого отклика в прессе.

Я пошел на премьеру. Мы с Клер спали чуть больше двух месяцев, но она уже переехала ко мне, впрочем, надо признать, что жила она в жуткой комнатухе, и душ на лестничной площадке, ко-

торым пользовались еще десятка два соседей, был такой грязный, что она в итоге записалась в *Club Med Gym*, просто чтобы иметь возможность там помыться. Спектакль не произвел на меня особого впечатления — а вот Клер мне скорее понравилась, она буквально излучала какую-то ледяную эротику, художники по костюмам и по свету тоже хорошо поработали, и не то чтобы ее так уж хотелось трахнуть, хотелось скорее, чтобы трахнула она, чувствовалось, что такая женщина может с минуты на минуту тебя трахнуть, поддавшись неистовому порыву, да так оно и происходило в нашей повседневной жизни, на ее лице не отражалось ничего, как вдруг, положив руку мне на член, она в мгновение ока расстегивала ширинку и вставала на колени, чтобы отсосать, или для разнообразия снимала трусы и принималась мастурбировать, причем где угодно, как-то раз прямо в зале ожидания муниципальной налоговой инспекции, сидевшая там негритянка с двумя детьми была определенно шокирована этой сценой, словом, в сексуальном плане Клер можно назвать мастером саспенса.

Критики единодушно восторгались спектаклем, который удостоился целой страницы в культурном разделе “Монд” и аж разворота в “Либерасьон”. Кстати, Клер в этом хоре славословий отводилось отнюдь не последнее место, “Либерасьон”, в частности, сравнивала ее с блондинками Хичкока, с виду холодными, но пылкими в душе, таких комплиментов в стиле “лед и пламя” я за свою жизнь не читался и теперь сразу понимаю, о чем речь, хотя и не видел ни одного фильма Хичкока, я скорее принадлежу к поколению Безумного Макса, но должен согласиться, при-

менительно к Клер эта аналогия оказалась довольно меткой.

В предпоследней сцене спектакля, которую режиссер явно считал ключевой, Клер, повернувшись лицом к публике, задирала юбки и, расставив ноги, принималась дрожить, в то время как другая актриса декламировала на ее фоне длинный текст Жоржа Батая, в котором, как мне показалось, речь шла в основном об анусе. Рецензент “Монд”, особенно смакуя эту картину, восхвалял Клер за “иератизм” ее исполнения. Ну, с иератизмом он загнул, скажем просто, что она была совершенно невозмутима и вроде бы совсем не возбуждена — так оно и было, она мне сама это подтвердила сразу после премьеры.

Таким образом стартовала ее карьера, и к этому первому торжественному событию в один прекрасный мартовский день добавилось второе, когда воскресный рейс *Air France* AF232, направлявшийся в Рио-де-Жанейро, потерпел крушение над Южной Атлантикой. Все пассажиры, среди которых значилась и мать Клер, погибли. Для родственников жертв катастрофы был немедленно открыт пункт психологической помощи.

— И вот тут я почувствовала себя прекрасной актрисой, — сказала Клер вечером, вернувшись после первой встречи с экспертами-психологами. — Я так убедительно сыграла убитую горем дочь, что они не заметили моей радости.

Дело в том, что, несмотря на ненависть, которую они питали друг к другу, Клер понимала, что ее мать слишком эгоцентрична, чтобы потрудиться составить завещание и хоть на мгновение задуматься о том, что может произойти после ее смерти, но в лю-

бом случае лишить детей наследства очень трудно, и, будучи единственной дочерью, Клер имела законное и неотъемлемое право на обязательную долю в 50 % и, в общем, могла спать спокойно; через месяц после этой чудесной авиакатастрофы она и вправду вступила в права наследства, став, прежде всего, обладательницей потрясающей квартиры в пассаже Рю-иссо-де-Менильмонтан в 20-м округе Парижа. Еще спустя две недели мы туда въехали, предварительно избавившись от старухиных вещей, — ее, кстати, и старухой-то назвать нельзя, ей было всего сорок девять лет, и авиакатастрофа, стоившая ей жизни, произошла на пути в Бразилию, куда она отправилась в отпуск в компании юноши двадцати шести лет, то есть моего ровесника.

Квартира находилась в здании бывшего проволочно-гвоздильного завода, закрывшего свои двери в начале семидесятых, несколько лет он простоял пустой, а потом его выкупил отец Клер, предприимчивый архитектор, и, быстро учув выгодное дельце, перестроил его в лофты. Высокие ворота забрали в решетку с массивными прутьями, кодовый замок поменяли на биометрический терминал распознавания по радужной оболочке; к услугам гостей имелся к тому же домофон, соединенный с видеокамерой.

Преодолев это препятствие, вы попадали в большой мощный двор, окруженный старыми промышленными строениями, которыми владели человек двадцать. Лофт, доставшийся матери Клер, один из самых просторных, состоял из гигантского опен-спейса площадью 100 квадратных метров с шестиметровыми потолками, выходившего на открытую кухню с центральным островом, а также необъятной ванной ком-

наты с итальянским душем и джакузи, и двух спален, в мезонине и внизу, к последней примыкали гардеробная и кабинет с выходом в палисадник. Все вместе около двухсот квадратных метров.

Даже если в то время термин “бобо”¹ еще не получил широкого хождения, остальные собственники жилья принадлежали именно к этой категории и, разумеется, очень обрадовались соседке-актрисе, да и вообще еще неизвестно, во что бы превратился театр без этих бобо, кроме того, газету “Либерасьон” в то время читали не только работники зрелищных искусств, но также и некоторая часть (пусть и постоянно убывающая) их публики, да и “Монд” еще не утратила тогда свой престиж и уровень продаж, так что в этом доме Клер приняли с распростертыми объятьями. Я понимал, что нахожусь в более щекотливой ситуации, “Монсанто”, наверное, представлялась им столь же достойной уважения организацией, что и ЦРУ. Умелая ложь должна хоть частично основываться на реальности, поэтому я с ходу сообщил им, что занимаюсь генетическими исследованиями орфанных болезней, к орфанным болезням не придерешься, все сразу воображают себе либо аутистов, либо несчастных деток, страдающих прогерией, которые в двенадцать лет выглядят стариками, я бы никогда не смог работать в этой области, но все-таки достаточно хорошо разбирался в генетике, чтобы отразить нападки любого бобо, даже бобо образованного.

По правде говоря, мне самому становилось не по себе от своей работы. Риски, связанные с ГМО, были

1 *Бобо (франц. bobo) — богемные буржуа. Термин образован от слов bourgeois (буржуа) и bohème (богема).*

не так уж очевидны, радикальные экологи по большей части оказывались невежественными идиотами, при этом и безвредность ГМО была не так уж очевидна, а мои начальники проявили себя патологическими лгунами. На самом деле мы вообще ничего или почти ничего не знали о долгосрочных последствиях манипуляций с генами растительных культур; хотя проблема, по-моему, состояла даже не в этом, а в том, что производители посевного материала, удобрений и пестицидов самым фактом своего существования сыграли разрушительную и, более того, смертельно опасную роль в развитии сельского хозяйства: дело в том, что интенсивное сельскохозяйственное производство, построенное на гигантских агрокомплексах и на максимизации прибыли в пересчете на гектар, агропромышленность, целиком построенная на экспорте, на отрыве растениеводства от животноводства, была, на мой взгляд, полной противоположностью тому, что следовало бы сделать для устойчивого развития, — надо было, напротив, во главу угла ставить критерии качества, местного потребления и производства, оберегать почвы и грунтовые воды, вернувшись к комплексным севооборотам и использованию удобрений животного происхождения. Во время наших многочисленных выпивок с соседями, на которые нас начали приглашать через несколько месяцев после переезда, я, должно быть, многих поразил пылкостью своих выступлений на эту тему и тщательной аргументацией, ну разумеется, они во всем мне поддакивали, ничего в этом не соображая, на самом деле из чисто левацкого конформизма, но все-таки у меня были какие-никакие идеи и даже идеал, ведь не случайно я поступил в Агро, а не в какой-нибудь институт широкого профиля типа

Политеха или Высшей школы коммерции, да, у меня были идеалы, и я им изменял.

При этом я совершенно не собирался увольняться, без моей зарплаты мы бы не выжили, потому что карьера Клер, несмотря на успех у критики спектакля по Жоржу Батаю, упорно не сдвигалась с мертвой точки. Прошное Клер приговорило ее к области высокой культуры, что было чистым недоразумением, потому что она мечтала работать в развлекательном кино, она и сама ходила только на фильмы для широкой публики, в свое время придя в восторг от “Голубой бездны”, не говоря уже о “Пришельцах”, тогда как текст Батая она сочла “совершенно идиотским”, то же самое произошло со спектаклем по тексту Лейриса, в который она впуталась чуть позже, но больше всего она настрадалась на часовой читке Бланшо на радио *France Culture*, она даже не подозревала, сказала она, что существует подобное дерьмо, поразительно, сказала она, что публике осмеливаются предлагать такую хрень. У меня лично никакого мнения о Бланшо нет, я помню только забавный отрывок из Чорана, где он объясняет, что Бланшо — идеальный автор для обучения машинописи, потому что “смысл не отвлекает”.

К сожалению, внешность Клер полностью соответствовала ее резюме: холодная элегантная красотка словно создана для того, чтобы читать отрешенным голосом тексты в государственных театрах, тогда как индустрия развлечений в те годы была скорее охоча до латиноамериканских секс-бомб и похотливых метисок, в общем, Клер была совсем не в *тренде* и в течение следующего года не получила ни одной роли, если не считать упомянутой выше зауми, несмотря на регулярное чтение журнала для профессионалов

Le Film français и остервенелую, жестокую борьбу за всевозможные кастинги. Даже в рекламах дезодорантов не нашлось ни одного места для льда и пламени. Как ни парадоксально, ей бы наверняка больше повезло в порноиндустрии, хотя нельзя недооценивать латинских и негритянских секс-бомб, в этом секторе всегда делали упор на внешнее и этническое разнообразие. Не будь меня, она, может быть, на это и решилась бы, даже понимая, что успех порноактрисы еще ни разу в нормальном кино не повторился, и все же я считаю, что при сопоставимой оплате читкам Бланшо на *France Culture* она предпочла бы порно. И то ненадолго — порноиндустрия доживала последние дни и вскоре пала жертвой любительской порнухи в интернете, *YouPorn* расправился с порнобизнесом еще быстрее, чем *YouTube* — с музыкальным, порнобизнес всегда шел в авангарде технического прогресса, что, впрочем, уже отметили многие аналитики, хотя ни до кого из них не дошло, насколько парадоксально звучит это утверждение, ведь в такой сфере человеческой деятельности, как порнография, инновации, в сущности, не делают погоду, более того, там в принципе ничего нового не происходит, все мыслимые и немыслимые фантазии в области порнографии получили широкое распространение уже в эпоху Древней Греции и Рима.

Что же касается меня, то “Монсанто” уже давно сидела у меня в печенках, я на самом деле начал просматривать объявления о работе, используя все возможности, предоставленные выпускнику Агро, в частности, при посредничестве Ассоциации выпускников, но только в начале ноября наткнулся на действительно интересное предложение, размещенное Региональной дирек-

цией сельского и лесного хозяйства Нижней Нормандии. Они собирались создать новую структуру, которая занималась бы экспортом французского сыра. Я отправил им свое резюме, мне довольно быстро назначили встречу, и я за день смотался туда-сюда в Кан. Директор РДСЛ оказался тоже выпускником Агро, даже недавним выпускником, я знал его в лицо, он учился на втором курсе, когда я был на первом. Уж не знаю, где он проходил стажировку по окончании учебы, но он приобрел там привычку (еще несвойственную тогда французской администрации) бестолково пересыпать свою речь англицизмами. Его изначальный посыл заключался в том, что французский сыр по-прежнему экспортируется почти исключительно в европейские страны, тогда как в Соединенных Штатах его позиции оставляют желать лучшего, а главное, что в отличие от вина (тут он разразился длинной речью, воспеывая достоинства Межпрофессионального совета вин Бордо) сегмент сыров не сумел предугадать вступление в игру развивающихся рынков, в особенности России, к которой вскоре присоединится Китай, а затем, несомненно, и Индия. Это относилось ко всем французским сырам без исключения; но поскольку мы находимся в Нормандии, многозначительно заметил он, то *task force*¹, которую он собирается создать, займется прежде всего продвижением на рынок “великой нормандской триады” — камамбера, пон-левека и ливаро. До сих пор один только камамбер пользуется поистине международным признанием в силу интереснейших, кстати сказать, исторических причин, на которых сейчас нет времени останавливаться, а вот ливаро и даже

1 Целевая рабочая группа (англ.).

пон-левек в России и Китае совершенно неизвестны, он, конечно, ограничен в средствах, но все-таки ему удалось изыскать ресурсы для найма пяти человек, и теперь ему срочно требуется руководитель этой *task force*, не заинтересует ли меня такой *job*?

Заинтересует, что я и подтвердил ему с точно отмеренной долей профессионализма и энтузиазма. Мне сразу пришла в голову одна идея, и я решил, что неплохо будет поделиться ею с ним: многие американцы — ну не факт, что многие, скажем, просто американцы — ежегодно посещают пляжи Высадки союзников, где члены их семей, а иногда даже отцы пали смертью храбрых. Мы, разумеется, не собираемся прерывать траурную церемонию или устраивать дегустацию сыров у входа на военные кладбища, но все равно рано или поздно все сядут есть, так вот, уверен ли он, что нормандские сыры в должной мере эксплуатируют такого рода туризм по памятным местам? Он пришел в восторг: вот именно такие мероприятия и следует реализовать, и вообще креативный подход к работе никто не отменял; нам вряд ли удастся достичь в ближайшее время синергии, которая позволила развить виноградарство Шампани с помощью французской индустрии роскоши: вы можете представить себе Жизель Бюндхен, дегустирующую ливаро (притом что она вполне смотрится с бокалом *Moët & Chandon*)? В общем, у меня будет практически карт-бланш, он не позволит себе сдерживать творческий полет моей мысли, ведь и в “Монсанто” мне наверняка пришлось нелегко (на самом деле я там особо не перетруждался, аргументы этого производителя семян были на удивление просты: без ГМО у нас не хватит средств прокормить население планеты, численность которого неуклонно

растет; иными словами — либо “Монсанто”, либо голод). В общем, выходя из его офиса, я понимал, что, судя по тому, что он говорил о моей службе в “Монсанто” в прошедшем времени, меня приняли.

Со мной заключили контракт с первого января 2001 года. Прожив несколько недель в отеле, я снял симпатичный домик на отшибе, среди холмов, пастбищ и рощ, в двух километрах от деревни Клеси, гордо носящей немного завышенное звание “столицы Нормандской Швейцарии”. Это был действительно замечательный фахверковый домик: большая гостиная, пол которой выложен терракотовой плиткой, три спальни с паркетом и рабочий кабинет. Пристройка, где раньше находилась давяльня, вполне могла служить гостевым домиком; там было установлено центральное отопление.

Дом был замечательный, я почувствовал, что владелец, скрюченный старичок лет семидесяти пяти — восьмидесяти, который принял меня, очень любит его и содержит в чистоте и порядке, он сразу признался, что хорошо тут пожил, но теперь, увы, нуждается в регулярной медицинской помощи, медсестра должна приходить к нему как минимум три раза в неделю, а в период обострения вообще каждый день, поэтому разумнее в его положении жить в городе, впрочем, ему еще повезло, у него очень заботливые дети, дочка вот настояла на том, чтобы лично выбрать ему медсестру, а это дорогого стоит, учитывая, что сейчас творится, вот уж повезло так повезло, я был с ним полностью согласен, только после смерти жены все уже не так, как было, и, как было, уже не будет никогда, он, само собой, человек верующий, и вариант самоубийства даже

не рассматривает, но порой ему кажется, что Господь Бог почему-то канителится и не призывает его к себе, хотя в его-то годы зачем ему вот это все, я следовал за ним по дому со слезами на глазах.

Дом был замечательный, но жить в нем мне предстояло одному. На предложение переехать в нормандскую деревню Клер ответила категорическим отказом. Поначалу я даже собирался подсказать ей, что оттуда можно “ездить в Париж на кастинги”, но тут же осознал всю нелепость этой затеи, она набирала в среднем по десять кастингов в неделю, какой смысл переезжать в деревню, это стало бы для нее самоубийством в карьерном плане, но ведь не так уж страшно самоубить то, что и так уже мертво. Вот что я подумал в глубине души, но сказать вслух, конечно, не отважился, во всяком случае, не так вот в лоб, а как такое скажешь не в лоб? Ни к какому решению я так и не пришел.

Тогда мы договорились, на первый взгляд вполне разумно, что я буду приезжать в Париж на выходные, не исключено даже, что у нас возникла обоюдная иллюзия, что еженедельные встречи и расставания вдохнут новую энергию в наши отношения, а уикенды превратятся в торжество любви, ну и так далее.

Мы с Клер, в общем, не расстались, во всяком случае, не расстались окончательно и бесповоротно. Подумаешь, дело — сесть в прямой поезд Кан — Париж и через два часа с чем-то быть на месте, но так случилось, что я садился в него все реже и реже, сначала под тем предлогом, что у меня аврал на работе, потом вообще не утруждая себя предложениями, а через несколько меся-

цев все и так стало ясно. В глубине души я не терял надежды, что Клер переедет ко мне, бросит свое сомнительное актерское поприще и согласится стать просто моей женой. Несколько раз я посылал ей фотографии дома, сделанные в хорошую погоду, с широко распахнутыми окнами и видом на рощи и луга, сейчас даже вспоминать об этом стыдно.

Оглядываясь назад, нельзя не поразиться тому, что, как и в момент расставания с Юдзу двадцать лет спустя, все мое земное достояние уместилось в одном чемодане. Явно земное достояние не особо меня прельщало, что в глазах некоторых греческих философов (эпикурейцев? стоиков? циников? или всех понемножку?) было скорее счастливым состоянием духа; противоположное умонастроение, если не ошибаюсь, редко получало одобрение; в этом конкретном пункте все философы пришли к *консенсусу*, а это достаточно редкое явление и потому заслуживает особого упоминания.

Было часов пять с чем-то, когда я закончил телефонный разговор с Клер, и мне оставалось убить еще три часа до ужина. Вскоре, буквально через пару минут, я задумался, так уж ли нужна эта встреча. В любом случае ничем хорошим она закончиться не может, разве что разбередит чувства разочарования и горечи, с которыми за прошедшие двадцать лет нам удалось кое-как совладать. Мы оба прекрасно знали, что жизнь вообще полна горечи и разочарований, так стоит ли тратить на такси и ресторан, чтобы еще раз в этом убедиться? Мне что, так не терпится узнать, *как поживает* Клер? Скорее всего, не блестяще, ожидания ее

наверняка не оправдались, в противном случае я и так узнал бы о ее успехах из киноафиш. Мои собственные профессиональные устремления были более туманны, а следовательно, и неудачи не так бросались в глаза, хотя меня все равно не покидало ощущение, и довольно внятное, что на сегодняшний день я являюсь неудачником. Из встречи двух немолодых лузеров и бывших любовников могла бы выйти потрясающая сцена французского фильма, с подходящими случаю актерами, допустим, для наглядности, с Бенуа Пульвордом и Изабель Юппер; но зачем мне это наяву?

В критические минуты жизни мне случалось прибегать к своего рода *телегаданию*, которое я сам и изобрел, насколько мне известно. Рыцари Средних веков и вслед за ними пуритане Новой Англии, принимая трудное решение, наугад открывали Библию, наугад тыкали пальцем в страницу и, пытаясь истолковать выпавшую строфу, принимали решение, повинаясь указующему персту. Вот и я, бывало, включал наобум телевизор (не выбирая канала, а тупо нажимая на кнопку *On*) и старался истолковать возникшие на экране кадры.

Ровно в полседьмого я нажал на *On*, включив телевизор в своем номере отеля “Меркюр”. Поначалу появившееся изображение сбilo меня с толку, его как-то трудно было расшифровать (впрочем, со средневековыми рыцарями это тоже нередко случалось, и даже с пуританами Новой Англии): я попал на программу, посвященную Лорану Баффи¹, что само по себе было

1 Лоран Баффи (р. 1958) — французский сатирик, режиссер, радио- и телеведущий.

удивительно (он, что ли, умер? Баффи совсем еще молод, но некоторых телеведущих может хватить кондрашка и на гребне славы, внезапно лишив поклонников их кумира, такова жизнь). Тон, во всяком случае, был вполне поминальным, выступающие подчеркивали “глубочайшую человечность” Лорана, некоторые называли его “братаном, крутым челом и безбашенным чуваком”, другие, знавшие героя не так близко, уважали его за “безупречный профессионализм”, эта полифония, умело оркестрованная с помощью монтажа, привела чуть ли не к новому прочтению творчества Лорана Баффи и завершилась по-симфонически мощно, настоящим хором, стройно выводившим единодушное мнение собравшихся — как ни посмотри, Лоран был “прекрасным человеком”. В 19.20 я вызвал такси.

Я приехал в “Бистро дю паризьен” на улице Пельпор ровно в восемь, Клер и правда заказала столик, очко в ее пользу, хотя с первых же секунд, проходя по полупустому залу ресторана — впрочем, в воскресный вечер это неудивительно, — я почувствовал, что сегодня оно останется единственным.

Минут через десять официант подошел узнать, не хочу ли я выпить аперитив в ожидании гостя. С виду он был вполне доброжелателен и явно предан своему делу, а главное, я тут же это понял, он почувствовал, что наше свидание обещает быть проблемным (ну а как иначе, официант в бистро 20-го округа обязан быть слегка шаманом, а то и психопомпом), а еще я догадался, что он примет, скорее всего, мою сторону (может, он заметил мое растущее беспокойство? еще бы, я уже успел сожрать целую охалку грессини), ну, гулять так гулять, и я заказал тройной *Jack Daniels*.

Клер появилась около половины девятого, она ступала очень осторожно и даже пару раз оперлась по пути на столики, будучи, вероятно, уже в подпитии; неужто перспектива нашей встречи так потрясла ее и острой болью в душе отозвались воспоминания о надеждах на счастье, которые не оправдала жизнь? Я пребывал во власти этого заблуждения всего несколько мгновений, два-три максимум, потом мне пришла в голову куда более здравая мысль — Клер,

скорее всего, каждый день к этому часу уже успевала основательно надраться.

С чувством раскрыв ей объятия, я воскликнул, что она прекрасно выглядит и совершенно не изменилась, не знаю, где я научился так ловко врать, во всяком случае не у родителей, возможно, в первых классах лицея, не важно, дело в том, что она ужасно сдала, отовсюду свисали жировые складки, лицо покрылось сосудистой сеткой, впрочем, она взглянула на меня недоверчиво, решив поначалу, видимо, что я над ней издеваюсь, но это продолжалось не дольше десяти секунд, она опустила голову и тут же вскинула ее, полностью поменяв выражение лица, передо мной снова возникла юная девица и едва ли не кокетливо подмигнула мне.

На изучение меню, радующее глаз своей традиционностью, я потратил довольно много времени. В итоге я выбрал на закуску улитки по-бургундски (6 штук), запеченные с чесночным маслом, а на второе — жаренные в оливковом масле морские гребешки с тальятелле. Я рассчитывал таким образом обойти вечную дилемму земля-море (красное вино *vs* белое вино) — при таком выборе нам не возбранялось взять по бутылке и того и другого. Клер, судя по всему, руководствовалась той же логикой, заказав мозговую косточку на поджаренном хлебе с герандской солью и бурриду из трески по-провансальски с соусом айоли.

Я боялся, что мне придется поведать ей что-нибудь сокровенное и вообще рассказывать свою жизнь, но ничего подобного, сделав заказ, Клер тут же пустилась в долгое повествование, представлявшее собой, на минуточку, подробный обзор почти двух десяти-

летий, прошедших с нашей последней встречи. Она пила быстро, залпом, и вскоре стало очевидно, что нам понадобятся еще две бутылки красного (а также, чуть позже, две бутылки белого). После моего отъезда жизнь ее не наладилась, поиски ролей ничем не увенчались, а потом и вообще создалась странная ситуация, между 2002-м и 2007-м цены на недвижимость в Париже выросли вдвое, а в ее квартале и того круче, улица Менильмонтан становилась все более *хайповой*, ходили упорные слухи, что сюда недавно переехал Венсан Кассель собственной персоной, Кад Мерад и Беатрис Даль должны вскоре последовать его примеру, а возможность пить кофе в том же баре, что и Венсан Кассель, — огромный плюс, эта информация, не получив опровержения, привела к новому скачку цен, и к 2003–2004 году Клер поняла, что ее квартира зарабатывает ежемесячно гораздо больше, чем она сама, так что ей во что бы то ни стало надо было продержаться и не продавать ее, это было бы чистым самоубийством в финансовом плане, и от отчаяния она решила, за неимением лучшего, согласиться на запись серии компакт-дисков с текстами Мориса Бланшо на *France Culture*, ее колотила дрожь, когда она об этом рассказывала, и, бросая на меня безумные взгляды, она буквально вгрызалась в мозговую косточку, так что я знаком поторопил официанта.

Буррида из трески немного умиротворила Клер, совпав с самым спокойным моментом ее жизнеописания. В начале 2008-го она согласилась на предложение Центра занятости организовать театральные мастерские для безработных, благодаря чему последние обрели бы уверенность в себе, зарплату ей положили не бог весть какую, зато ее каждый месяц исправно пе-

реводили ей на счет, на что она и жила последние десять лет, в Центре она уже пообвыкла и теперь, оглядываясь назад, могла с уверенностью сказать, что эта идея не была такой уж абсурдной, во всяком случае, это занятие куда полезнее психотерапии, ведь безработный со стажем неминуемо превращается в маленькое забитое существо, а театр и в особенности, по каким-то непонятным причинам, водевильный репертуар помогает этим унылым созданиям вернуть себе хоть какие-то навыки свободного общения, необходимые для собеседования при приеме на работу, в любом случае благодаря своей скромной, но зато ежемесячной зарплате она могла бы теперь свести концы с концами, если бы не оплата коммунальных услуг, потому что некоторые совладельцы ее дома, опьяненные молниеносной джентрификацией квартала Менильмонтан, решили вложиться в какие-то уж совсем бредовые затеи, замена входного кода на биометрическую систему распознавания по радужной оболочке была лишь прелюдией, теперь один за другим посыпались безумные проекты вроде превращения мощного двора в дзен-сад с каскадами и доставленными прямиком с Кот-д'Армора гранитными блоками под чутким руководством всемирно известного японского мэтра. Но Клер уже приняла решение, к тому же после второго, более краткосрочного скачка цен в 2015–2017 годах рынок недвижимости в Париже надолго затих, в общем, она собиралась продать квартиру и уже даже связалась с одним агентством.

Про личную жизнь ей почти нечего было сказать, за это время она завела несколько романов, дважды чуть не дошло до семейной жизни, ей все же удалось собраться с силами, чтобы поговорить об этом,

она не могла себе не признаться, что оба ее возлюбленных (актеры, приблизительно столь же успешные, как и она сама), предлагавшие себя в спутники жизни, были влюблены в ее квартиру гораздо больше, чем в нее саму. Не исключено, что я был единственным мужчиной, который любил ее по-настоящему, заключила Клер немного удивленно. Я не стал ее разубеждать.

Несмотря на ее рассказ, малоутешительный, а то и откровенно печальный, я смог по достоинству оценить гребешки и с интересом приступил к изучению десертной карты. Мое внимание сразу привлек торт-мороженое с меренгами и малиновой подливкой; Клер предпочла традиционные профитроли с горячим шоколадом; я заказал третью бутылку белого вина. Я уже начал сомневаться, спросит ли она наконец “А ты как?” или что-то в этом роде, как это обычно бывает в такой ситуации, в кино по крайней мере, и даже, сдается мне, и в жизни.

Проведя такой вечер, мне следовало бы, по идее, отказаться от предложения “зайти выпить” к ней домой, и я до сих пор недоумеваю, что же заставило меня согласиться. Возможно, мне все-таки любопытно было снова оказаться в квартире, где я прожил как-никак целый год; кроме того, я терялся в догадках, чем меня привлекла когда-то эта особа. Ну что-то же все-таки было, помимо чистого секса; а может — и я ужаснулся при этой мысли, — как раз ничего и не было, кроме секса.

Ее же намерения не оставляли сомнений — налив мне коньяку, она в свойственной ей манере перешла прямо к делу. Я с готовностью снял штаны и трусы, чтобы ей легче было взять в рот, хотя меня сразу охватило тревожное предчувствие, и, подождав

пару минут, в течение которых она тщетно жевала мой безжизненный член, и понимая, что толку ей не добиться, я сознался, что принимаю антидепрессанты (“мощные дозы” антидепрессантов, добавил я для пущей важности), печальным последствием коих явилось полное подавление моего либидо.

Эти слова произвели на нее магическое действие, она мгновенно успокоилась, конечно, всегда приятнее свалить вину на антидепрессанты любовника, чем на собственные жировые складки, более того, на ее лице промелькнуло выражение искреннего сострадания, и, впервые за вечер проявив ко мне интерес, она спросила, не страдаю ли я депрессией, а если да, то в связи с чем и как давно.

Тогда я конспективно изложил ей мои супружеские злосчастия последнего времени и более или менее правдиво поведал обо всем (за исключением собачьих радостей Юдзу, сочтя, что эта деталь несущественна для понимания целого), всерьез отступив от истины лишь однажды — по моей версии событий, Юдзу в итоге решила уехать в Японию, уступив настойчивым просьбам родителей, просто чудо какая картинка получилась, классический конфликт между любовью и семейным и/или социальным долгом (как написал бы какой-нибудь гошист в семидесятые годы), чем не роман Теодора Фонтане, заметил я, хотя Клер вряд ли читала этого автора.

Участие японки придавало моим похождениям экзотический флер в духе Лоти или Сегалена, я вечно их путаю, во всяком случае, моя история ей явно пришлась по вкусу. Воспользовавшись тем, что она на моих глазах все больше погружалась в пространственные думы о женской доле, усугубленные вторым бо-

калом коньяка, я украдкой привел себя в порядок и, застегивая ширинку, внезапно сообразил, что на дворе первое октября, то есть последний день аренды квартиры в башне “Тотем”. Наверняка Юдзу досидела там до упора, и в этот самый момент самолет уносит ее в сторону Токио, может быть, даже она уже подлетает к аэропорту Нарита, родители встречают ее за барьером в зале прилетов, а жених, возможно, ждет около своей машины на стоянке, все это было предназначено и теперь должно сбыться, может, именно по этой причине я и позвонил Клер; я вспомнил, что сегодня первое октября, всего пару минут назад, но что-то во мне — наверное, мое подсознание — этого не забыло, мы пребываем во власти неясных божеств, “эти девицы пустили нас по ложному пути; к тому же шел дождь”, как написал где-то, по-моему, Нерваль, в последнее время я редко вспоминал Нерваля, а вот он-то, кстати, повесился именно в сорок шесть лет, да и Бодлер умер в том же возрасте, какой трудный возраст, однако.

Теперь Клер, пьяная в жопу, сидела, опустив голову на грудь, и храпела во все горло, в принципе, мне следовало бы тут же уйти, но больно мне было хорошо на ее огромном диване в опен-спейсе, и при мысли, что сейчас придется ехать на другой конец Парижа, на меня навалилась такая усталость, что я лег, повернулся к стене, чтобы ее не видеть, и тут же уснул.

В ее хибаре нашелся только растворимый кофе, что, конечно, не лезло ни в какие ворота, где же, спрашивается, еще и быть кофемашине, как не в таких хоромах, короче, я заварил себе растворимый кофе, сквозь жалюзи просачивался слабый свет; несмотря на все предосторожности, я все же наткнулся на какую-то мебель, и Клер мгновенно возникла на пороге кухни в короткой полупрозрачной ночной рубашке, почти не скрывавшей ее прелестей, но, к счастью, она думала сейчас о другом и взяла протянутый мною стакан с растворимым кофе, она, черт возьми, даже чашками не обзавелась, ей хватило одного глотка, и пошло-поехало, как смешно, что я живу в башне “Тотем”, сказала она (о своем переезде в “Меркюр” я ей не сообщил), потому что ее отец как раз стоял у истоков этого проекта, будучи ассистентом одного из двух архитекторов, отца она почти не знала, он умер, когда ей было шесть лет, но помнит, что мать хранила газетную вырезку со статьей, в которой он пытался отбиться от нападков, это строительство породило бурную полемику, башня “Тотем” несколько раз возглавляла список самых уродливых зданий Парижа, хотя ей так и не удалось сравняться с башней Монпарнас, которую в разных опросах неизменно называли самым уродливым зданием Франции, а в недавнем опросе *Touristworld* — уродливейшим в мире, идущим следующей строкой после мэрии Бостона.

Она вышла в опен-спейс и, к моему ужасу, через две минуты вернулась с фотоальбомом в руках, очевидно надеясь, что он послужит ей подспорьем для подробного рассказа о жизни. В далекие шестидесятые годы ее отец явно был *нижон*ом — его снимки в костюме от Ренома у выхода из ночного клуба *Vis Palladium* не оставляли в этом сомнений, в сущности, он жил шикарной жизнью шикарного юнца шестидесятых и чем-то даже смахивал на Жака Дютрона, впоследствии став предприимчивым (и наверняка жуликоватым) архитектором, и так оно продолжалось в течение всех лет президентства Помпиду и Жискара, а потом он погиб за рулем своего “феррари-308-GTB”, возвращаясь после уикенда в Довиле, проведенного в компании шведской любовницы, в тот самый день, когда Миттеран был избран президентом Республики. Дела его и так шли вполне успешно, но тут, имея кучу друзей в соцпартии и президента-строителя в лице Франсуа Миттерана, он бы совсем расцвел и ничто не помешало бы ему достичь вершин в своем ремесле, если бы тридцатипятитонный грузовик, вылетев на середину трассы, не закрыл навсегда эту тему.

Мать Клер сожалела о потере пусть ветреного, но щедрого мужа, который вдобавок предоставлял ей полную свободу, но более всего ей была невыносима мысль, что теперь она останется одна с дочерью, да, хоть ее супруг и был тот еще кобелина, он проявил себя при этом очень нежным отцом и с любовью заботился о ребенке, в то время как она не чувствовала в себе никакого материнского инстинкта, вообще никакого, а ведь мать либо полностью отдает себя детям и борется за их счастье, поставив крест на своем соб-

ственном, либо происходит ровно обратное, середины нет, дети становятся досадной помехой, и сиюминутное раздражение быстро перерастает во враждебность.

Когда Клер исполнилось семь, мать сбагрила ее в интернат для девочек в Рибовилле, под надзор Конгрегации сестер Провидения Божьего, эту часть истории я уже знал, им там не давали ни круассанов, ни даже булочек с шоколадом, вообще ни хрена, и Клер налила себе водки, ну вот, что и требовалось доказать, она, значит, нажирается с семи утра. “В одиннадцать лет ты оттуда сбежала...” — перебил я, чтобы немного подсократить ее рассказ. Я помню этот побег, ключевой момент ее героической эпопеи и борьбы за независимость, она вернулась в Париж автостопом, что, конечно, было сопряжено с некоторым риском, по пути с ней могло случиться что угодно, тем более что она уже тогда была, по ее собственному выражению, “слаба на передок”, но с ней ровным счетом ничего не случилось, она усмотрела в этом некий знак, и тут я понял, что сейчас мы углубимся в бесконечный туннель их взаимоотношений с матерью, и, набравшись смелости, предложил выйти в кафе и нормально позавтракать двойным эспрессо и багетом с маслом, а то и омлетом с ветчиной; я есть хочу, жалобно уговаривал ее я, мне и правда хотелось есть.

Она накинула пальто прямо на ночную рубашку, на улице Менильмонтан есть все, что душе угодно, вдруг нам повезет увидеть Венсана Касселя, сидящего за столиком перед чашкой кофе с каплей молока, главное, мы вышли из квартиры, и на том спасибо, снаружи было обычное осеннее утро, ветренное и прохладное, я решил, что если завтрак затянется, я сбегу под предлогом визита к врачу.

К моему величайшему изумлению, как только мы сели в кафе, Клер принялась расспрашивать про “мою японку”, о которой хотела бы узнать побольше, ее поразило совпадение с башней “Тотем”. “Совпадение — это когда Господь подмигивает тебе”, уж не помню, кто это сказал, Вовенарг или Шамфор, а может, и Ларошфуко или вообще никто, ну как бы то ни было, я мог долго еще продержаться на японской теме, я на этом собаку съел, так что для затравки глубокомысленно произнес: “Японское общество гораздо более традиционно, чем мы привыкли думать”; теперь я мог трепаться часа два, не опасаясь возражений, в любом случае никто ничего не смыслит ни в Японии, ни в японцах.

Но через пару минут я понял, что говорить мне еще утомительнее, чем слушать, вообще межличностные отношения давались мне с трудом, а особенно, что греха таить, межличностные отношения с Клер, так что я позволил ей перехватить инициативу, в баре было приятно, только обслуживать они не торопились, и мы снова окунулись в жизнь одиннадцатилетней Клер, тем временем кафе постепенно заполнили его завсегдатаи, с виду все как на подбор творческие работники.

Итак, разразилась война с матерью, война, продлившаяся почти семь лет, война не на жизнь, а на смерть, причиной которой было в основном постоянное сексуальное соперничество. Я помнил некоторые яркие эпизоды этой истории, например, как Клер, порывшись в материнской сумочке и обнаружив там презервативы, обозвала ее старой блядью. Зато я, видимо, забыл — и Клер не преминула меня просветить, — что она перешла, скажем так, от слов к делу,

решив соблазнить побольше любовников матери при помощи своих простых, но вполне действенных приемчиков, уже опробованных на мне. И уж я подавно был не в курсе, что мать Клер, контрактауя более изощренными способами, которым зрелые женщины мало-помалу научаются, начитавшись популярных женских романов, принялась со своей стороны трахать бойфрендов Клер.

В фильм на *YouPorn* этот эпизод вошел бы под названием *Mom teaches daughter*¹, например, но в действительности, как это часто случается, все было отнюдь не так забавно. Круассаны нам принесли довольно быстро, а вот омлет с ветчиной заставил себя ждать, и к моменту его появления Клер уже добралась аж до своих четырнадцати лет, но я успел его съесть до того, как ей исполнилось шестнадцать, мне сразу легчало, и теперь, на сытый желудок, сочтя, что мне уже достанет сил завершить нашу встречу, я жизнерадостным и бодрым тоном подвел итоги: “А в день своего восемнадцатилетия ты ушла из дома, устроилась работать в баре около площади Бастилии, сняла себе комнату, после чего мы с тобой встретились, любовь моя, совсем забыл тебе сказать, я записан к кардиологу на десять, ну я побежал, целую, созвонимся”, — и, не дав ей опомниться, положил на столик двадцать евро. Она странно на меня посмотрела, пришибленно, что ли, я вышел из кафе, усердно размахивая рукой на прощание, несколько мгновений во мне еще теплилось непроизвольное сострадание, но, поборов его, я пустился рысцой по улице Менильмонтан, свернул, повинувшись старому рефлексу, на улицу Пиренеев и, не замедляя

1 “Мама обучает дочку” (англ.).

темпа, минут за пять добрался до метро “Гамбетта”. Да уж, ее песенка спета, она будет пить все больше и больше, потом ей и этого покажется мало, к выпивке добавятся таблетки, сердце в конце концов не выдержит, она захлебнется собственной блевотиной, и найдут ее в двухкомнатной квартирке с окнами во двор, на бульваре Венсана Линдона. Мне не хватило бы сил спасти Клер, боюсь, спасение Клер было уже никому не под силу, за исключением, возможно, членов каких-нибудь христианских сект (тех самых, что с любовью распахи-вают объятия или притворяются, что с любовью распахи-вают объятия старым, сирым и убогим братьям во Христе), но проблема в том, что Клер слышать о них не могла, их братское сострадание стало бы ей костью в горле, если она в чем-то и нуждалась, то в заурядной супружеской нежности и, в порядке неотложной помощи, в присутствии хуя в своей пизде, но вот на это уже надежды не было, заурядная супружеская нежность могла появиться только в качестве бонуса к пресыщенной сексуальности, для чего неминуемо пришлось бы поставить галочку в графе “секс”, а туда ей отныне и на- всегда доступ закрыт.

Все это, конечно, очень печально, но, наверное, в течение нескольких лет, прежде чем превратиться в законченную алкоголичку, Клер все же успела побывать относительно роскошной сорокалетней дамой, вроде пумы или милфы — бездетной милфы, разумеется, — но сдается мне, ее писька еще долгое время не теряла способности увлажняться, ну ладно, ей все же есть что вспомнить. По контрасту я вдруг подумал об истории трехлетней давности, тогда, как раз перед тем, как я попался в лапы к Юдзу, у меня возникла

губительная мысль повидаться с Мари-Элен, я переживал в то время очередной период сексуальной апатии, наверняка мне просто хотелось прощупать почву, я даже спать с ней не собирался, разве что при крайне благоприятном стечении обстоятельств, что в случае бедняжки Мари-Элен было маловероятно; нажав на дверной звонок, я приготовился к худшему, но ситуация оказалась еще чудовищнее, чем я мог предположить: с ней недавно случился приступ чего-то психиатрического, не помню, что это было, биполярное расстройство или шизофрения, она так и не оправилась, ужасно ослабела и жила теперь в неприступной резиденции на авеню Рене Коти, у нее постоянно дрожали руки, она на самом деле боялась буквально всего, от трансгенной сои до прихода к власти Национального фронта и загрязнения воздуха мелкодисперсной пылью... Ее рацион был ограничен зеленым чаем и семенами льна, и все полчаса, что я у нее пробыл, она говорила исключительно про свою пенсию по инвалидности. Я вышел, мечтая о кружке пива и сэндвиче с паштетом, она еще долго так может продержаться, по меньшей мере лет до девяноста, и наверняка меня переживет, все больше дрожа и усыхая, шарахаясь от собственной тени и не вылезая из скандалов с соседями, тогда как в действительности она уже мертва, мне чуть было не пришлось *уткнуться носом в промежность покойницы*, это красочное выражение я где-то вычитал, возможно в романе Томаса Диша, фантаста и поэта, познавшего свой звездный час и сегодня незаслуженно забытого, он покончил с собой 4 июля, скорее, правда, по той причине, что его спутник жизни только что умер от СПИДа, но все же и потому, что он просто-напросто не мог

уже прожить на свои авторские и решил продемонстрировать, выбрав эту символическую дату, на какую судьбу обрекает Америка своих писателей.

Так что Клер была еще в отличной форме, смотря с чем сравнивать, в конце концов, она могла записаться в общество анонимных алкоголиков, говорят, они достигают порой потрясающих результатов, а еще, подумал я, возвращаясь в отель, Клер умрет одинокой, умрет несчастной, но она хотя бы не умрет в нищете. Продав свой лофт, она окажется, учитывая цены на рынке недвижимости, в три раза богаче меня. Таким образом, одна удачная сделка принесла ее отцу гораздо больше денег, чем мой отец успел с трудом скопить за сорок лет, заверяя документы и регистрируя ипотеку, деньгами никогда не вознаграждали труд по достоинству, одно к другому не имеет никакого отношения, человеческое сообщество еще никогда не строилось на адекватной оплате труда, и даже коммунистическое общество будущего не собиралось зиждиться на этой основе, принцип распределения благ был сведен Марксом к совершенно бессмысленной формуле “каждому по потребностям”, которая стала бы неисчерпаемым источником всяческих дрызг и склок, если, не приведи господь, ее кто-нибудь попытался бы применить на практике, но, к счастью, этого так и не случилось, в коммунистических странах, как и во всех остальных, деньги идут к деньгам, у кого деньги, у того и власть, таково последнее слово общественного устройства.

В период расставания с Клер горькую пилюлю мне подсластили нормандские коровы, ставшие для меня утешением и чуть ли не откровением. Впрочем, с коровами я общался и раньше: в детстве мы каждое

лето проводили месяц в Мерибеле, где отец приобрел таймшер в шале. Пока родители целые дни напролет бродили влюбленной парочкой по горным тропам, я смотрел телевизор, в частности, я тогда надолго подсел на “Тур де Франс”. Время от времени я все-таки выходил на воздух, круг интересов взрослых оставался для меня загадкой, хотя я допускал, что в блуждании по высокогорьям есть свой интерес, иначе такие толпы, начиная с моих родителей, этим бы не занимались.

Мне так и не удалось пробудить в себе чувство прекрасного при виде альпийских пейзажей, но зато я проникся симпатией к стаду коров, которых я часто встречал, когда они переходили с одного летнего пастбища на другое. Это были таринские коровы рыжей масти — маленькие, подвижные и выносливые, они отличаются боевитым нравом; коровы носились вскачь по горным тропам, и мелодичный звон колокольчиков у них на шее доносился издалека, когда они сами еще не показались.

А вот нормандскую корову трудно вообразить *несущейся вскачь*, в самой этой мысли есть что-то непочтительное, они могут ускорить шаг, мне кажется, только в крайне опасной для жизни ситуации. Полнотелые и величественные коровы нормандской породы *имеют место быть*, и этого им более чем достаточно; только познакомившись с нормандскими коровами, я понял, почему индусы считают это животное священным. Во время моих одиноких уикендов в Клеси мне достаточно было минут десять понаблюдать за коровьим стадом, пасущимся на окрестных лугах, чтобы забыть улицу Менильмонтан, кастинги, Венсана Касселя, отчаянные попытки Клер вписаться в среду, ко-

торая никак не хотела ее принимать, и в конце концов забыть ее саму.

Мне не было тогда и тридцати, но я уже вползал постепенно в зимнюю темень, где не было просветов — ни воспоминаний о любимой, ни надежды на повторение чуда, эта астенция чувств усугублялась растущей безучастностью к профессиональным занятиям, *task force* постепенно пообтрепалась, я высек из нее еще несколько искр, сделав пару принципиальных заявлений, в частности на корпоративных банкетах (в РДСЛ их устраивали минимум раз в неделю), ведь пора уже признать, что нормандцы не умеют торговать своей продукцией, вот кальвадос, например, обладает всеми качествами благородного алкогольного напитка, хороший кальвадос ничуть не уступает арманьяку, а то и коньяку, и при этом он в сто раз беднее представлен в бутиках дьюти-фри во всех аэропортах мира; более того, даже во французских супермаркетах он присутствует чисто символически. Что касается сидра, тут вообще говорить не о чем, сидр блистал своим отсутствием на прилавках крупных торговых сетей, да и бары им не особо баловали. На корпоративных банкетах еще возникали тут и там ожесточенные дискуссии, мы клялись друг другу безотлагательно принять меры, а потом запал потихоньку сдувался, так шли недели, неотличимые одна от другой, жаловаться было особенно не на что, и мысль о том, что мы вообще мало что можем поделать с чем бы то ни было, незаметно проникла во все умы, даже директор, показавшийся мне этаким лихим щеголем, когда нанимал меня на работу, округлился, женился и в основном вел речи о благоустройстве приобретенной недавно

фермы, где он собирался поселить свое будущее семейство. Правда, в течение нескольких месяцев у нас царило некоторое оживление благодаря краткому пребыванию в офисе потрясающей ливанской практикантки, которая, в частности, заполучила фотографию Джорджа Буша, смаковавшего сыры, поданные на огромном подносе; этот снимок вызвал легкую бурю в ряде американских СМИ, их крестин Буш, видимо, не врубился, что импорт сыров из сырого молока был только что запрещен в его стране, но, несмотря на шумок в прессе, это никак не повлияло на продажи, да и периодические поставки ливаро и пон-левека лично Владимиру Путину тоже не принесли желаемого результата.

Пользы от меня было мало, но и вреда не больше, все-таки некоторый прогресс по сравнению с “Монсанто”, утром, по дороге на работу, сидя за рулем своего “мерседеса G 350 TD”, я смотрел на клочья тумана, повисшие над рощами, и убеждал себя, что жизнь моя еще не кончена. Проезжая по деревне Тюри-Аркур, я всякий раз задумывался, имеет ли она какое-то отношение к Эмерику, и наконец решил порыться в интернете, в то время это было гораздо труднее, сеть была недостаточно развита, тем не менее я нашел ответ на сайте, пребывавшем, правда, еще в зачаточном состоянии, под названием “Наследие Нормандии. Интернет-журнал об истории и искусстве жизни в Нормандии”. Да, связь была, и, можно сказать, прямая связь, этот городок изначально назывался Тюри, потом Аркур — в честь рода Аркуров; в эпоху Революции он снова стал Тюри, и в итоге, в знак примирения “двух Франций”, его переименовали в Тюри-Аркур. Еще во времена Людовика XIII тут возвели

гигантский замок — “Нормандский Версаль”, как его иногда называют, — ставший резиденцией герцогов Аркуров, губернаторов провинции. В Революцию замок почти не пострадал, зато сгорел в августе 1944-го во время отступления дивизии *Das Reich*, взятой в тиски 59-й Стаффордширской дивизией.

В течение все трех лет учебы в Агро Эмерик д’Аркур-Олонд был моим единственным настоящим другом, и вечерами я обычно торчал у него в комнате — сначала в Гриньоне, потом в резиденции Агро Университетского городка, — мы выпивали целыми упаковками пиво 8,6 и курили травку (ну, курил в основном он, я-то предпочитал пиво, первые два года учебы он выкуривал десятка по три косяков в день и, видимо, постоянно был под кайфом), но, главное, мы слушали пластинки. Белокурый, кудрявый Эмерик, носивший рубашки в стиле канадских лесорубов, выглядел типичным фанатом гранжа, только он не ограничился *Nirvana* и *Pearl Jam*, а добрался до самых его истоков, в его комнате все полки были уставлены винилами 60–70-х годов, их тут были сотни: *Deep Purple*, *Led Zeppelin*, *Pink Floyd*, *The Who*, попадались даже *The Doors*, *Procol Harum*, Джими Хендрикс и *Van der Graaf Generator*...

You Tube еще не появился, и практически никто в то время эти группы не помнил, во всяком случае, для меня они стали ошеломляющим открытием, и восхищению моему не было предела.

Как правило, мы проводили вечера вдвоем, иногда к нам присоединялись еще два приятеля с нашего курса, не бог весть что, мне сейчас даже трудно вспомнить их лица, а что касается имен, то я их вообще забыл, а вот девушек с нами никогда не было —

странно, если задуматься, что-то я не помню, чтобы Эмерик заводил романы. Девственником он, конечно, не остался, ну, мне так кажется, и вряд ли он боялся женского пола, скорее голова у него другим была занята, возможно, профессиональной жизнью, в нем была какая-то серьезность, которая в то время, наверное, ускользнула от меня, потому что на свою профессиональную жизнь я плевать хотел, сомневаюсь, что я вообще хоть на полминуты о ней задумался, мне казалось невероятным, что кто-то может всерьез интересоваться чем-то, кроме баб, и, увы, в сорок шесть лет я понял, что правда тогда была на моей стороне, бабы — бляди, если угодно, кому как, но профессиональная жизнь — это блядь в квадрате, к тому же не доставляющая никакого удовольствия.

Я ожидал, что в конце второго курса Эмерик, как и я, выберет какую-нибудь левую специализацию вроде сельской социологии или экологии, но нет, он записался на зоотехнику, которая считалась уделом трудоголиков. К сентябрю, когда начинались занятия, он коротко постригся и полностью обновил свой гардероб, а когда ему пришла пора отправляться на последипломную стажировку в “Данон”, перешел на костюм с галстуком. Мы редко общались в тот год, насколько я помню, для меня он превратился в сплошные каникулы, в итоге я выбрал экологию, и мы проводили время в поездках по Франции, изучая на практике растительные формации. К концу года я научился распознавать разнообразные растительные формации Франции и мог предсказать их местонахождение при помощи геологической карты и местных метеорологических данных, вот, собственно, и все, хотя позже мне эти знания пригодились, чтобы затыкать рот ак-

тивистам партии “Зеленых”, когда разговор заходил о реальных последствиях глобального потепления. Он же большую часть стажировки просидел в отделе маркетинга “Данона”, и, логически рассуждая, следовало ожидать, что он посвятит свою карьеру разработке концепции новых питьевых йогуртов и смузи. Но он и на этот раз удивил меня, заявив на церемонии вручения дипломов, что собирается купить сельскохозяйственную ферму в департаменте Манш. Агроинженеры заняты, как правило, во всех областях агроиндустрии, иногда на второстепенных должностях, хотя чаще все же на руководящих, но крайне редко они идут в фермеры; пролистав справочник выпускников Агро в поисках его адреса, я отметил, что Эмерик единственный из нашего выпуска сделал такой выбор.

Он жил в Канвиль-ла-Рок и предупредил по телефону, что найти его трудно, мне придется расспрашивать местных жителей, как проехать к замку Олонд. Да, замок тоже принадлежал его семейству, но Тюри-Аркура тогда еще в помине не было, первый раз он был разрушен в 1204-м и восстановлен в середине XIII века. А в остальном — в прошлом году он женился, у него в хозяйстве триста молочных коров, да, он выложился по полной, в общем, он все подробно мне расскажет. Нет, никого из нашего выпуска он не видел с тех пор, как переселился сюда.

До замка Олонд я добрался уже в сумерках. Это был даже не столько замок, сколько беспорядочное нагромождение всяких построек различной степени сохранности, так что представить себе оригинальный план этого сооружения было непросто; массивный и прямоугольный жилой дом, располагавшийся в центре, пока еще вроде держал удар, хотя травы и мох постепенно вгрызались в его гранитные блоки, но поскольку это был, видимо, гранит из Фламанвиля, на то, чтобы нанести ему серьезный ущерб, уйдет еще несколько столетий.

Позади главного дома виднелся высокий и узкий цилиндрический донжон, на котором не было заметно следов разрушения; но основной донжон, ближе к входу, имевший когда-то, видимо, четырехугольную форму и выполнявший в этой крепости ключевую оборонительную функцию, уже распрощался с окнами и крышей, а жалкие остатки стен, скругленные и обмякшие под воздействием эрозии, покорно ожидали своей геологической участи. В сотне метров от него виднелся большой ангар с силосной башней, нарушавший своим металлическим блеском окружающие пейзажи, думаю, что это было первое современное строение, попавшееся мне за последние километры пятьдесят.

Эмерик снова отрастил волосы и вернулся к клетчатым фланелевым рубашам, только на сей раз они обрели свой изначальный статус рабочей одежды.

— В этих декорациях происходит действие последних сцен “Безымянной истории” Барбе д’Ореви-
льи, — сказал он. — Уже в 1882 году Барбе назвал его “старым обветшавшим замком”; как видишь, с тех пор мало что изменилось.

— Тебе разве не помогает Фонд исторических памятников?

— Не особенно... Мы, конечно, записаны в их реестр, но помощи от них не дождешься. Сесиль, моя жена, хочет сделать тут капитальный ремонт и переоборудовать замок в отель, ну, типа шарм-отель, что-то вроде того. Да оно и понятно, у нас тут пустует комнат сорок, а мы отопливаем всего пять. Выпьешь что-нибудь?

Я попросил бокал шабли. Не знаю, имело ли им смысл затеваться со строительством дорогого отеля, но в гостиной с большим камином и глубокими кожаными креслами бутылочного цвета было уютно и хорошо, хотя Эмерик, будучи совершенно равнодушным к эстетике интерьеров, явно к этому руку не приложил, ничего более безликого, чем его комната в Агро, мне видеть не приходилось, она напоминала бы солдатский бивуак, если бы не пластинки.

Тут они занимали целую стену, это было впечатляющее зрелище.

— Прошлой зимой я насчитал больше пяти тысяч, — сказал Эмерик.

У него стоял все тот же проигрыватель *Technics МК2*, зато колонки я увидел впервые — огромные параллелепипеды, отделанные ореховым шпоном, метр с лишним в высоту.

— Это *Klipschorn*, — пояснил Эмерик, — первые и, возможно, лучшие колонки, выпущенные Клипшем; мой дед, обожавший оперу, купил их в 1949-м. После его смерти отец отдал их мне, он музыкой никогда не интересовался.

Создавалось впечатление, что и теперь всем этим оборудованием редко пользовались, на крышке проигрывателя лежал тонкий слой пыли.

— Да, правда, — подтвердил Эмерик, поймав, видимо, мой взгляд, — мне сейчас в общем-то не до музыки. Знаешь, у меня с самого начала не задалось, я до сих пор так и не вышел в ноль, поэтому вечерами я сижу, что-то прикидываю, пересчитываю, но раз уж ты приехал, давай что-нибудь поставим, пока что подлей себе вина.

Порывшись пару минут на полках, он вытащил *Ummagumma*.

— Хотя нам по теме была бы их обложка с коровой... — сказал он, поставив иголку на начало *Grantchester Meadows*. Это было невероятно; я никогда не слышал и даже не подозревал о существовании звука такого качества, все птичьи трели и мельчайшие всплески воды в реке слышны были с потрясающей четкостью.

— Сесиль скоро вернется, — продолжал он, — у нее встреча в банке, как раз по поводу отеля.

— По-моему, ты не особенно веришь в этот проект.

— Не знаю, а что, тебе тут в округе много туристов попало?

— Практически ни единого.

— Вот именно... Заметь, я абсолютно согласен с ней в одном: надо что-то делать. Нельзя ежегодно терять такие деньги. Мы сводим концы с концами только благодаря сдаче в аренду, а главное, продаже земель.

— У тебя много земли?

— Несколько тысяч гектаров; нам принадлежала практически вся территория между Карнтаном и Картере. Ну, “нам” это я хватил, все это по-прежнему является собственностью отца, но с тех пор, как я занялся фермерством, он решил оставить мне доходы от аренды земель, тем не менее мне то и дело приходится продавать какой-нибудь участок. А хуже всего, что я продаю их не местным фермерам, а иностранным инвесторам.

— Из каких стран?

— В основном это бельгийцы и голландцы, а теперь все чаще появляются китайцы. В прошлом году я продал пятьдесят гектаров какому-то китайскому концерну, дай им волю, они купили бы в десять раз больше и по двойной цене. Местным фермерам за ними не угнаться, им и так сложно выплачивать кредиты и справляться с арендой, некоторые просто сдаются и прикрывают лавочку; не могу ж я на них давить, когда они в беде, я слишком хорошо их понимаю, я сам оказался в таком же положении, отцу было легче, он долго жил в Париже, до того как переселиться в Байё, он-то был настоящим господином. А, да, я, конечно, сомневаюсь в этом гостиничном проекте, но кто знает, вдруг это выход.

По дороге сюда я раздумывал, надо ли говорить Эмерику, какую именно должность я занимаю в РДСЛ. Я с трудом представлял себе, как сообщу ему, что имею непосредственное отношение к проекту по продвижению экспорта нормандских сыров, что следовало бы скорее назвать моим провалом в деле продвижения экспорта нормандских сыров. Поэтому я сделал упор на свои административные задачи, связанные с переводом французских АОС

в европейский АОР¹; кстати, я не покривил душой — все эти юридические заморочки, приводившие меня в бешенство, действительно отнимали все больше времени, надо было бесконечно “следовать правилам” — каким именно, я так и не понял, вообще нет ни одной области человеческой деятельности, от которой веяло бы такой тоской, как от юриспруденции. Тем не менее я порой добивался успеха в этой новой для меня сфере: например, именно по моей рекомендации, изложенной в аналитической записке, несколько лет спустя, когда ливаро включили в категорию АОР, было принято решение, что этот сыр должен в обязательном порядке производиться из молока нормандских коров. Вот и сейчас я занимался процедурным конфликтом, который уже почти разрешился в нашу пользу, с группой *Lactalis* и кооперативом “Изиньи-Сент-Мер”, желавшими отказаться от обязанности использовать сырое молоко при производстве камамбера.

Мое повествование было в самом разгаре, когда появилась Сесиль, симпатичная брюнетка, стройная и элегантная, правда, лицо у нее было напряженным, даже страдальческим, видимо, день выдался нелегким. Тем не менее она проявила любезность в разговоре со мной, заставила себя приготовить ужин, хотя чувствовалось, что она еле стоит на ногах и, не будь меня, сразу легла бы, приняв обезболивающее. Очень хорошо, сказала она, что я навестил Эмерика, а то они совсем за-

1 АОС (от *франц.* Appellation d'origine contrôlée) — наименование, контролируемое по месту происхождения, маркировка знаменитых вин и других продуктов во Франции; АОР (от *франц.* Appellation d'origine protégée) — наименование, защищенное по месту происхождения, маркировка по европейским стандартам.

работались и одичали, практически заживо себя похоронили, притом что им нет еще и тридцати. По правде говоря, я находился в той же ситуации, разве что работа у меня была не бей лежачего, да, в сущности, все вообще находилось в той же ситуации, студенческие годы — это единственный счастливый период жизни, когда кажется, что все дороги открыты, что нет ничего невозможного, а потом взрослая жизнь и работа оборачиваются медленно, но верно засасывающим тебя болотом; наверняка именно по этой причине юношеская дружба, возникшая в студенческие годы — и, откровенно говоря, единственная настоящая дружба, — не выдерживает испытания взрослой жизнью, мы пытаемся избегать встреч с друзьями юности, не желая сталкиваться со свидетелями своих обманутых надежд и лишний раз убеждаться в собственном крахе.

Посещение Эмерика оказалось ошибкой, но не смертельной, оба дня, что я провел у него, нам удавалось сохранить хорошую мину при плохой игре, после ужина он поставил пластинку с записью концерта Джими Хендрикса на острове Уайт, это был не самый удачный его концерт, зато последний, состоявшийся менее чем за две недели до его смерти, я чувствовал, что ностальгия Эмерика по юности слегка раздражает Сесиль, она, разумеется, в те времена далека была от гранжа, мне она скорее виделась типичной католичкой из Версаля, типичной, но все же умеренной, отдававшей дань скорее традиции, чем интегризму, Эмерик женился на девушке своего круга, обычное дело, и, в принципе, это дает неплохие результаты, ну, так считается, в моем случае проблема заключалась в том, что у меня не было своего круга, во всяком случае строго очерченного.

На следующее утро, встав около девяти, я застал его за обильным завтраком, состоящим из глазуньи с жареной кровяной колбасой и беконом, все это он запивал сначала кофе, потом кальвадосом. Он уже давно на ногах, ему приходится вставать в пять утра, чтобы подоить коров, объяснил Эмерик, доильную установку он не стал приобретать, на его взгляд, овчинка не стоит выделки, большая часть фермеров, которые в нее вложились, вскоре разорились; кроме всего прочего, коровы любят, когда их доят вручную, ну, это его личное мнение, конечно, но все же так оно человеческое. Он предложил мне пойти поведать стадо.

Новый с иголочки металлический ангар, который я заметил накануне, когда приехал, оказался четырехрядным коровником, почти все стойла были заняты, и — тут же констатировал я — исключительно коровами нормандской породы.

— Да, это сознательное решение, — сказал Эмерик, — молока они дают немного меньше, чем коровы голштино-фризской породы, но зато оно гораздо вкуснее, мне кажется. Поэтому меня так заинтересовало то, что ты говорил вчера про *АОР* ливаро, хотя сейчас я продаю молоко в первую очередь производителям пон-левека.

В глубине коровника за фанерными перегородками он оборудовал себе крохотный рабочий кабинет с компьютером, принтером и металлической картотекой.

— У тебя компьютер управляет раздачей кормов? — спросил я.

— Ну, в принципе, с компьютера можно заполнять кормушки кукурузным силосом; можно запрограммировать и добавку витаминных комплексов, так как

баки соединены между собой. В общем, это все игрушки, на самом деле компьютером я пользуюсь в основном для бухгалтерского учета.

От одного только упоминания бухучета он померчал. Мы вышли на воздух, безоблачное небо было ярко-синего цвета.

— До РДСЛ я работал в “Монсанто”, — признался я, — но вряд ли ты используешь генно-модифицированную кукурузу.

— Нет, я всегда четко слеую экологической регламентации, к тому же пытаюсь ограничить использование кукурузы, вообще-то нормальная корова ест траву. Словом, стараюсь действовать по правилам, сам видишь, промышленным животноводством тут и не пахнет, у коров полно места, и они выходят на воздух практически каждый день, даже зимой. Но чем строже я соблюдаю правила, тем труднее мне приходится.

Что я мог на это ответить? Вообще-то много чего, я с легкостью бы выдержал трехчасовые дебаты на эту тему на любом новостном канале. Но вот Эмерику, лично Эмерику, в его ситуации я ничем не мог помочь, он не хуже меня знал, что к чему. Утренний воздух был настолько прозрачен, что вдалеке виднелся океан.

— Мне предлагали после стажировки работать в “Даноне”... — сказал он задумчиво.

Остаток дня я посвятил изучению замка и часовни, где, видимо, некогда молились сеньоры Аркура, но больше всего меня поразил обеденный зал гигантских размеров, его стены были увешены портретами предков, и я мгновенно вообразил, глядя на камин шириной метров семь, как в нем поджа-

ривали целых кабанов и оленей во время бесконечных средневековых трапез, так что идея шарм-отеля показалось мне уже не такой бредовой, но я не осмелился поделиться своими соображениями с Эмериком, хотя мне представлялось сомнительным, что ситуация животноводов в ближайшее время сильно улучшится, до меня дошли слухи, что Брюссель рассматривает вопрос об отмене молочных квот. Это решение, которому суждено будет обречь тысячи французских фермеров на нищету, доведя их до банкротства, окончательно приняли только в 2015 году, когда президентом был Франсуа Олланд, но уже в 2002-м, когда на основе Афинского договора к Европейскому союзу присоединились десять новых стран и Франция оказалась в меньшинстве, принятие его стало практически неизбежным. Мне становилось все труднее общаться с Эмериком, ведь хотя все мои симпатии были на стороне фермеров и я готов был защищать их при любых обстоятельствах, я не мог не признать себе, что стою на позициях французского государства, так что я очутился фактически в другом лагере.

Я уехал на следующий день после обеда, под сияющим воскресным солнцем, с которым никак не вязалась моя растущая печаль. Сейчас мне странно вспоминать ту печаль, учитывая, что я не спеша катил по пустынным дорогам департамента Манш. Мы всегда надеемся на какие-нибудь предчувствия или особые знаки, но, как правило, ничего такого не случается, так и в этот безжизненный солнечный день ничто не предвещало, что уже на следующее утро я познакомлюсь с Камиллой и этот понедельник положит начало лучшим годам моей жизни.

Но прежде чем перейти к моей встрече с Камиллой, вернемся к другому ноябрю, гораздо более тоскливому, почти двадцать лет спустя, когда мои *жизненные шансы* (или, как говорится, *прогноз дожития*) уже были во многом определены. К концу месяца первые рождественские украшения запестрели в торговом центре “Итали-П”, и я начал подумывать, не уехать ли мне из “Меркюра” на праздничную неделю. Никакой особой причины уезжать у меня не было, никакой другой, кроме стыда, что, в принципе, уже само по себе является уважительной причиной, ведь расписаться в полном своем одиночестве не так просто даже в наши дни, и я принялся размышлять, куда податься, вот, например, монастырь, что может быть естественнее, в дни празднования Рождества Христова многие испытывают потребность в духовном обновлении — во всяком случае, что-то в этом роде я прочел в специальном выпуске “Пелерен магазин”, — в этой ситуации одиночество не только в порядке вещей, оно даже рекомендуется, да, я посчитал это наилучшим выходом из положения, теперь надо побыстрее навести справки о пригодных для этой цели монастырях, время поджимает и практически уже не терпит, понял я, покопавшись в интернете (собственно, почитав “Пелерен магазин”, я был к этому готов), все монастыри, на сайты которых я заходил, были битком набиты.

Впрочем, у меня нашлись дела и посрочнее — мне надо было немедля раздобыть новый рецепт на капторикс, целебное действие этого препарата уже не вызывало сомнений, благодаря капториксу моя общественная жизнь протекала теперь без сучка без задоринки, каждое утро я производил минимальные, но вполне достаточные гигиенические процедуры, тепло и непринужденно приветствовал официантов в кафе “О’Жюль”, однако у меня не возникало ни малейшего желания посещать психиатра, и не только карикатурное подобие психиатра с улицы Сенк-Дьяман, а вообще психиатра, в широком смысле слова, мне *блевать* хотелось вообще от всех психиатров; и вот тут я вспомнил про доктора Азота.

Кабинет этого терапевта с причудливым именем находился на улице Атен, в двух шагах от вокзала Сен-Лазар; в те времена, когда я каждую неделю мотался из Кана в Париж и обратно, я как-то зашел к нему проконсультироваться по поводу бронхита. В моих воспоминаниях это был человек лет сорока, с порядочной лысиной, оставшиеся волосы у него были седые, длинные и довольно сальные, в общем, он напоминал скорее басиста хард-рок-группы, чем врача. Я также вспомнил, что в самый разгар приема он закурил “Кэмел” — “Извините, это дурная привычка, я сам решительно не советую...”, а главное, я помню, что он без всяких выкрутасов выписал мне сироп от кашля с кодеином, который уже тогда был под подозрением у его коллег.

Он постарел на двадцать лет, зато лысина его не увеличилась (но, само собой, и не уменьшилась), волосы были по-прежнему длинные, седые и сальные.

— Ага, капторикс — стоящая вещь, у меня о нем хорошие отзывы, — сдержанно заметил он. — Вам на полгода?

— А что вы делаете на праздники? — спросил он чуть позже. — Праздники вообще опасное время, а уж для людей, страдающих депрессией, это вообще может закончиться трагически, у меня было полно пациентов, которые вроде бы вошли в норму, и бац, тридцать первого декабря ребята пускают себе пулю в лоб, причем именно вечером тридцать первого; если им удастся пережить полночь, их отпускает. Вы только представьте, по ним уже и так Рождество шандарахнуло, потом они целую неделю раздумывали о своей дерьмовой жизни, может, даже строили планы, как сбежать тридцать первого числа, но планы рухнули, и вот уже оно, тридцать первое, тут как тут, и мочи нет, и вот они подходят к окну и выкидываются; или стреляются, кто как. Ну, это я к слову, моя работа, по идее, в том и состоит, чтобы не дать людям умереть, ну хотя бы в течение некоторого времени, сколько получится.

Я поделился с ним своей затеей с монастырем.

— Ага, круто, — одобрил он, — кто-то из моих пациентов пошел по этому пути, но, по-моему, вы поздно спохватились. Как вариант — есть еще шлюхи в Таиланде, в Азии само понятие Рождества мгновенно выветривается из головы, новогоднюю ночь можете спустить на тормозах, тамошние девочки вам помогут, билеты, думаю, еще есть, монастыри пользуются гораздо большим спросом; кстати, о Таиланде у меня тоже много хороших отзывов, в отдельных случаях это возымело почти целебный эффект, некоторые мои пациенты обрели там буквально второе дыхание, свято уверовав в свою мужскую силу, ну, такие лохи ведутся

на раз, увы, это, судя по всему, не ваш случай. Кроме того, вам, боюсь, подгадит капторикс, из-за капторикса у вас еще не факт, что встанет, этого я не могу обещать, даже на шестнадцатилетних шлюшек, увы, тут я не даю никаких гарантий, в этом смысле капторикс — засада, однако я бы не советовал вам резко с ним завязывать, все равно не поможет, не забывайте про двухнедельный переходный период, ну, если что, знайте, что виноват капторикс, в худшем случае будете загорать и обжираться карри с креветками.

Я обещал обдумать его предложение, которое и впрямь заслуживало внимания, хотя вряд ли годилось для меня, дело в том, что я не просто потерял всякую способность к эрекции, у меня и желание напроць пропало, так что теперь сама идея отправиться на блядки казалась мне нелепой и утопической, две тайские шлюхи шестнадцати лет моему горю не помогут, понятное дело, как ни крути, Азот прав, это вариант для английских лохов из народа, которые всегда готовы принять на веру любое проявление любви или даже просто признаки сексуального возбуждения у женщины, и, как ни парадоксально, они выходят обновленными из их рук, рта и пизды, их буквально не узнать, просто западные женщины их сломали, англосаксонки в этом особенно преуспели, так что они правда преображаются, но увы, не с моим счастьем, женщин мне не в чем упрекнуть, все равно я уже не при делах, у меня больше никогда не встанет, секс вообще исчез с моего ментального горизонта, в чем, как ни странно, я не рискнул признаться Азоту, ограничившись упоминанием “эректильных нарушений”, но все же он прекрасный врач, и, выходя от него, я почувствовал, что ко мне возвращается вера

в человечество, медицину и мир, и, чуть ли не пружиня шаг, свернул на улицу Амстердам, но, дойдя до вокзала Сен-Лазар, допустил ошибку, впрочем, как знать, было ли это ошибкой, я пойму это только в самом конце, конец, собственно, уже не за горами, но все-таки это еще не совсем, не вполне еще конец.

Мне показалось, что, войдя в зал *потерянных шагов* Сен-Лазара, я стал персонажем автофикшн, этот зал, превратившийся в банальный коммерческий центр, заставленный магазинчиками с модным ширпотребом, тем не менее оправдывал свое название, мои шаги и в самом деле потерялись, да и слова тоже, я бродил между непонятными вывесками, честно говоря, термин “автофикшн” вызывал у меня весьма смутные ассоциации, я запомнил его, читая роман Кристин Анго (точнее, первые пять страниц), но все же, подходя к перрону, я подумал, что это слово очень метко описывает мою ситуацию, и вообще оно было придумано специально для меня, мое существование стало просто невыносимым, ни одно человеческое существо не в состоянии выжить в таком беспросветном одиночестве, поэтому, видимо, я и пытался создать какую-то альтернативную реальность, вернуться к изначальной временной развилке, в каком-то смысле получить еще немного очков, дополнительных жизней, возможно, они прятались тут все эти годы, поджидая меня между платформами, дополнительные жизни, невидимые под слоем пыли и смазочных материалов, и тут мое сердце бешено заколотилось, как у какой-нибудь землеройки, замеченной хищником, чистая прелесть эти землеройки, я как раз подошел к платформе 22, и вот тут, именно тут, в нескольких метрах отсюда,

у первого вагона на платформе 22, каждую пятницу вечером в течение почти целого года, меня встречала Камилла, когда я возвращался из Кана. Заметив, как я тащу свою “ручную кладь” на жалких колесиках, она бежала ко мне, бежала вдоль платформы, бежала изо всех сил, насколько ей хватало дыхания, и мы наконец воссоединялись, и никакой мысли о разлуке не возникало, вообще не возникало, и странно было бы даже упоминать о ней.

Я был счастлив, я в курсе, что такое счастье, и могу рассуждать о нем со знанием дела, но также мне известен и его финал, то, к чему оно обычно приводит. “Нет в мире одного — и мир весь опустел”¹, как писал поэт, хотя “опустел” — это еще слабо сказано, от этого глагола веет идиотским восемнадцатым веком, которому еще чужда пока здоровая ярость зарождающегося романтизма, на самом деле — нет в мире одного — и все мертво, мир мертв, и ты умер сам либо превратился в керамическую фигурку, и все вокруг превратились в керамические фигурки, кстати, керамика — идеальный электрический и тепловой изолятор, благодаря ему вас уже ничто не прошибет, за исключением внутренних мучений, вызванных распадом вашего автономного тела, но я не дошел еще до этой стадии, мое тело пока что держалось молодцом, просто я остался совсем один, один в полном смысле этого слова, и никакой радости от своего одиночества и свободы духа не испытывал, мне нужна была любовь, и любовь во вполне определенной форме, любовь вообще, но главное, мне нужна была писька, писек на этой планете довольно скром-

1 А. де Ламартин. Одиночество. Перевод Ф. Тютчева.

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

ных размеров выше крыши, буквально миллиарды пиксек, как подумаешь, так голова кругом идет, каждый мужчина, полагаю, хоть раз в жизни испытывал это головокружение, с другой стороны, всякой пизде нужен хуй, по крайней мере, так они считают (счастливое заблуждение, на котором зиждется мужское удовольствие, воспроизводство рода человеческого и, может быть, даже социал-демократии), теоретически это вопрос решаемый, но на практике уже нет, вот так гибнет цивилизация, без суматохи, без опасностей и драм, почти бескровно, цивилизация умирает просто от усталости и отвращения к самой себе, да и что мне могла предложить социал-демократия, равным счетом ничего, разве только воспроизводство тоски и призыв к забвению.

Н а какие-то доли секунды мысленно удалившись от платформы номер 22 вокзала Сен-Лазар, я сразу вспомнил, что наша встреча произошла в противоположной точке этого маршрута, но это как раз зависит от поезда, одни идут дальше, до Шербура, у других конечная остановка в Кане, не понимаю, почему я об этом заговорил, ненужные сведения о расписании поездов, отправляющихся с парижского вокзала Сен-Лазар, мелькают пунктиром в моем развинченном мозгу, но, так или иначе, мы встретились на платформе С в Кане, солнечным ноябрьским утром уже семнадцать, а то и все девятнадцать лет тому назад, точно не помню.

Я оказался там по странному стечению обстоятельств, меня почему-то вдруг попросили встретить практикантку ветеринарного отделения (Камилла тогда училась на втором курсе ветеринарной школы в Мезон-Альфор), что само по себе было неожиданно, конечно, к тому моменту моя временная ставка уже считалась у них непозволительной роскошью, но не превращать же выпускника Агро в мальчика на побегушках, так что это поручение явилось косвенным признанием того факта, что моя миссия “сыры Нормандии” начальством уже почти не воспринималась всерьез. Однако не следует переоценивать роль случайности в делах любовных: встретить я Камиллу пару дней спустя в коридо-

рах РДСЛ, произошло бы точно или почти то же самое; но так сложилось, что мы встретились на вокзале Кана, в самом конце платформы С.

Уже за несколько минут до прибытия поезда я ощутил, как обострились все мои чувства, что является примером удивительного предвосхищения; я отметил, что между путями растет не только трава, но и какие-то кустики с желтыми цветами, не помню, как они называются, я узнал об их существовании на спецкурсе “спонтанная растительность городской среды”, который я посещал на втором курсе Агро, затейливые это были занятия, мы собирали образцы растений между камнями церкви Сен-Сюльпис и на обочине парижской окружной дороги... Кроме того, за вокзалом я увидел странные параллелепипеды с коралловыми, охраными и кофейными полосками, прямо какой-то вавилонский футуристический город — на самом деле это был торговый центр “На берегах Орна”, гордость новых городских властей, собравший под своей крышей ведущих игроков современного потребительского рынка, от *Desigual* до *The Kooples*, благодаря этому центру жители Нижней Нормандии тоже шли в ногу со временем.

Спустившись по металлической лесенке, она вышла из вагона и повернулась ко мне, у нее был не чемодан на колесиках, что я констатировал с непонятным удовлетворением, а всего лишь большая холщовая сумка через плечо. Когда она сказала мне, помолчав — в ее молчании не чувствовалось ни малейшего смущения (она смотрела на меня, я смотрел на нее, вот и все), — так вот, когда она мне сказала минут через десять: “Я Камилла”, ее поезд уже уехал в Шербур с остановками в Байё, Карантане и Валони.

Уже на этом этапе очень многое было сказано, решено и, как выразился бы мой отец-нотариус, прошито и скреплено печатью. У нее были мягкие карие глаза, она шла за мной сначала по платформе С, потом по улице Ож, я припарковался метрах в ста от вокзала, и, когда я положил ее сумку в багажник, она невозмутимо села спереди, как будто проделывала это десятки, сотни раз и собиралась повторить еще десятки, сотни и тысячи раз, без всякой задней мысли, мне было с ней спокойно, такого покоя я никогда не испытывал, и прошло не меньше получаса, пока я наконец включил зажигание, я, наверное, по-дурацки покачал головой от счастья, но она не выказала ни малейшего нетерпения и вроде даже не удивилась, что я застыл; погода была прекрасная, небо бирюзового цвета, как ненастоящее.

Проезжая по северной части окружной мимо университетского больничного центра, я сообразил, что мы сейчас въедем в мрачную промышленную зону, состоящую в основном из низких зданий, покрытых профнастилом; ничего враждебного в этой зоне не ощущалось, просто она была до ужаса безликой, я целый год каждое утро оказывался в этом пейзаже, даже не замечая его. Отель Камиллы стоял между заводом по производству зубных протезов и аудиторским агентством. “Я колебался между “Апарт-Сити” и апартаментом “Адажио”, — пробормотал я, — конечно, “Апарт-Сити” находится далеко от центра, зато он в пятнадцати минутах ходьбы от РДСЛ, а если вам захочется выйти вечером, тут рядом остановка трамвая — “Улица Клода Блока”, через десять минут будете в центре, он ходит до полуночи; хотя как посмотреть — вы могли бы ездить на работу на трамвае,

в отеле “Адажио” из вашего окна открывался бы вид на набережные Орна, с другой стороны, в однокомнатных номерах премиум-класса в “Апарт-Сити” есть террасы, я подумал, что это тоже приятно, в общем, если хотите, мы вас переселим, все расходы, разумеется, возьмет на себя РДСЛ...” Она бросила на меня загадочный взгляд, не поддающийся интерпретации, в нем смешалось непонимание и нечто вроде сочувствия; позже она объяснила, что недоумевала, зачем я утруждаю себя столь усердными оправданиями, когда и так ясно, что мы будем жить вместе.

В этом хардкорном пригороде строения РДСЛ смотрелись почему-то старомодными и, честно говоря, сиротливыми и запущенными, и не только на первый взгляд, сказал я Камилле, когда идет дождь, почти во всех офисах протекает крыша, а дождь здесь льет практически все время. Вообще казалось, что это не офисный комплекс, а поселок с частными домами, разбросанными наобум не то чтобы в парке, а скорее на безнадежно заросшем пустыре, да и асфальтовые дорожки между зданиями уже тоже потрескались, уступив напору пробивающейся травы. Сейчас, продолжал я, мы пойдем знакомиться с официальным куратором ее стажировки, начальником ветеринарного отдела, он на самом деле просто старый мудак, смиренно заметил я, ничего личного. Будучи по натуре человеком мелочным и агрессивным, он безжалостно изводил всех сотрудников, которые имели несчастье оказаться под его началом, особенно молодых, к молодежи он питал особое отвращение и счел встречу новой юной практикантки, что, между прочим, входило в его обязанности, чуть ли не личным оскорблением. Мало того что он ненавидел молодежь, он и живот-

ных-то недолюбливал, за исключением лошадей, лошади, рассуждал он, — единственные животные, достойные его внимания, остальных четвероногих он воспринимал как каких-то мутных люмпенов животного мира, в любом случае обреченных на забой в самом ближайшем будущем. Большую часть своей жизни он проработал на государственном конном заводе в Ле-Пене, и хотя назначение в РДСЛ было, разумеется, повышением в должности — и даже венцом его карьеры, — он посчитал, что ему плюнули в душу. С другой стороны, знакомство с директором надо просто перетерпеть, сказал я, он питает настолько острое омерзение к молодым, что на все готов, лишь бы с ними не пересекаться, поэтому вряд ли Камилла увидит его еще хоть раз за три месяца практики.

Когда эта встреча осталась позади (“И в самом деле старый мудака”, — сдержанно подтвердила она), я передоверил ее одной из сотрудниц ветеринарной службы, прелестной молодой женщине лет тридцати, с которой у меня сложились хорошие отношения. В течение недели все было тихо. Я записал номер телефона Камиллы, понимая, что первым должен позвонить я, уж что-что, а это правило осталось прежним в отношениях мужчины и женщины, впрочем, я был старше ее на десять лет, и это тоже следовало принимать в расчет. От того периода моей жизни у меня остались странные воспоминания, я могу сравнить его только с редкими моментами умиротворения и счастья, когда боишься погрузиться в дрему, терпишь до последнего мгновения, зная при этом, что сон будет глубоким, прекрасным и целительным. Вряд ли я ошибаюсь, сравнивая сон с любовью; вряд ли ошибаюсь, сравнивая любовь с чем-то вроде *сновидения*

вдвоем, конечно, с вкраплениями индивидуальных снов и легкой игрой совпадений и переплетений, благодаря чему наше земное бытие становится хотя бы терпимым, — более того, другого способа этого достичь не существует.

В действительности события развивались не вполне так, как я предполагал; вмешался внешний мир, и вмешался достаточно грубо: Камилла позвонила мне в панике ровно через неделю, в полдень, из “Макдоналдса” в промышленной зоне Эльбефа. Проведя все утро на птицефабрике, она еле дождалась обеденного перерыва, чтобы сбежать оттуда, я должен приехать, я срочно должен приехать за ней и спасти ее.

Я в ярости нажал на отбой: что за козел послал ее туда? Я отлично знал эту гигантскую птицеферму на триста тысяч кур, экспортировавшую яйца аж в Канаду и Саудовскую Аравию, но главное, у нее была отвратительная репутация, она считалась одной из худших во Франции, и все комиссии оставляли о ней крайне негативные отзывы: в ангарах, освещенных мощными галогенными лампами на потолке, боролись за жизнь тысячи кур, притиснутые почти вплотную друг к другу — там не было клеток, на ферме применяли систему “напольного содержания”, — ободранные, тощие цыплята с воспаленным эпидермисом, зараженные куриными клещами, весь свой недолгий век — то есть год от силы — проводят среди разлагающихся трупов своих собратьев, ни на секунду не переставая кудахтать от ужаса. Даже на более приличных птицефермах первое, что поражает посетителя, — нескончаемое кудахтанье, вечно панические взгляды кур, обращенные на вас, панические недоумевающие

взгляды, нет, они не просят пощады, да и вряд ли они на такое способны, они не понимают, просто не понимают, почему им приходится жить в таких условиях. Не говоря уже о петушках, бесполезных для яйцекладки, которых заживо бросают охапками в дробилку; все это я знал, я побывал на многих промышленных птицефермах, однако Эльбеф, конечно, особо отличился, но благодаря общечеловеческой подлости, присущей мне, как и всем прочим, я сумел это забыть.

Она бросилась мне навстречу, как только увидела, что я въезжаю на стоянку, прижалась ко мне, надолго застыв в моих объятиях, и никак не могла наплакаться. Неужели люди на такое способны? Как они могут это допустить? Мне нечего было ей на это сказать, кроме малоинтересных банальностей о человеческой натуре.

Уже сидя в машине по дороге в Кан, она начала задавать мне более заковыристые вопросы: как ветеринары и санинспекторы могут такое допустить? Почему, посетив фермы, где животные ежедневно подвергаются пыткам, они не только не закрывают их, но даже готовы с ними всячески сотрудничать, будучи при этом ветеринарами по образованию? Должен сознаться, я уже думал об этом: может, им доплачивали за молчание? Вряд ли. В конце концов, и в нацистских лагерях наверняка работали врачи, дипломированные специалисты. В общем, тут тоже я мог отделаться лишь заурядными и не слишком духоподъемными рассуждениями о человечестве, но предпочел промолчать.

И все же, когда Камилла заявила, что с нее хватит и она подумывает о том, чтобы завязать с ветеринарным образованием, я не мог не вмешаться. Это же свободная профессия, напомнил я; ничто не может вы-

нудить ее работать на птицефабрике и вообще туда ездить, к тому же, добавил я, самое страшное уже позади, такого кошмара, как сегодня, она больше не увидит (во Франции по крайней мере, в других странах курам приходится совсем туго, но я решил не вдаваться.) Зато теперь она в курсе, и хуже уже не будет, да, это ужасно, но хуже не будет. Я опять же сдержался и не уточнил, что со свиньями обращаются не лучше, да что свиньи, даже коровам нет пощады. Сегодня ей и так досталось, мне кажется.

Когда мы подъехали к гостинице, она сказала, что не может вот так просто подняться в номер, ей просто необходимо выпить. Поблизости ничего подходящего для этой цели не наблюдалось, райончик-то совсем *отстойный*, в сущности, выпить можно было только в отеле “Меркюр-Кот-де-Накр”, клиентура которого состояла исключительно из менеджеров среднего звена, работающих с тем или иным предприятием здешнего индустриального парка.

Как ни странно, бар, уставленный диванами и глубокими креслами, обитыми тканью охряного цвета, оказался на удивление приятным, а бармен — услужливым и ненавязчивым. Камилла и правда испытала потрясение, маленькой девочке не пристало посещать птицефабрику, и полностью расслабиться ей удалось только после пятого стакана мартини. Я и сам чувствовал себя совершенно разбитым, разбитым и изможденным, словно вернулся из долгого путешествия, я сомневался даже, что буду в состоянии проделать обратный путь в Клеси, я что-то совсем выбился из сил, честно говоря, но был благодушен и счастлив. Так что мы сняли в отеле “Меркюр-Кот-де-Накр” номер

на одну ночь, именно такой, какой и ожидаешь увидеть в отеле “Меркюр”, в общем, там мы провели свою первую ночь, и, возможно, я не забуду ее до конца своих дней, а картинки нелепой гостиничной обстановки будут неотвязно преследовать меня до гробовой доски, впрочем, они и так уже каждый вечер меня одолевают, и я понимаю, что мне от них не отделаться, напротив, они станут только назойливее, мучительнее, пока смерть не принесет мне наконец избавление.

Я предполагал, конечно, что дом в Клеси понравится Камилле, мне не чуждо все-таки элементарное эстетическое чувство, я имею в виду, что способен был понять, какой красивый дом мне достался; однако я никак не ожидал, что она так быстро в нем освоится и буквально через пару дней у нее возникнут идеи по улучшению интерьеров, для чего ей потребуется закупить разных тканей и переставить мебель, то есть я был далек от мысли, что Камилла сразу поведет себя так по-женски — в дофеминистском значении этого понятия — в свои-то девятнадцать лет. До сих пор я жил там как в гостинице, в хорошей гостинице, в прекрасном шарм-отеле, и только с появлением Камиллы у меня создалось ощущение, что я действительно дома — и только потому, что она сама чувствовала себя здесь дома.

Моя повседневная жизнь претерпела и другие изменения; до сих пор я тупо ездил за покупками в “Супер Ю” в Тюри-Аркур, выйдя из которого можно было тут же заправиться и проверить, если потребуется, давление в шинах, что, конечно, являлось в моих глазах дополнительным преимуществом этого супермаркета; я даже не удосужился осмотреть достопримечательности Клеси, хотя этот городок не лишен известного шарма, заверенного путеводителями всех мастей, столица Нормандской Швейцарии, это вам не хухры-мухры.

Благодаря Камилле все изменилось, мы стали постоянными клиентами лавки “Мясо и колбасы” и булочной-кондитерской на площади Трипо, по соседству с мэрией и турбюро. Следует уточнить, что их постоянным клиентом стала Камилла, я же обычно довольствовался тем, что ждал ее за кружкой пива в брассери “Ле Венсен”, с табачным киоском и конным тотализатором, на площади Шарля де Голля, прямо напротив церкви. Мы даже как-то раз поужинали в местном ресторане “Нормандский уголок”, где в 1971 году музыканты группы *Les Charlots* снимались в “Безумных новобранцах”, что было предметом особой гордости заведения, — да, не все было так безоблачно в семидесятые годы, кроме *Pink Floyd* и *Deer Purple* существовали и другие группы, ничего не поделаешь, но кормили тут вкусно, а выбор сыров был хоть куда.

Для меня это был совершенно непривычный образ жизни, с Клер мне ничего подобного даже в голову бы не пришло, но, как выяснилось, он полон скрытых прелестей, я хочу сказать, что Камилла знала, как надо жить, и раз уж ее занесло в чудный нормандский городок, затерянный среди полей, она тут же сообразила, что из чудного нормандского городка можно выжать. Мужчины в принципе не умеют жить, им не удается быть с жизнью накоротке, они никогда не чувствуют себя в ней вольготно, поэтому последовательно осуществляют какие-то свои проекты, более или менее амбициозные, более или менее грандиозные, кто как, но обычно, потерпев поражение, заключают, что лучше было бы просто наслаждаться жизнью, и тут выясняется, что время упущено.

Я был счастлив, я никогда еще не был так счастлив и уже не буду; но при этом я ни на мгновение не забывал, сколь эфемерно это счастье. Камилла приехала в РДСЛ на стажировку и в конце января неминуемо вернется в свой институт в Мезон-Альфоре под Парижем. Неминуемо? Я мог бы предложить ей бросить учебу и стать домохозяйкой, в смысле стать моей женой, и когда теперь, по прошествии времени, я вспоминаю об этом (а вспоминаю я об этом практически постоянно), мне кажется, что она ответила бы мне согласием — особенно побывав на птицефабрике. Но я ей ничего не предложил, да и не мог этого сделать, я не был *отформатирован* для такого предложения, это не входило в мое *программное обеспечение*, и, будучи человеком современным, я, как и все мои сверстники, считал, что карьера женщины, безусловно, заслуживает уважения, это абсолютный критерий, знаменующий победу над варварством и расставание со средневековьем. В то же время я, возможно, не был уж совсем современным человеком, потому что пусть и на несколько секунд, но допустил все-таки возможность уклониться от этого императива; и в очередной раз ничего не предпринял, ничего не сказал, пустив все на самотек, хотя в глубине души опасался возвращения в Париж; как и все города, Париж словно создан порождать одиночество, а мы слишком мало прожили вместе, в этом доме, мужчина и женщина, вдвоем, наедине, на несколько месяцев мы заменили друг другу весь остальной мир, только вот удастся ли нам сохранить это чувство? Не знаю, я состарился, память меня подводит, но мне кажется, я тогда испугался, прекрасно понимая уже в то время, что общество — это устройство для уничтожения любви.

От нашей жизни в Клеси у меня осталось всего две фотографии, полагаю, нам слишком многое надо было успеть прожить, чтобы тратить время на селфи, ну и кроме того, в те годы это еще не вошло в привычку, социальные сети находились в зачаточном состоянии, если вообще существовали; да, реальная жизнь тогда была куда насыщеннее. Оба снимка были сделаны, мне кажется, в один и тот же день, в лесу неподалеку от Клеси; я не устаю поражаться: дело было, по-моему, в ноябре, но все на этой фотографии — и свежий яркий свет, и глянец листвы — наводит скорее на мысли о ранней весне. На Камилле короткая джинсовая юбка и джинсовая куртка. Под курткой белая рубашка с узором из ягод, завязанная на талии. На первой фотографии ее лицо освещает радостная улыбка, она буквально светится от счастья, и сегодня мне даже дико подумать, что источником ее счастья был я. Вторая фотография порнографическая, это единственный ее порноснимок, который я сохранил. Ее ярко-розовая сумочка валяется рядом в траве. Она стоит передо мной на коленях, взяв мой член в рот, ее губы сомкнуты на середине головки. Закрыв глаза, она так сосредоточилась на фелляции, что ее черты разгладились и лицо совершенно ничего не выражает, больше никогда уже мне не доведется увидеть столь безупречный образ полного самоотречения.

Я жил с Камиллой уже два месяца, а в Клеси чуть больше года, когда умер владелец дома. В день его похорон шел дождь, в январе в Нормандии это в порядке вещей, но проститься пришла почти вся деревня, сплошь одни старики, — он свое пожил, услышал я, следуя за траурным кортежем, грех жаловаться,

священник, насколько я помню, приехал из Фалеза, это в тридцати километрах от Клеси, а учитывая дезертификацию, дехристианизацию и всякие прочие “де”, у бедного кюре работы было по горло, он беспрестанно мотался туда-сюда, но эти похороны особой сложности не представляли, простой смертный, почивший в бозе, регулярно причащался, его верность церкви была безупречной, истинный христианин отдал Богу душу, так что он мог уверенно сказать, что покойный по праву займет свое место подле Господа. Разумеется, присутствующим здесь двоим его детям позволено плакать, ибо слезный дар, полученный человеком от Бога, ему необходим, но негоже предаваться страхам, ведь скоро все они встретятся в лучшем мире, избавленном от смерти, страданий и слез.

Означенных детей мы узнали сразу, они были лет на тридцать моложе всех остальных обитателей Клеси, и я почувствовал, что его дочери хочется поговорить со мной, но она никак не может решиться, я подождал, пока она сама подойдет ко мне под холодным нудным дождем, когда могилу медленно забрасывали землей, но ей удалось собраться с духом только в кафе, куда все пришли после траурной церемонии. Значит, так, ей, конечно, очень неловко, но мне придется переехать, дело в том, что отец продал дом по договору пожизненной ренты и голландские покупатели хотели бы поскорее вступить во владение, по идее, он и сдавать-то его не мог, это возможно только в случае, если помещение уже занято и продавец сохранил за собой право пользования, и тут я понял, что они в полной жопе в плане финансов, сдача в аренду жилья, проданного с пожизненной рентой, практикуется крайне редко — в связи с тем, прежде всего, что

с жильцами, бывает, хлопот не оберешься, если они не съезжают. Я попытался сразу ее успокоить: со мной хлопот не будет, у меня все в порядке, я на зарплате, но неужели у них настолько все плачевно? Увы, да, именно что плачевно, ее муж недавно потерял работу в *Graindorge*, для этого предприятия настали трудные времена, а вот это уже было прямое попадание и непосредственно касалось моей работы, вернее, моей постыдной некомпетентности. Компания *Graindorge*, основанная в 1910 году в Ливаро, после Второй мировой войны занялась также камамбером и пон-ле-веком и пребывала когда-то в зените славы (будучи бесспорным лидером по производству ливаро, она занимала вторые строчки в рейтингах производителей двух других сыров нормандской триады), но в начале нового столетия вошла в кризисную спираль, закручивавшуюся все туже, вплоть до момента, когда в 2016 году *Graindorge* была выкуплена компанией *Lactalis*, мировым лидером молочной индустрии.

Я был более чем в курсе ситуации, но дочери своего домовладельца ничего не сказал, бывают в жизни минуты, когда лучше заткнуться, да и вообще гордиться тут нечем, мне не удалось помочь предприятию ее мужа и тем самым сохранить его рабочее место, но я заверил ее, что ей в любом случае нечего опасаться, я освобожу дом в кратчайшие сроки.

Я проникся искренней симпатией к ее отцу, и он, я это чувствовал, тоже хорошо ко мне относился, время от времени заходил ко мне с бутылкой, старики любят выпить, что им еще остается. С его дочерью мы сразу понравились друг другу, она обожала отца, это было видно, ее дочерняя любовь казалась непритворной, всеобъемлющей и безоговорочной. Однако нам

не суждено было увидаться вновь, и мы расстались, понимая, что никогда больше не увидимся, обо всем позаботится агентство недвижимости. Такие ситуации постоянно случаются в жизни человека.

Откровенно говоря, я не испытывал ни малейшего желания жить в одиночестве в доме, где мы жили с Камиллой, как и ни малейшего желания жить где-то еще, но ничего не поделаешь, надо было пошевеливаться, ее стажировка действительно подходила концу, нам оставалось от силы несколько недель, а вскоре счет пойдет на дни. И разумеется, по этой причине, в основном и практически исключительно по этой причине, я решил вернуться в Париж, и уж не знаю, какая такая мужская стыдливость, откуда ни возмись, заставила меня в разговорах с окружающими и даже с ней самой обосновывать свой переезд другими соображениями, к счастью, она не вполне попала на удочку и, слушая мой рассказ о профессиональных амбициях, бросила на меня нерешительный, огорченный взгляд, и ведь на самом деле, жаль, что мне не достало мужества просто сказать ей: “Я хочу вернуться в Париж, потому что люблю тебя и хочу жить с тобой”, она, наверное, подумала, что у мужчин есть свой потолок, я был ее первым мужчиной, но мне кажется, ей не составило труда догадаться о мужском потолке.

В принципе, моя речь о профессиональных амбициях не была стопроцентной ложью, работая в РДСЛ, я осознал, насколько узки рамки моих возможностей, настоящая власть была у Брюсселя или, по крайней мере, в органах центральной администрации, состоящих на прямой связи с Брюсселем, туда-то мне и надлежало бы отправиться, чтобы мой голос услышали. Вот

только на этом уровне вакансии появлялись редко, гораздо реже, чем в какой-нибудь РДСЛ, и мне понадобился почти год, чтобы добиться своего, но в течение этого года я так и не удосужился поискать другую квартиру в Кане, весьма посредственный апартамент-отель “Адажио” на четыре ночи в неделю меня устраивал, собственно, там я и уничтожил свой первый детектор дыма.

Почти каждую неделю, в пятницу вечером, в РДСЛ устраивались корпоративные вечеринки, отлынивать от них было никак нельзя, и мне так, по-моему, никогда и не удалось сесть на поезд в 17.53. Поезд, отправлявшийся в 18.53, прибывал на вокзал Сен-Лазар в 20.46, я уже говорил, что знаю, что такое счастье и из чего оно состоит, и очень хорошо понимаю, о чем речь. У всех влюбленных есть какие-то свои ритуалы, ритуалы пустячные, в чем-то комические, о которых они никому не рассказывают. Мы, в частности, начинали выходные пятничным ужином в брассери “Моллар”, прямо напротив вокзала. Я, если меня не подводит память, неизменно заказывал морских улиток под майонезом и омара “Термидор”, и всякий раз это оказывалось очень вкусно, так что я не испытывал никакой потребности пробовать там другие блюда, у меня даже желания такого не возникало.

В Париже, сняв на улице Дез-Эколь милую двухкомнатную квартирку, выходящую во двор, я поселился менее чем в пятидесяти метрах от дома, где жил в студенческие годы. При этом я не могу сказать, что наша жизнь с Камиллой напоминала мне студенческие годы; все преобразилось, во-первых, я уже не был студентом, а главное, Камилла сильно от меня отличалась, она оказалась начисто лишена той легкомысленности и пофигизма, которые были присущи мне,

когда я учился в Агро. Общеизвестно, что девушки серьезнее относятся к учебе, это банальное, но, судя по всему, верное утверждение, впрочем, не о том речь, я был всего на десять лет старше Камиллы, но что-то ощутимо изменилось, ее поколение вращалось совсем в другой атмосфере, это касалось всех ее приятелей, где бы они ни учились: они были вдумчивы, трудолюбивы и придавали огромное значение успехам в учебе, словно догадывались, что во взрослом мире, недоброжелательном и сложном, с ними цацкаться никто не будет. Когда им необходимо было расслабиться, они надирались всем скопом, но даже их пьянки ничего не имели общего с нашими: они пили беспробудно, поглощая со страшной скоростью огромные дозы алкоголя, словно для того, чтобы как можно скорее отключиться, так, должно быть, напивались шахтеры во времена “Жерминаля” — это сходство усиливалось еще и оттого, что в моду снова вошел абсент запредельной крепости, а им действительно можно было нажраться в рекордные сроки.

В отношениях со мной Камилла проявила ту же серьезность, что и в учебе. Я вовсе не имею в виду, что она была со мной чопорна или строга, напротив, она веселилась от души, хохотала по пустякам и порой вела себя совсем по-детски, например накидываясь вдруг на батончики “Киндер Буэно”, ну и так далее. Но мы все-таки жили вместе, у нас были серьезные отношения, самые серьезные в ее жизни, и у меня от волнения буквально перехватывало дыхание всякий раз, когда по ее взгляду, обращенному на меня, я угадывал всю серьезность и глубину ее чувства — на такую серьезность и глубину в девятнадцать лет я был не способен. Возможно, это было вообще харак-

терной чертой молодых людей ее поколения — я знал, что, по мнению друзей и знакомых Камиллы, она “вытащила счастливый билет”, определенная стабильность и буржуазность наших отношений отвечали каким-то ее сокровенным потребностям — и пятничные ужины в старомодной брассери начала прошлого века, а не в каком-нибудь тапас-баре на Оберкампе, кажутся мне весьма симптоматичными для мира грез, в котором мы пытались жить. Внешний же мир был жесток и беспощаден к слабым, почти никогда не сдерживал своих обещаний, и, видимо, только в любовь еще и можно было верить, больше ничего не осталось.

“Зачем к видениям минувшим мне стремиться? — вопрошал поэт. — Хочу я грезить, но без слез”¹, — добавлял он, как будто нас кто-то спрашивает, мне же достаточно будет сказать, что наша история продлилась чуть больше пяти лет, пять лет счастья — это немало, я столько и не заслужил, но закончилась она чудовищно глупо, такое вообще не должно случаться, и тем не менее случается, и случается каждый день. Господь Бог — посредственный сценарист, к такому выводу я пришел на пороге пятидесятилетия, да вообще Бог — это посредственность, все его творение несет на себе отпечаток приблизительности и недоработки, а то и самой обычной, незамутненной злобы, но, разумеется, бывают и исключения, перспектива счастья не могла не существовать *хотя бы в качестве приманки*, ну ладно, что-то меня заносит, не будем отклоняться от темы, а моя тема — это я, не поручусь, что это самая увлекательная тема на свете, но уж какая есть.

За эти годы я не раз испытывал профессиональное удовлетворение, и порой даже — как правило, во время моих командировок в Брюссель — у меня возникала иллюзия, что я очень важный человек. Уж наверняка поважнее, чем когда я сочинял реклам-

¹ А. де Ламартин. Первое сожаление. Перевод И. Кузнецовой.

ные кричалки во славу ливаро, теперь я все-таки играл определенную роль в выработке позиции Франции по вопросу ее участия в общеевропейских расходах на поддержку сельского хозяйства, и хотя этот бюджет, как я вскоре убедился, являлся самым крупным в Европе, а Франция — самым крупным бенефициаром этой поддержки, число занятых в агроиндустрии оказалось просто слишком велико, чтобы побороть тенденцию к спаду; я постепенно пришел к заключению, что французские фермеры просто обречены, и потерял интерес к этой должности, как и ко всем прочим, я понял, что мир не входит в список вещей, которые я в состоянии изменить, есть люди более амбициозные, умные и целеустремленные, чем я.

Во время очередной поездки в Брюссель мне пришла в голову пагубная идея переспать с Тэм. Хотя, полагаю, идея с ней переспать пришла бы в голову кому угодно, эта негритяночка была очаровательна, особенно ее попа, у нее была чудная негритянская попа, и этим все сказано, собственно, она и вдохновила меня на подвиги, дело было в четверг вечером, мы, то есть компания относительно молодых еврократов, пили пиво в “Гран Сентраль”, возможно, я чем-то ее рассмешил — в то время я еще был на это способен, — в общем, когда мы вышли, собираясь продолжить пьянку в ночном клубе на площади Люксембур, я положил ей руку на задницу — как правило, столь грубые методы не дают результатов, но на сей раз это сработало.

Тэм являлась членом английской делегации (Англия в то время еще входила в состав Европейского союза или, по крайней мере, делала вид), но родом была с Ямайки, я думаю, или, может быть, с Барбадоса,

короче, с одного из островов, которые, судя по всему, способны в неограниченном количестве производить дурь, ром и хороших негритянок с чудными попами, то есть все то, что помогает выжить, не превращая жизнь в судьбу. Добавлю, что сосала она “по-королевски”, как странным образом выражаются в определенных кругах, и уж наверняка лучше, чем королева английская, да, я не отрицаю, что провел приятную ночь, даже очень приятную, но не разумнее ли было этим ограничиться, вот в чем вопрос.

А я не ограничился, встретившись с ней, когда она приехала в Париж, она время от времени появлялась в Париже — понятия не имею зачем, явно не ради шопинга, это парижанки ездят прибарахлиться в Лондон, уж никак не наоборот, ну, у туристов, наверное, есть какие-то свои резоны, — короче, я заглянул к Тэм в отель возле бульвара Сен-Жермен, и, выйдя чуть позже на улицу де Бюси с ней под руку — вероятно, с идиотской ухмылкой мужика, который только что кончил, — я столкнулся нос к носу с Камиллой, что она забыла в этом квартале, мне тоже неизвестно, я ведь уже сказал, что все закончилось ужасно глупо. Она посмотрела на меня, и в ее взгляде я не прочел ничего кроме страха, даже ужаса; потом она развернулась и убежала, буквально обратилась в бегство. Мне понадобилось несколько минут, чтобы отделаться от своей спутницы, но я уверен, что зашел в квартиру минут через пять после Камиллы, самое большее. Она ни в чем меня не упрекнула, никак не выказала своего гнева, она просто заплакала, и это было куда страшнее. Она тихонько плакала несколько часов подряд, по ее лицу текли слезы, но она и не думала их утирать; это, несомненно, был худший момент моей жизни. Я ворочал

мозгами медленно, как в тумане, сочиняя формулировку типа “не разрушать же теперь все из-за простого перепиха...” или “ничего личного, я просто перебрал...” (первое утверждение было правдой, второе, само собой, враньем), но ни одной адекватной фразы, приличествующей случаю, так и не придумал. Наутро она продолжала плакать, собирая вещи, а я все ломал голову над подходящей формулировкой, честно говоря, я провел следующие два-три года в поисках подходящей формулировки и, возможно, так и не прекратил искать ее.

Дальнейшая моя жизнь протекала без особых происшествий — не считая Юдзу, о ней я уже говорил, — и вот теперь наконец я остался один, никогда я еще не был так одинок, и хотя хумус, вполне годный для одиноких радостей, от меня никуда не делся, на праздники им не обойтись, тут требуется поднос морепродуктов, а вот для него необходима компания, поднос морепродуктов на одного — это апокалиптический опыт, даже Франсуаза Саган не справилась бы с его описанием, вот уж чистый ужастик.

Оставался Таиланд, но я чувствовал, что не сдюжу, мне рассказывали коллеги о прелестных юных тайках, но все же они не лишены какой-никакой профессиональной гордости и не слишком ценят клиентов, у которых не стоит, они считают, что не справились с задачей, в общем, мне не хотелось осложнений.

В декабре 2001 года, познакомившись с Камиллой, я впервые в жизни столкнулся с вечной и неизбежной драмой рождественских праздников — родители умерли в июне, что, собственно, праздновать? Со сво-

ими родителями Камилла поддерживала близкие отношения и часто обедала у них по воскресеньям, они жили в Баньоль-де-л'Орне, в пятидесяти километрах от нас. Я с самого начала чувствовал, что своим молчанием о родителях я заинтриговал Камиллу, но она сдерживалась и не задавала вопросов, надеясь, что рано или поздно я сам о них заговорю. Что я и сделал в конце концов, за неделю до Рождества, поведав ей историю их самоубийства. Она была потрясена, я сразу это понял, потрясена до глубины души; о некоторых вещах в девятнадцать лет просто не задумываешься, на самом деле вообще не задумываешься, пока жизнь не заставит. Вот тогда она и предложила провести рождественские праздники вместе.

Представление родителям всегда сопряжено с неловкостью и смущением, но по ее глазам я тут же понял, что ее родители никогда не поставят под сомнение выбор дочери, им такое даже в голову не придет; она выбрала меня, значит, я стал членом семьи, вот и все, не надо усложнять.

Для меня так и осталось загадкой, почему Да Силва решили поселиться в Баньоль-де-л'Орне, а также каким образом Жуакину Да Силва — простому строительному рабочему — удалось заполучить в управление главный и фактически единственный магазинчик табачных изделий и прессы в Баньоль-де-л'Орне, расположенный к тому же в живописном месте на берегу озера. Истории людей предыдущего поколения полны такого рода жизненных перевертышей, доказывающих действие почти легендарного механизма, который когда-то назывался “социальным лифтом”. Как бы то ни было, Жуакин Да Силва, став отцом

двух детей, Камиллы и — намного позже — Кевина, жил тут со своей женой, тоже португалкой, никогда не оглядываясь назад и не мечтая о возвращении в родную Португалию. Будучи французом до мозга костей, я ничего не мог сказать по этому поводу, тем не менее беседа наша текла легко и непринужденно, Жуакин Да Силва заинтересовался моей работой, он сам был, как водится, из крестьян, его родители пытались что-то там выращивать в Алентежу, и он, естественно, переживал из-за вопиющего обнищания местных фермеров, более того, он, управляющий табачной лавкой, был порой близок к тому, чтобы считать себя *счастливым*. И правда, хоть он и много работал, но в среднем все-таки меньше, чем фермеры; хоть он и мало зарабатывал, но все-таки больше, чем они. Говорить об экономике все равно что о циклонах и землетрясениях; довольно быстро собеседники перестают понимать, что к чему, у них создается впечатление, что они вызывают к какому-то малопонятному божеству, и тогда они подливают себе шампанского — ну, шампанское, разумеется, в праздничные дни, — у родителей Камиллы я прекрасно питался, и вообще они оказались замечательными людьми, очень тепло меня принимали, впрочем, и мои родители в грязь лицом бы не ударили, я полагаю, это выглядело бы немного побуржуазнее, но без перебора, они умели расположить к себе людей, я много раз убеждался в этом, наблюдая их в деле; накануне нашего отъезда мне приснилось, что Камилла гостит у моих родителей в Санлисе, и я чуть было не рассказал ей об этом спросонья, но вовремя вспомнил, что они умерли, вечно у меня закавыки со смертью, что есть, то есть.

И все-таки мне хочется попробовать, по крайней мере ради исключительно внимательного читателя, ответить, пусть частично, на следующие вопросы: почему мне вдруг вздумалось повидаться с Камиллой? почему мне было так необходимо повидаться с Клер? И даже с той, третьей, анорексичкой, питавшейся семенами льна, — имя ее вылетело у меня из головы, но мой читатель, если он действительно так внимателен, как я думаю, наверняка восполнит этот пробел, — так почему же у меня возникло желание повидаться и с ней?

Большинство умирающих (то есть все, кроме тех, кто подвергается эвтаназии, будь то в паркинге или в специально отведенном для этого месте, главное, побыстрому) организуют некий обряд, посвященный собственной кончине; им хочется повидать напоследок людей, сыгравших значимую роль в их жизни, хочется напоследок с ними поговорить, сколько получится. Им это страшно важно, я не раз видел, как они расстраиваются, если не могут кому-то позволить, им не терпится договориться о встрече, разумеется, их можно понять, у них счет идет на дни, точное число которых им не сообщили, в любом случае всего ничего, раз-два и обчелся. В отделениях паллиативной медицинской помощи (по крайней мере, в тех, где мне пришлось побывать, а таковых в моем возрасте набралось немало) к подобным просьбам относятся профессионально и по-человечески, там работают замечательные люди из малочисленной, но героической когорты “замечательных людей”, благодаря которым общество продолжает функционировать в дерьмовую эпоху всеобщей бесчеловечности.

Аналогичным образом и я мог бы, наверное, попытаться, хоть и с меньшим размахом, скорее для разогрева, устроить какую-нибудь мини-церемонию прощания со своим либидо, или, говоря более предметно, со своим членом, учитывая, что он как раз поставил меня в известность о том, что собирается уйти на покой; вот мне и захотелось снова повидать всех женщин, которые ублажали и любили его, каждая по-своему. Впрочем, обе церемонии, тренировочная и главная, будут в моем случае практически идентичны, мужская дружба занимала мало места в моей жизни, в сущности, кроме Эмерика, у меня и друзей-то не было. Откуда, интересно, берется это стремление подвести итоги, убедить себя у роковой черты, что жизнь прожита не зря; а может быть, напротив, ужасно и странно как раз обратное, ужасно и странно думать обо всех мужчинах, обо всех женщинах, которым нечего сказать, они никакой иной судьбы для себя не видят и готовы раствориться в туманном биотехническом континууме (ибо прах — это понятие техническое, даже когда он предназначен для удобрения, необходимо оценить содержание в нем калия и азота), обо всех тех, в сущности, чья жизнь протекала без всяких внешних инцидентов, о тех, кто расстаётся с жизнью, толком и не задумавшись о ней, — так порой мы покидаем место, где провели не самый удачный отпуск, не представляя, куда лежит дальнейший путь, разве что интуитивно осознавая, что лучше было бы вообще не появляться на свет, ну, я имею в виду подавляющее большинство мужчин и женщин.

Поэтому с отчетливым чувством, что совершаю непоправимое, я заказал номер в отеле “Спа дю Бериль”, на берегу озера Баньоль-де-л’Орн, на одну ночь

с 24-го на 25-е, и выехал рано утром 24-го, 24-е выпало на воскресенье, так что почти все уже, должно быть, уехали в пятницу вечером, самое позднее ранним утром в субботу, и дорога была пустой, если не считать вездесущих латвийских и болгарских дальнобойщиков. Большую часть пути я посвятил сочинению краткого рассказа для администраторши и горничных, коли таковые мне попадутся на этаже: семейное торжество обещало быть таким многолюдным, что мой дядя (отмечаем Рождество мы у дяди, но сегодня к нему съедутся все чада и домочадцы, так что я увижу своих кузенов, которых совсем потерял из виду в последние годы, а то и десятилетия) просто не в состоянии предоставить всем ночлег, поэтому я пожертвовал собой и забронировал номер в отеле. Помому, я придумал отличную историю и уже сам почти в нее поверил; для пущей убедительности я не должен пользоваться рум-сервисом, в связи с чем, подъезжая к месту назначения, я запасся местными деликатесами (ливаро, сидр, поммо, колбаски из свиных потрохов) в придорожной зоне отдыха "Пеи д'Аржентан".

Я совершил ошибку, страшную ошибку, уже на вокзале Сен-Лазар мне стало не по себе, но там я просто вспомнил, как Камилла бежит по платформе и, запыхавшись, бросается в мои объятия, а тут я почувствовал себя еще хуже, намного хуже, все вернулось ко мне с ошарашивающей резкостью, я еще не успел добраться до Баньоль-де-л'Орна, это случилось, как только я проехал Анденский лес, где мы когда-то, в один прекрасный декабрьский денек, совершили долгую прогулку, долгую, бесконечную, в каком-то смысле вечную прогулку, и, еле дыша, вернулись до-

мой, раскрасневшиеся и счастливые до такой степени, что сейчас мне даже трудно это себе вообразить, по дороге мы зашли в шоколадную лавку местного производителя, где продавалось чудовищно жирное пирожное под авторским названием “Пари-Баньоль” и шоколадные камамберы.

Дальше — больше, я испил эту чашу до дна, узнав странную башенку в красно-белую клетку, венчавшую отель-ресторан “Потинри дю Лак” (фирменное блюдо — тартифлет), и почти примыкающий к нему необычный дом в стиле бель-эпок, украшенный разноцветными кирпичами, и еще я вспомнил горбатый мостик на том краю озера и руку Камиллы, дотронувшуюся до моего плеча, чтобы обратить мое внимание на скользящих по воде лебедей, дело было 31 декабря, на закате.

Я бы покривил душой, сказав, что полюбил Камиллу в Баньоль-де-л’Орне; как я уже упомянул, все началось в дальнем конце платформы С на вокзале Кана. Но, несомненно, за эти две недели мы стали ближе друг другу. Подсознательно я всегда считал семейное счастье родителей несбыточным, во-первых, потому что родители были люди странные, почти не от мира сего, и на них бессмысленно было равняться в реальной жизни, но еще и потому, что их модель супружества уже в каком-то смысле изжила себя, мое поколение с ней покончило, ну, разумеется, не мое поколение, мое поколение не могло ни с чем покончить, ни тем более что-либо возродить, скорее предыдущее поколение, да, ответственность лежит на предыдущем поколении, во всяком случае, родители Камиллы — обычная супружеская пара, обычные родители — яв-

ляли собой общедоступный образец, мощный, наглядный и яркий.

Терять мне было нечего, и я преодолел еще сотню метров, отделявших меня от их лавки. В воскресенье 24 декабря во второй половине дня она была, естественно, закрыта, но я помнил, что квартира родителей Камиллы находилась прямо над ней. Там горел свет, яркий свет, и, конечно, у меня создалось впечатление, что у них горит *праздничный* свет, я постоял под окнами какое-то время, трудно сказать сколько, на самом деле недолго, я полагаю, но мне показалось, что целую вечность, над озером уже поднимался густой туман. Наверное, похолодало, но холод пробирал меня лишь изредка и, скажем так, не всерьез, в комнате Камиллы тоже горел свет, потом он погас, мысли мои растворялись в каких-то расплывчатых чаяниях, при этом я не сомневался, что у Камиллы нет никаких причин открывать окно, чтобы подышать вечерним туманом, вообще никаких, впрочем, я даже и не хотел этого, я удовлетворился трезвым осознанием новой конфигурации своей жизни и понял с некоторым ужасом, что цель моего путешествия, возможно, не сводилась к тому, чтобы просто предаться воспоминаниям, и что это путешествие, быть может, в каком-то смысле — мне скоро станет ясно, в каком именно, — обращено в потенциальное будущее. Мне оставалось еще несколько лет на размышления; несколько лет или несколько месяцев, затрудняюсь сказать.

Отель “Спа дю Бериль” произвел на меня ужасающее впечатление; из всех возможных отелей (а в декабре в Баньоль-де-л’Орне было из чего выбрать) я попал

в самый худший, уже одним своим видом он оскорблял гармонию озера, окруженного прелестными домами бель-эпок, и у меня просто не хватило духа выложить свою историю дежурной администраторше, которая, заведя меня, не выказала ничего, кроме удивления и даже откровенной враждебности, — и действительно, что я тут забыл, возникал закономерный вопрос, — впрочем, одинокие постояльцы в рождественскую ночь все же изредка попадают, да и что только не попадается администратору отеля на жизненном пути, я являл собой лишь особую разновидность несчастного существования; осознав свой статус безымянной сущности, я вздохнул чуть ли не с облегчением и просто кивнул, когда она протянула мне ключ от номера. Имея в запасе целых две колбаски из свиных потрохов, я приготовился отсидеть рождественскую службу перед телевизором, чем плохо.

По истечении четверти часа стало ясно, что в Баньоль-де-л'Орне мне больше заняться нечем; но и возвращаться утром в Париж было, на мой взгляд, рискованно. Барьер 24 декабря взят, но впереди маячило 31-е — тоже мало не покажется, если верить доктору Азоту.

В прошлое погружаешься постепенно, но, начав в него погружаться, кажется, что увязаешь в нем с головой, да так, что краев не видно. В течение нескольких лет после моего посещения Эмерик еще иногда проявлялся, но в основном чтобы сообщить о рождении детей: сначала Анн-Мари, потом, три года спустя, Сеголен. Он ни разу не заговорил со мной о положении дел на ферме, из чего я заключил, что оно

не стало лучше, а то и ухудшилось; у людей определенного культурного уровня отсутствие новостей — неминуемо плохая новость. Возможно, я сам принадлежал к злополучному подвиду людей определенного культурного уровня: мои первые мейлы после знакомства с Камиллой были полны энтузиазма; но о нашем разрыве я ни словом не обмолвился; вскоре мы и вовсе перестали общаться.

Сайт выпускников Агро был теперь доступен в интернете, и, судя по всему, в жизни Эмерика мало что изменилось: он занимался все тем же, на том же месте, его электронный адрес и номер телефона остались прежними. Но стоило мне услышать его голос, усталый и тягучий — казалось, он с трудом добирается до конца фразы, — как я понял, что *что-то* все-таки изменилось. Конечно, я могу заехать в любой момент, хоть сегодня вечером, и пожить у него, нет проблем, правда, условия в замке уже не те, что раньше, в общем, он мне все объяснит при встрече.

Из Баньоль-де-л'Орна в Канвиль-ла-Рок, из департамента Орн в Манш, я ехал медленно, очень медленно, по пустынным, утопающим в дымке проселочным дорогам, не надо забывать, что было 25 декабря. Я довольно часто останавливался, пытаюсь сообразить, что я здесь делаю, но мне это плохо удавалось, клочья тумана скользили над пастбищами, где я не заметил ни одной коровы. Полагаю, мое путешествие можно было бы охарактеризовать как *поэтическое*, но от этого слова неожиданно повеяло досадной легковесностью и угасанием. Хотя я прекрасно понимал — сидя в приятном тепле, идущем из печки, за рулем своего “мерседеса”, с уютным урчанием ка-

тившего по легким дорогам, — что трагическую поэзию тоже еще никто не отменял.

Со времени моего последнего посещения замка Олонд, десятка полтора лет тому назад, никаких видимых следов разрушения не появилось; внутри — другое дело: когда-то уютный обеденный зал превратился в нечто вроде мрачной кладовки, грязной и вонючей, на полу валялись упаковки ветчины и банки каннелони в томатном соусе.

— Жратвы у меня нет... — сказал Эмерик, вместо приветствия.

— У меня есть одна колбаска, — ответил я. Так после долгой разлуки произошла моя встреча с тем, кто был когда-то и по-прежнему оставался в каком-то смысле (но скорее по умолчанию) моим лучшим другом.

— Что-нибудь выпьешь? — продолжал он; вот с этим у него было явно все в порядке, когда я вошел, он уже допивал бутылку “Зубровки”, я же предпочел шабли.

Выпивая, он был поглощен смазкой и сборкой огнестрельного оружия, в котором я, насмотревшись телесериалов, узнал автомат.

— Это “шмайссер S4”. Калибр двести двадцать три Ремингтон, — зачем-то уточнил он.

Чтобы немножко разрядить атмосферу, я отрезал несколько кружков колбасы. Внешне Эмерик изменился, лицо его огрубело и покрылось красными прожилками, но больше всего меня напугал его взгляд, пустой, безжизненный взгляд, который, казалось, невозможно отвлечь, разве что на пару секунд, от созерцания пустоты. Я подумал, что задавать ему вопросы бессмысленно, главное я уже и так понял, но все-таки

надо было хотя бы попытаться завязать разговор, наше упорное молчание уже давило на нервы; бесконечно подливая себе — он водки, я вина, — мы, два вымотанных мужика под пятьдесят, клевали носом.

— Завтра поговорим, — заключил наконец Эмерик, положив таким образом конец моим терзаниям.

Он ехал впереди, показывая дорогу, за рулем пикапа “ниссан-навара”. Я следовал за ним по узкой ухабистой тропе, мы еле помещались на ней, и колючие ветки кустарников хлестали по кузову. Проехав так пять километров, он выключил двигатель и вышел, я присоединился к нему: мы стояли на краю просторного полукруглого амфитеатра, его поросшие травой склоны полого спускались к океану. Вдали, в свете полной луны блестели волны, но домики, разбросанные в сотне метров друг от друга, можно было различить с трудом.

— У меня тут двадцать четыре бунгало, — сказал Эмерик, — мы так и не получили субсидий на строительство отеля, они решили, что гостиницы в замке Брикбек вполне достаточно для северного Манша, и нам пришлось переключиться на бунгало. Дела идут неплохо, собственно, только бунгало и приносят немного бабла, клиенты появляются уже на майские праздники, а как-то раз в июле даже не было свободных мест. Конечно, зимой тут нет ни души — хотя, как ни странно, сейчас мы сдали домик какому-то одинокому немцу, по-моему, он орнитолог-любитель, иногда я вижу его на лугах с биноклем и телеобъективами, но он тебя не потревожит, по-моему, с тех пор как он приехал, мы словом не перемолвились, он просто кивает мне, проходя мимо, и все.

Вблизи бунгало оказались прямоугольными коробочками, почти кубиками, обшитыми лакированными сосновыми досками. Внутри, где все тоже было из светлого дерева, в относительно просторной комнате стояла двуспальная кровать, диван, стол и четыре стула, тоже деревянные, а также плитка и холодильник. Эмерик включил электрический счетчик. Над кроватью висел маленький телевизор на подвижном кронштейне.

— В одном домике есть еще детская с двухъярусной кроватью, а в другом — две детские с четырьмя спальными местами; учитывая демографические показатели, этого должно хватить. К сожалению, вай-фая тут нет, — огорченно сказал он. Я что-то безразлично буркнул в ответ. — Из-за этого я теряю кучу клиентов, — продолжал Эмерик, — многие прежде всего спрашивают про интернет, но пока что в сельской местности Манша высокоскоростную сеть прокладывать не торопятся. Зато здесь тепло, — добавил он, показывая на электрорадиатор, — на отопление еще никто не жаловался, во время строительства мы позаботились о теплоизоляции, это главное.

Внезапно он умолк. Я почувствовал, что он сейчас заговорит о Сесиль, и тоже выжидающе замолчал.

— Завтра поговорим, — повторил он глухим голосом. — Спокойной тебе ночи.

Я лег на кровать и включил телевизор, постель была мягкой и удобной, в комнате быстро потеплело, он оказался прав, отопление работало хорошо, просто обидно было торчать тут в одиночестве, но жизнь штука сложная. Широкое окно занимало почти всю стену, наверное, для того чтобы наслаждаться видом

на океан, вода по-прежнему сверкала в лунном свете, мне почудилось, что она теперь гораздо ближе, чем в момент нашего приезда, полагаю, все дело в приливе, впрочем, я ничего в этом не смыслю, в юности я жил в Санлисе, а каникулы проводил в горах, позже я завел роман с миниатюрной вьетнамкой, у ее родителей была вилла в Жуан-Ле-Пене, она умела до упора сжимать влагалище, ну нет, случался и на моей улице праздник, но мои знания в области приливов и отливов остались весьма ограниченными; со странным чувством я смотрел, как огромная водная масса медленно поднимается, чтобы залить землю, по телевизору шло ток-шоу “А мы не спим”, и взбудораженный тон ведущего как-то не вязался с неторопливым движением океана, у них там было слишком много участников, и все они слишком громко вещали, вообще децибелы на этом шоу зашкаливали, я выключил телевизор и тут же пожалел об этом, теперь мне казалось, что я упустил что-то в реальном мире, скатился на обочину истории, и, возможно, это “что-то” и было самым существенным, ведь гостей выбирать они умеют, туда приглашаются только *ключевые фигуры*, кто б сомневался. Посмотрев в окно, я отметил, что вода вроде бы подошла еще ближе, и даже забеспокоился: может, через час-другой нас тут вообще затопит? В таком случае напоследок не мешает немного развлечься. В конце концов я задернул занавески, включил телевизор, убрав звук, и сразу понял, что принял верное решение, вот так лучше всего, возбуждение в студии не улеглось, пожалуй, беззвучность их речей только прибавила им жизнерадостности, на экране сновали медийные фигурки, слегка не в себе, но занятные, они, надеюсь, быстро меня усыпят.

Заснул я действительно быстро, но спал бес-
покойно, всю ночь меня тревожили мрачные
сновидения, порой эротические, в последнее
время я стал бояться ночей, когда мой разум
обретал свободу передвижения, потому что разум мой
сознавал, что отныне мое существование стремится
к смерти, и не упускал возможности мне об этом на-
помнить. Мне снилось, что я полулежал-полуутопал
в вязкой белесой слизи на склоне холма; умом я пони-
мал, хотя ничто в окружающем меня пейзаже на это
не указывало, что нахожусь где-то среди невысоких
гор; насколько хватало глаз, вокруг меня простиралась
такая же белесая, ватная взвесь. Я упорно, настойчиво
звал на помощь слабым голосом, но в ответ не отклик-
нулось даже эхо.

Около девяти утра я постучал в дверь замка,
но безрезультатно. Недолго думая, я направился к ко-
ровнику, но Эмерика не обнаружил и там. Я шел вдоль
стойла, и коровы с любопытством смотрели мне вслед;
просовывая руку между прутьями, я дотрагивался
до их морд, теплых и влажных на ощупь. У коров был
живой взгляд, судя по всему, они пребывали в доб-
ром здравии и отличной форме. Несмотря на труд-
ности, ему еще удавалось заботиться о скотине, это
обнадеживало.

Офис Эмерика был открыт, компьютер включен.
В строке меню я узнал иконку *Firefox*. Не скажу, что

у меня имелась масса причин войти в интернет; нет, отнюдь, ровно одна.

Как и справочник выпускников Агро, справочник выпускников ветеринарной школы Мезон-Альфора был теперь доступен в сети, и мне потребовалось не больше пятидесяти секунд, чтобы найти сведения о Камилле. У нее был свой кабинет в Фалезе, в тридцати километрах от Баньоль-де-л'Орна, — она занималась частной практикой. Значит, расставшись со мной, она вернулась домой; мог бы и сам догадаться.

На сайте не были указаны личные данные, только рабочий адрес и телефон; я распечатал их, сложил листок вчетверо и засунул в карман куртки, не очень пока понимая, что собираюсь делать, точнее, не понимая, хватит ли у меня на это духу, но я прекрасно отдавал себе отчет, что от этого зависит вся моя оставшаяся жизнь.

По дороге к своему бунгало я наткнулся на немецкого орнитолога, вернее, чуть было не наткнулся. Заметив меня метров за тридцать, он внезапно застыл, несколько секунд простоял неподвижно и свернул влево на тропинку, ведущую вверх. За спиной у него был рюкзак, на плече висел фотоаппарат с огромным телеобъективом. Орнитолог удалялся быстрым шагом, и я остановился посмотреть, куда он пойдет: он поднялся чуть ли не до вершины холма по довольно крутому склону, почти километр прошел поверху и стал спускаться наискосок к своему домику, стоявшему в сотне метров от моего. То есть он сделал пятнадцатиминутный крюк, только чтобы со мной не разговаривать.

Общение с птицами, вероятно, не лишено своей прелести, которая до сих пор от меня ускользала. Было двадцать шестое декабря, магазины, по идее, уже открылись. Так и оказалось, и в оружейной лавке в Кутансе я приобрел мощный бинокль *Schmidt & Bender*, который был — как с энтузиазмом заверил меня продавец, миловидный гей с небольшим дефектом произношения, из-за которого он говорил с легким китайским акцентом, — “лучшим на лынке, плекласный выбол”: оптика от *Schneider-Kreuznach* обеспечивала исключительную резкость и отличалась эффективной светосилой: даже на рассвете, даже в сумерках, даже в густом тумане я мог легко добиться пятидесятикратного увеличения...

Оставшуюся часть дня я посвятил наблюдению за скачкообразной, словно заводной ходьбой птиц по пляжу (океан отступил на несколько километров и еле виднелся вдаль, оголив огромное серое пространство, испещренное причудливыми лужами, вода в которых казалась почти черной — мрачное это было зрелище, должен заметить). Мой довольно увлекательный орнитологический экзерсис напомнил мне чем-то студенческие годы, с той лишь разницей, что в прошлом я интересовался в основном растениями, но чем птицы хуже? Я на глаз определил три вида: чисто-белые, черно-белые и белые с длинными ногами и соответствующим клювом. Названия птиц, как научные, так и общеупотребительные, были мне неизвестны; зато их деятельность не представляла никакой загадки: то и дело вонзая клюв во влажный песок, они занимались тем, что у людей принято именовать *пешей рыбалкой*. Чуть раньше из текста на информационном щите я узнал, что

сразу после большого отлива в песке и в лужах можно запросто набрать волнистых рожков, морских черенков, улиток бигорно, глицемерисов и, если повезет, даже устриц и крабов. Два человека (а точнее, как я выяснил благодаря своему мощному биноклю, два человека лет пятидесяти, приземистые на вид) тоже шагали по пляжу, вооружившись крюками и ведрами, с явным намерением побороться с птицами за пропитание.

Я снова постучался в двери замка около семи вечера; на сей раз Эмерик оказался дома, но, судя по всему, был пьян и даже слегка обдолбан.

— Ты что, опять травкой балуешься? — осведомился я.

— Ага, у меня есть дилер в Сен-Ло, — подтвердил он, вынимая из морозильника бутылку водки; я решил не изменять шаблона.

Автомат он не собирал, зато успел вытащить откуда-то портрет очередного предка и прислонить его к креслу; это был коренастый мужичок с квадратным, гладко выбритым лицом и злым пронзительным взглядом. Закованный в металлические доспехи, он в одной руке держал огромный меч, достававший ему почти до груди, в другой — топор; от него исходила невероятная физическая мощь и жестокость.

— Робер д'Аркур, по прозвищу Сильный.. — пояснил Эмерик, — из шестого поколения Аркуров, то есть спустя много лет после Вильгельма Завоевателя. Сопровождал Ричарда Львиное Сердце в Третьем крестовом походе.

А не так уж плохо иметь родословную, сказал я себе.

— Сесиль ушла два года назад, — продолжал он тем же тоном.

Ну вот, приехали, подумал я; наконец он решился заговорить на эту тему.

— В некотором смысле по моей вине, я заставлял ее слишком много работать, одна ферма чего стоит, а с появлением бунгало начался просто сумасшедший дом, мне следовало бы поберечь ее, уделять ей побольше внимания. С тех пор как мы сюда переехали, у нас не было ни одного свободного дня. А женщинам необходим отпуск.. — Он говорил о женщинах как-то уклончиво, будто о каком-то родственном, но лично ему малознакомом биологическом виде. — И потом, сам видишь, как у нас тут обстоит дело с культурным досугом. Женщинам культурный досуг необходим... — Он махнул рукой, словно отказываясь объяснять, что именно имеет в виду. Он мог бы еще добавить, что и с точки зрения шопинга тут особо не разгуляешься, а *Fashion Week* не собираются в ближайшем будущем переносить из столицы в Канвиль-ла-Рок..

Ну и выходила бы тогда за кого-нибудь другого, блядь такая, подумал я.

— Может, надо было покупать ей то-се, ну понимаешь, всякие красивые цацки... — Он сделал еще одну затяжку, по-моему, мысли у него уже путались. Он мог бы еще добавить нечто более существенное, а именно что они уже не трахались, вот ведь в чем суть проблемы, женщины, в принципе, менее алчны, чем принято думать, и что касается украшений, то достаточно просто время от времени дарить им какую-нибудь африканскую безделушку, тоже сойдет, но если пересташь их ебать и вообще их хотеть, вот тут пиши

пропало, и Эмерику это было хорошо известно, при помощи секса можно решить любую проблему, без секса ничего решить нельзя, но я знал, что он не заговорит об этом ни за что на свете, даже со мной, особенно со мной, я полагаю, может, с женщиной он бы и поговорил, но словами делу не поможешь, напротив, только навредишь, зачем сыпать соль на раны, вот уж не лучший вариант, ну я, разумеется, еще вчера догадался, что его бросила жена, и сегодня у меня было время подготовиться к контратаке и выработать позитивную программу, но всему свое время, пока что я закурил еще одну сигарету.

— Кстати, она ушла к другому, — сообщил он, промолчав целую вечность. И после этих слов, “к другому”, у него вырвался непроизвольный мучительный стон. Что тут скажешь, вот это уже была жесть, унижение в чистом виде, и мне тоже ничего не оставалось, как издать болезненный стон, ему под стать. — К пианисту, — продолжал Эмерик, — к известному пианисту, он дает концерты по всему миру, записывает диски. Приехал сюда проветриться, перевести дух и отбыл с моей женой...

Он снова замолчал, но я уже наловчился заполнять паузы, можно было, например, подлить себе шабли или хрустнуть пальцами...

— Я просто идиот, сам виноват, — заговорил наконец Эмерик, но так тихо, что я встревожился. — Тут в замке есть прекрасный кабинетный рояль, *Bösendorfer*, принадлежавший моей прабабке, она держала что-то вроде салона во времена Второй империи, у нас в роду меценатством не занимались, в отличие от семьи Ноай, но у нее все-таки был салон,

говорят, на этом рояле играл сам Берлиоз, ну, короче, я ему предложил сыграть, если он хочет, рояль, конечно, пришлось настроить, но в итоге он проводил все больше времени в замке, ну и вот, они живут теперь в Лондоне, много ездят, он концертирует по всему миру, в Южной Корее, в Японии...

— А что твои девочки? — Я попробовал отвлечь его от истории с роялем, хотя подозревал, что и с дочками дела у него обстоят не блестяще, но все же *Bösendorfer* сам по себе был убийственной деталью, в буквальном смысле слова, ведущей прямым к самоубийству, мне надо было срочно вышибить это у него из головы, а дочки давали хоть какую-то надежду.

— Детей, разумеется, присудили мне, но живут они в Лондоне, я уже два года их не видел. А что прикажешь тут делать с девочками пяти и семи лет?

Я окинул взглядом гостиную, валявшиеся тут и там вскрытые банки с кассуле и каннеллони, опрокинутый шкаф, из которого высыпался разбитый вдребезги фарфор (не исключено, что Эмерик сам его опрокинул в приступе пьяного бешенства); и правда, ему трудно было возразить, но мужчины все же опускаются на удивление быстро. Накануне я заметил, что одежда на Эмерике просто-таки грязная и даже подвывает; еще в Агро он на выходные относил стирать свое белье матери, ну я тоже, конечно, но все-таки я научился пользоваться стиральными машинами, предоставленными в распоряжение студентов в подвале общежития, и пару раз там постирал, тогда как он, полагаю, и не подозревал об их существовании. Может, и впрямь, ему лучше было махнуть рукой на дочек и сосредоточиться на главном, в конце концов, девочки — дело наживное.

Он снова налил себе полный стакан водки, выпил его залпом и вполне трезво заметил: “Пропала жизнь”. Вот тут что-то у меня щелкнуло, и я с трудом подавил улыбку — с самого начала я ждал, что он рано или поздно это скажет, и в паузах, то и дело прерывавших его повествование, я успел отточить свою реплику, ту самую контратаку, позитивный проект, который я тайно сочинял полдня, наблюдая за морскими птицами.

— Твоя основная ошибка, — ринулся я в бой с каким-то даже задором, — состоит в том, что ты женился на женщине из своего круга. Все эти девицы, всякие там Роан-Шабо и Клермон-Тоннер, что, в сущности, они представляют из себя в наши дни? Обыкновенные сучки, на все готовые, лишь бы заполучить стажировку в культурном еженедельнике или у какого-нибудь дизайнера из мира альтернативной моды (тут я нечаянно попал в точку, потому что Сесиль носила фамилию Фосиньи-Люсенж и, следовательно, принадлежала к семейству того же уровня — того же уровня аристократичности, я хочу сказать). Фермерских жен из них никак не выйдет. Притом что есть сотни, тысячи, миллионы баб (я как с цепи сорвался), для которых ты являешься идеалом мужчины. Заведи себе молдаванку или, по другим соображениям, девушку из Камеруна, Мадагаскара, да хоть из Лаоса, на худой конец: они небогаты, прямо скажем бедны, выросли в деревенской среде, мира за ее пределами в жизни не видели и даже не догадываются, что таковой имеется. И вот тут ты такой появляешься, красавец-мужчина чуть за сорок, в самом расцвете сил, внешне еще о-го-го, и к тому же тебе принадлежит

половина лугов и пастбищ в департаменте (тут я хватил через край, но смысл был ясен). Разумеется, в финансовом отношении тебе это ни хрена не приносит, да им и невдомек, у них и мысли такой не возникнет, в их понимании богатство — это земля, земля и скот, так что не волнуйся, они тебя не бросят, не отступятся, будут трудиться не покладая рук и вставать в пять утра на дойку. Кроме того, эти молодые девки уж куда сексуальнее всех твоих аристократических телок, да и ебутся они в сто раз лучше. Только пить надо меньше, не то они вспомнят родину, особенно девушки из Восточной Европы, ну, в любом случае тебе не вредно было бы поменьше пить... Так вот, в пять утра они встанут на дойку, — совсем распоясался я, почти уверовав в собственные заклинания и живо представляя себе вышеозначенную молдаванку, — разбудят тебя минетом и завтрак подадут!

Я взглянул на Эмерика, уверенный, что до сих пор он ловил каждое мое слово, но он уже дремал, видимо, начал выпивать еще до моего прихода, сразу после обеда, скорее всего.

— И твой отец со мной бы согласился... — заключил я, испытывая острую нехватку аргументов; в последнем я был не вполне уверен, отца его я не знал, пересекся с ним лишь однажды, на вид он был симпатичный мужик, слегка упертый, социальные перемены, произошедшие во Франции после 1794 года, судя по всему, от него ускользнули. Я знал, что в историческом плане был прав, при первых же признаках вырождения аристократы, недолго думая, освежали генофонд своего поголовья при помощи прачек и белошвеек, теперь просто за ними надо дальше ехать, вот

и все, но как знать, сможет ли Эмерик проявить здравый смысл. И тут меня охватили более общие сомнения биологического характера — зачем спасать старого поверженного самца? Мы оба дошли до практически одной и той же черты, судьбы наши отличались, но их финалы стоили один другого.

Теперь он окончательно заснул. Может, я не напрасно тут разглагольствовал и какая-нибудь молдаванка проберется в его сновидения. Он спал, сидя на диване с прямой спиной и широко открытыми глазами.

Я понимал, что ни завтра, ни в ближайшие дни Эмерика не увижу, он пожалеет о своих откровениях, но к 31-му все же объявится, ведь нельзя же совсем *ничего не делать* вечером 31-го, ну, со мной-то такое уже несколько раз случалось, но мы с ним были не похожи друг на друга, я все же более устойчив к разного рода условностям. Итак, мне предстояли четыре дня одиночества, и я сразу сообразил, что птиц мне будет недостаточно, телевизора и птиц ни вместе ни порознь мне будет недостаточно, и тогда я вспомнил о немце, и уже утром 27-го числа наставил на немца бинокль *Schmidt & Bender*, в глубине души я всегда подозревал, что во мне погиб полицейский, я хотел бы вмешиваться в жизни людей и разгадывать их тайны. Что касается немца, то я и не надеялся, что он хоть чем-то меня порадует, но я ошибся. Около пяти часов пополудни в дверь его бунгало постучалась маленькая девочка; ну, маленькая девочка — давайте называть вещи своими именами — это была брюнетка лет десяти с детским лицом, но на вид гораздо старше своего возраста. Она приехала на велосипеде, видимо, жила совсем неподалеку. Само собой разумеется, я сразу заподозрил что-то педофильское: зачем еще десятилетняя девочка будет стучаться к сорокалетнему мрачному мизантропу, вдобавок еще и немцу? Он, что ли, стихи Шиллера собираются с ней читать? Уж скорее покажет член. Кстати,

он сильно смахивал на педофила, одинокий культурный мужчина лет сорока, неспособный на общение с окружающими, особенно с женщинами, подумал я, прежде чем до меня дошло, что обо мне можно сказать то же самое и описать меня ровно в тех же выражениях, я разозлился и, чтобы успокоиться, наставил бинокль на окна его домика, но он задернул занавески, и в тот вечер я больше ничего не узнал, разве только что вышла она от него часа через два и, прослушав сообщения на мобильнике, села на велосипед.

На следующий день она явилась снова приблизительно в то же время, но на сей раз немец забыл закрыть занавески, благодаря чему я рассмотрел видеокамеру на треноге; мои подозрения подтвердились. К сожалению, как только девочка вошла, он заметил, что занавески раздернуты, подошел к окну, и комната исчезла из поля моего зрения. Потрясающий я приобрел бинокль, мне удалось в мельчайших подробностях разглядеть выражение его лица, он был в состоянии крайнего возбуждения, мне показалось на мгновение, что у него слюнки потекли; он, со своей стороны, я уверен, даже не заподозрил, что за ним наблюдают. Девочка ушла, как и накануне, часа через два.

То же действие повторилось и на следующий день с той лишь разницей, что девочка, как мне показалось, прошла на заднем плане в одной футболке, с голой попой; правда, картинка была нечеткой и промелькнула слишком быстро, я навел фокус на лицо немца, меня терзала проклятая неизвестность.

Удобный случай представился наконец утром тридцатого. Около десяти часов я увидел, как он уезжает, загрузив в свой внедорожник (коллекционный “дефен-

дер”, возможно модели 53-го года или что-то вроде того, этот кретин оказался не только мизантропом и, по всей видимости, педофилом, но к тому же еще и паршивым снобом, чем, интересно, его не устраивал обычный “мерседес”, как у всех нормальных людей, у меня в том числе, нет, рано или поздно он за это заплатит, и очень дорого), короче, педофил (я не упомянул, что он выглядел как типичный немецкий профессор, немецкий профессор в отпуске по болезни или скорее в творческом отпуске, наверняка он собирался наблюдать за полярными крачками у мыса Ла-Аг на северо-западе Котантена или что-то в этом роде), в общем, он положил в багажник своего “дефендера” портативный холодильник, наверное, с одному ему известными банками баварского пива и полиэтиленовый пакет, надо думать, с сэндвичами, их ему хватит на полдня, и он, скорее всего, вернется часов около пяти, впритык к своему ритуальному свиданию, так что настало время действовать и разоблачить его.

Все-таки я выждал час для верности, потом спокойно, прогулочным шагом, направился к его бунгалу. Я захватил с собой ящик с инструментами первой необходимости, который всегда держал в багажнике, но немец не потрудился закрыть дверь, удивительно, какая доверчивость пробуждается в людях, приезжающих в Манш, они словно погружаются тут в некое мирное, туманное пространство, вдали от привычных людских целей и задач, вдали от зла в каком-то смысле, такое, во всяком случае, у них возникает впечатление. Мне пришлось все-таки включить компьютер, видимо, немец экономил электроэнергию, избегая даже спящего режима, очевидно, он убежденный эколог, зато

пароля у него не было, с ума сойти, в наши дни у всех есть пароль, у шестилетних детей на планшете установлен пароль, что же он за фрукт?

Все файлы были отсортированы в хронологическом порядке, по годам и месяцам, и в декабрьской папке хранилось всего одно видео, озаглавленное “Натали”. Мне никогда не приходилось смотреть педофильские фильмы, я знал, что такое бывает, но не более того, и сразу понял, что его любительщина меня убьет, в первые же секунды он случайно наставил камеру на плиточный пол в ванной, потом перевел ее выше, на лицо девочки, девочка красилась, намазывая губы толстым слоем алой помады, слишком толстым слоем, залезая за контуры губ; затем она так же неумело, ляпая как попало, нанесла синие тени на веки, но это орнитологу явно очень нравилось, было слышно, как он бормочет “гут, гут”, пока что это была единственная противная сцена. Потом он попробовал поснимать на отходе, точнее говоря, просто сам отступил с камерой, поэтому мне стала видна девочка перед зеркалом в ванной комнате, абсолютно голая, если не считать коротеньких джинсовых шорт, в которых она приехала. Грудь у нее еще почти не было, угадывался лишь легкий на нее намек, некие посулы на будущее. Он что-то сказал, слов я не разобрал, но она тут же сняла шорты, села на табуретку в ванной, раздвинула ноги и начала водить себе большим пальцем, у нее оказалась вполне сформированная маленькая писька, совершенно гладкая, безволосая, я думаю, что на этом этапе педофил совсем распалился, и действительно, я слышал, как учащается его дыхание, да и камера подрагивала в его руке.

Внезапно картинка изменилась, девочка появилась уже в гостиной, надев мини-юбку в шотландскую клетку. Она натягивала чулки в сеточку, пристегнув их к поясу с подвязками, — все это было ей великовато, наверное, он привез взрослые вещи размера XS, ну и так сошло, правда с трудом. Потом она нацепила крошечный топ, тоже из шотландской ткани, и правильно сделала, на мой взгляд: за неимением груди появился хотя бы какой-то ее прообраз.

Далее последовал невнятный пассаж, он занимался поисками аудиокассеты и, найдя ее, вставил в кассетный магнитофон, я и не подозревал, что эти штуки еще существуют, в общем, снова винтаж, под стать “дефендеру”. Девочка сидела сложа руки в ожидании начала. Наконец зазвучала песня, я не узнал ее, но она напоминала дискотечную музыку конца семидесятых — начала восьмидесятых, какая-нибудь *Corona*, возможно, но девочка отреагировала должным образом, она тут же принялась кружиться и танцевать, и вот тут мне правда стало тошно, но не от ее танцев, а от ракурса — он, скорее всего, присел на корточки, чтобы снять ее с низкой точки, и скакал вокруг старой жабой. Девочка, захваченная ритмом, явно испытывала неподдельное удовольствие, она то крутила юбкой, открывая орнитологу чудные виды на свою юную попу, то замирала лицом к камере и, раздвинув ноги, засовывала себе пальцы в промежность, затем в рот и долго сосала их, он все больше возбуждался, движения камеры стали совсем хаотичными, мне это все уже порядком надоело, но тут он наконец успокоился, поставил камеру на треногу и снова сел на диван. Девочка еще кружилась некоторое время под музыку, а он с обожанием смотрел на нее, он уже кончил —

мысленно, я имею в виду, — оставался физиологический аспект, полагаю, он уже начал дрочить.

Внезапно раздался громкий щелчок, и музыка заглохла. Девочка быстро поклонилась, с какой-то иронической ухмылкой, потом подошла к немцу и опустилась на колени у него между ног — он приспустил штаны, но не снял их. Камера так и осталась стоять на треноге, мне почти ничего не было видно, это нарушало все основополагающие принципы порновидео, любительского в том числе. Несмотря на нежный возраст, девочка, судя по всему, умело справлялась со своей задачей, время от времени орнитолог довольно похрюкивал, осыпая ее всякими нежностями вроде *Mein Liebchen*, в общем, мне показалось, что он очень привязан к этой девочке, вот уж чего я никак не ожидал от отмороженного немца.

Ну вот так я и сидел, фильм подходил к концу, он, по моим расчетам, должен был вот-вот кончить, как вдруг послышался шорох шагов по гравию. Я мгновенно вскочил, сразу сообразив, что выхода у меня нет, я неминуемо с ним столкнусь, и это столкновение может оказаться смертельным, ему ничего не стоило прибить меня на месте и выйти сухим из воды — ну, вряд ли все-таки, но как знать. Открыв дверь, он дернулся, словно в каталептическом припадке, и задрожал всем телом, я понадеялся было, что он сейчас грохнется в обморок, но увы, он твердо стоял на ногах, только лицо его стало пунцовым. “Я вас не выдам!” — заорал я, чувствуя, что надо орать, что только отчаянный крик может спасти меня в этой ситуации, но тут же подумал, что он может не знать слова “выдать”, и, проорав несколько раз подряд еще громче:

“Я буду молчать! Я ничего никому не скажу!” — стал медленно пробираться к двери. Не прекращая орать, я развел руками, словно в знак невинности моих намерений; судя по всему, он не был склонен к физическому насилию, хорошо, если так, больше мне не на что было рассчитывать.

Я незаметно продвигался вперед, повторяя уже немного тише, но, надеюсь, достаточно убедительно: “Я буду молчать! Я ничего никому не скажу!” И вдруг, когда я уже был чуть ли не в метре от него, вступив таким образом, возможно, в его личное пространство, не знаю, он отскочил назад, открыв мне доступ к двери, и я бросился в спасительный просвет, пронесся по дорожке и через минуту уже заперся у себя в бунгало.

Я налил себе полный стакан грушевой водки и попытался собраться с мыслями: в опасности был *он*, а не я; *его* могут посадить на тридцать лет без права на досрочное освобождение, а не меня. Так что он здесь не задержится. Действительно, минут через пять я уже наблюдал — какой все-таки замечательный бинокль я купил, — как, запихнув вещи в багажник “дефендера”, он сел за руль и отбыл навстречу неведомой судьбе.

Утром 31-го числа я встал в умиротворенном настроении и безмятежным взглядом окинул домики за окном, отныне я был здесь единственным жильцом; если орнитолог рулил быстро, он должен уже подъезжать к Майнцу или Кобленцу, вне себя от счастья, мимолетного счастья, которое испытывает человек, избежавший большой беды, возвращаясь к бедам повседневным. Сосредоточившись на немце, я не упускал из вида и любителей пешей рыбалки, они всю неделю пачками вываливались на берег, каникулы как-никак. Благодаря замечательному карманному путеводителю, вышедшему в издательстве “Уэст Франс”, который я приобрел в супермаркете “Супер Ю” в Сен-Николя-ле-Бреале, я узнал о масштабности этого явления, а также открыл для себя существование некоторых видов животных, таких как галатея, мактры, аномии и скробикулярии, не говоря уже о так называемых утиных донаксах, которые жарят на сковороде с мелконарезанной петрушкой. Я был уверен, что эта деятельность носит компанейский характер, я видел, как на канале *TF1* прославляли такое времяпрепровождение, на *France 2* тоже, но реже; люди приезжали целыми семьями, иногда с друзьями, жарили на углях морских черенков и венерок, запивая их мюскаде в умеренных дозах, вот вам высшая ступень цивилизации, когда первобытные инстинкты удовлетворяются во время пешей рыбалки. Встреча с мор-

скими жителями чревата последствиями, прямо заявлял путеводитель: морской дракончик может причинить невыносимую боль, это самая ядовитая рыба; ловля аномий особой трудности не представляет, а вот скробикулярии требуют чрезвычайного терпения и ловкости; морские ушки не достать без специального крюка на длинной палке; а петушков, чтоб вы знали, обнаружить крайне сложно, они вообще ничем не выдают своего присутствия. Нет, я еще не поднялся на столь высокую ступень цивилизации, а уж немецкий педофил и подавно, к этому часу, надо полагать, он уже добрался до Дрездена, если только не смылся в Польшу, где правила экстрадиции более сложные. К пяти часам вечера, как обычно, девочка прикатила на велосипеде к домику орнитолога. Она долго стучала в дверь, затем подошла к окну, пытаясь что-то разглядеть сквозь занавески, снова вернулась к дверям и еще долго стучала, потом все же махнула рукой. Выражение ее лица не поддавалось расшифровке: она не выглядела (пока?) особо опечаленной, скорее была удивлена и обескуражена. Тут я подумал, уж не платил ли он ей за услуги, трудно сказать, но мне почему-то казалось, что, скорее всего, да.

Около семи вечера я направился к замку, давно уже было пора покончить со старым годом. Эмерика дома не оказалось, но он явно не сидел сложа руки — на столе в обеденном зале были разложены всякие копчености, вирская колбаса с потрохами, деревенские кровяные колбаски и разные мясные деликатесы на итальянский манер, а также сыр; что касается выпивки, тут я был спокоен: в чем в чем, а в ней недостатка не будет.

Ночью в коровнике было спокойно, стадо из трехсот коров издавало умиротворяющий рокот, состоявший из вздохов, легкого мычания и ерзания в соломе, потому что они лежали на соломенных подстилках; Эмерик отказался пойти по пути наименьшего сопротивления и переключиться на щелевой пол, кроме того, ему нужен был навоз для удобрения полей, он на самом деле хотел работать по старинке. Я даже расстроился, вспомнив, что в финансовом плане он в полной жопе, но тут что-то со мной произошло, мирное мычание коров, запах навоза, отнюдь не противный, и все прочее на краткий миг вселило в меня чувство, нет, не обладания своим местом в этом мире, не будем преувеличивать, но все-таки принадлежности к некоему органическому континууму, к животному сообществу.

В закутке, служившем ему рабочим кабинетом, горел свет, Эмерик в наушниках с микрофоном сидел за компьютером, он был полностью поглощен происходящим на экране и заметил меня в последнюю секунду. Он резко вскочил, нелепо выставив руки перед собой, словно пытался заслонить от меня монитор, который мне и так не было видно.

— Не беспокойся, занимайся своими делами, не беспокойся, я пойду в замок... — сказал я, неопределенно махнув рукой (наверное, бессознательно пытаюсь подражать лейтенанту Коломбо, лейтенант Коломбо оказал огромное влияние на молодых людей моего поколения), и повернул назад. Я подкрепил свои слова жестом, вскинув руки, почти как накануне с немецким педофилом, но, увы, педофилия тут была ни при чем, дела обстояли куда хуже, я не со-

мневался, что он решил в последний день уходящего года позвонить по скайпу в Лондон, только не Сесиль, а именно что дочкам; вероятно, он созванивался с дочками минимум раз в неделю. “А ты как поживаешь, папочка?” — я представлял себе этот разговор так отчетливо, словно участвовал в нем, прекрасно понимая, в каком положении находятся девочки, ну может ли пианист, исполняющий классику, соответствовать в их глазах образу мужественного отца, конечно нет (Рахманинов?), это был просто очередной лондонский пидор, а вот их родной папа имел дело со взрослыми коровами, довольно крупными млекопитающими, между прочим, минимум 500 кг живого веса. Но что он-то мог рассказать своим дочкам, какие-нибудь глупости, ничего больше, он говорил им, что у него все хорошо, ну да, как же, вот мутила, он просто подыхал от тоски по ним, от тоски по любви, вообще говоря. Видимо, его уже ничего не спасет, думал я, идя по двору в обратном направлении, ему уже не суждено выпутаться из этой истории, он так и будет страдать до конца своих дней, поэтому мой треп про молдаванку для него пустой звук. У меня испортилось настроение, и, не дожидаясь его, я налил себе стакан водки, закусив ломтиком кровяной колбасы, нет, с чужой жизнью ничего поделать нельзя, думал я, ни дружба, ни сострадание, ни психология, ни ситуативный интеллект тут не помогут, все сами запускают механизм своего несчастья, повернув ключ до отказа, и дальше механизм продолжает неумолимо вращаться, иногда давая осечку или притормаживая, например во время болезни, но тем не менее он функционирует до самого конца, до самого последнего мгновения.

Эмерик появился через четверть часа с нарочито беззаботным видом, видимо пытаясь замять неловкий инцидент, что только подтвердило мои подозрения, равно как и мою беспомощность. Но тем не менее я пока не пошел на попятный, не смирился и с налета заговорил на болезную тему.

— Ты собираешься развестись? — спросил я очень спокойно, почти будничным тоном.

Он буквально рухнул на диван, я налил ему водки, Эмерику понадобилось минуты три, не меньше, чтобы поднести стакан ко рту, мне показалось даже, что он сейчас расплечется, вот бы неудобно вышло. Его рассказ не отличался особой оригинальностью, мало того что люди мучают друг друга, так еще они не отличаются в этом особой оригинальностью. Конечно, тяжело видеть, как женщина, когда-то любимая, с которой вы спали ночью и пробуждались по утрам, заботились о здоровье детей и ухаживали друг за другом во время болезни, за несколько дней превращается в мегеру и алчную фурию; это тяжелое испытание, от него практически невозможно полностью оправиться, но, может быть, оно, в каком-то смысле, и спасительно, потому что бракоразводный процесс — единственный действенный способ положить конец любви (если, разумеется, считать, что конец любви — это спасение); если б я женился на Камилле, а потом с ней развелся, мне, может, и удалось бы разлюбить ее — и вот тут, слушая повествование Эмерика, впервые, без всяких мер предосторожности, фантазий и оговорок я позволил себе осознать мучительную, страшную, убийственную правду — я все еще любил Камиллу; не задался наш новогодний ужин, что и говорить.

Что касается Эмерика, то его положение было куда хуже моего, даже угасание любви к Сесиль его не спасло бы; при наличии двух дочек ловушка становилась идеальной. В финансовом плане его история, пусть она и в полной мере вписывалась в ситуацию, которая обычно возникает после развода, была не лишена и других, более тревожных аспектов. Раздел совместно нажитого имущества — почему бы и нет, это обычное дело, только тут совместно нажитое имущество оказалось довольно внушительным: во-первых, сама ферма, новый коровник, сельскохозяйственная техника (сельское хозяйство — ресурсоемкое производство, оно замораживает значительные производственные активы, создавая при этом слабую или даже нулевую доходность, а то и отрицательную, как у Эмерика). Неужели половина всего этого достанется Сесиль? Преодолевая отвращение к юридическим уловкам, коллегии адвокатов и наверняка к закону как таковому, его отец решил все-таки прибегнуть к услугам юриста, которого ему посоветовал знакомый из парижского “Жокей-клуба”. Первые его выводы звучали скорее обнадеживающе, во всяком случае в отношении фермы: земли по-прежнему принадлежали отцу Эмерика, как и все усовершенствования, в том числе новый коровник и сельскохозяйственная техника; с юридической точки зрения вполне законно представить Эмерика кем-то вроде менеджера, и только. Что касается бунгало, то тут все сложнее: гостиничная компания и весь комплекс построек зарегистрированы на его имя, и только земли остаются в собственности отца. Если Сесиль упрется и потребует половину стоимости домиков, у них не останется иного выбора, кроме как объявить компанию банкротом

и ждать, когда появится покупатель, на что уйдет куча времени, возможно несколько лет. В общем, заключил Эмерик с той смесью отчаяния и отвращения в голосе, которая становится привычным состоянием человека в течение бракоразводного процесса и бесконечной череды переговоров, сделок, предложений и встречных предложений адвокатов и нотариусов, в общем, ни конца ни края этому разводу не видно.

— Кроме того, отец вовсе не собирается продавать участки с видом на океан, те самые, на которых построены бунгало, на это он никогда не пойдет, — добавил Эмерик. — Он уже и так последние годы еле сдерживается всякий раз, когда мне приходится продавать землю, чтобы свести концы с концами, я знаю, это причиняет ему боль, почти физическую боль, понимаешь, для классического аристократа, каковым он как раз и является, главное — это передать родовые владения грядущим поколениям и, если выйдет, даже немного расширить их, но уж никак не сократить, а я именно этим и занимаюсь, с самого начала, я уменьшаю родовые владения, я просто не могу выкрутиться иначе, ему это уже, конечно, осточертело, он вообще предпочел бы, чтобы я вышел из игры; в последний раз он мне сказал открытым текстом: “Фермерство никогда не было призванием Аркуров”, да, прямо так и сказал, возможно, он и прав, только гостиничным бизнесом они тоже не промышляли, но как ни странно, идея Сесиль устроить тут шарм-отель ему понравилась — наверняка только потому, что под это дело можно было бы отреставрировать замок, бунгало ему по хер, если бы их завтра сровняли с землей, он бы и бровью не повел. Ужасно то, что этот человек за всю свою жизнь не сделал ничего

полезного — знай себе разъезжал по свадьбам и похоронам, иногда отправлялся на псовую охоту, время от времени выпивал в “Жокей-клубе” и, мне кажется, обзавелся парой-тройкой любовниц, ничего выдающегося, зато наследие Аркуров пребывало в целости и сохранности. Я же пытаюсь что-то создать, пашу как лошадь, встаю каждый день в пять утра, вечерами занимаюсь бухгалтерией — а в результате, как выясняется, только разоряю семью...

Говорил он долго, на этот раз действительно выворачивая душу наизнанку, и уже ближе к полуночи я предложил ему поставить музыку, что давно пора было сделать, собственно, только это и оставалось делать в нашей ситуации, он с благодарностью кивнул, но я уже толком не помню, что он поставил, потому что сам к этому моменту был вдрызг пьян, пьян и уныл, мысли о Камилле добили меня, еще за секунду до этого я чувствовал себя мужиком что надо, таким мудрым утешителем, как вдруг сам превратился в кусок дерьма, но я не сомневаюсь, что он поставил самые лучшие, самые любимые свои пластинки. Единственное, что я запомнил, это пиратскую запись *Child in time*, сделанную в Дуйсбурге в 1970-м, колонки *Klipschorn* обеспечивали непревзойденную чистоту звука, и с эстетической точки зрения это был, возможно, самый прекрасный момент в моей жизни, я специально упоминаю об этом, ввиду того что красота все-таки может пригодиться, мы, кажется, прокрутили пластинку раз тридцать — сорок, всякий раз упиваясь тем, как на фоне флегматичной виртуозности Джона Лорда возникало абсолютное ощущение полета, с которым Иэн Гиллан переходил от речита-

тива к пению, от пения к крику и снова возвращался к слову, следом шел величественный брейк Иэна Пейса, да, конечно, Джон Лорд поддерживал его, с присущими ему мощью и великолепием, но все же брейк Иэна Пейса был роскошен, это был, наверное, самый красивый брейк в истории рока, потом снова вступал Гиллан, свершая вторую часть жертвоприношения, Иэн Гиллан опять улетал от слов к пению, от пения к чистому крику, но, увы, сразу после этого песня заканчивалась, и нам приходилось переставлять иголку в начало, мы могли бы прожить так целую вечность, ну, вечность — не знаю, это наверняка лишь иллюзия, но иллюзия прекрасная, помню, мы с Эмериком ходили на концерт *Deep Purple* во Дворец спорта, хороший был концерт, но все же не такой, как в Дуйсбурге, мы состарились, такие моменты будут выпадать нам все реже и реже, но все это вернется к нам в минуты агонии, его агонии и моей агонии, мне еще явится Камилла и, возможно, Кейт, не знаю, как я ухитрился вернуться к себе, помню только, что схватил ломтик кровяной колбасы и долго жевал его за рулем своего “мерседеса”, почти не чувствуя вкуса.

Утром первого января, как и во все утра мира, солнце встало над горемычной нашей жизнью. Я тоже встал, не обращая особого внимания на означенное утро — оно было туманным, но туманным в меру, обычное такое туманное утро; на основных развлекательных каналах сменяли друг друга новогодние программы, никого из певиц я не знал, но все-таки, сдается мне, грудастая латинка уступала кельтской девице, сведения об этой стороне жизни я имел весьма эпизодические и приблизительные, но настроен был оптимистически: раз публика так решила, то, в каком-то смысле, это хорошо. Около четырех я отправился в замок. Эмерик вернулся в свое привычное состояние, то есть сидел с мрачным, упрямым видом, явно поддавшись унынию; он снова чуть ли не машинально собирал и разбирал свой “шмайссер”. И тут я сказал, что хочу научиться стрелять.

— Стрелять как? Ты имеешь в виду стрельбу в целях самообороны или спортивную? — Он обрадовался, что я затронул конкретную техническую тему, а главное, вздохнул с облегчением, понимая, что к вчерашнему разговору я не вернусь.

— И то и то, наверное... — По правде говоря, во время нашей стычки с орнитологом я чувствовал бы себя увереннее, будь у меня револьвер; но и снайперская стрельба давно чем-то меня привлекала.

— В качестве оборонительного оружия могу предложить тебе короткоствольный “смит-и-вессон” — точность стрельбы у него меньше, чем у длинноствольного, зато его гораздо удобнее носить. Калибр 357 магнум, на расстоянии десяти метров бьет наповал и исключительно прост в обращении, я тебе все объясню за пять минут. Что же касается спортивной стрельбы... — Его голос стал звонче, в нем послышалась дрожь восторга, которого я за Эмериком не замечал уже долгие годы... на самом деле с тех пор, как нам исполнилось двадцать. — Спортивную стрельбу я когда-то просто обожал, сам знаешь, я много лет ею занимался. Ни с чем нельзя сравнить тот момент, когда мишень появляется в центре прицела, ты ни о чем больше не думаешь, все заботы мгновенно улечиваются. Первые годы после переезда мне было ужасно тяжело, намного тяжелее, чем я мог себе представить, без стрельбы я бы просто не выжил. Ну а теперь сам видишь... — Он вытянул правую руку, и действительно, через несколько секунд она задрожала, дрожь была слабой, но не оставляла никаких иллюзий. — Это все водка... Либо — либо, приходится выбирать.

Но был ли у него выбор? Да и вообще, разве у кого-нибудь есть выбор? Я сильно в этом сомневался.

— Что касается спортивной стрельбы, то у меня есть любимая винтовка “штайр-манлихер HS50”, могу тебе ее одолжить, если хочешь, только надо ее проверить и хорошенько почистить, я уже три года из нее не стрелял, вечером взгляну.

Он чуть пошатнулся, направляясь к оружейному складу у входа; за тремя раздвижными дверьми обнаружился целый арсенал — винтовки, карабины, несколько короткоствольных револьверов, а также десятки кар-

тонных коробок с патронами. Винтовка “штайр-манлихер” меня поразила: ничем не напоминая карабин, она представляла собой просто темно-серый стальной цилиндр совершенно абстрактного вида.

— Это, конечно, только часть, ее еще надо собрать... Самое ценное в ней — высокая точность обработки деталей, можешь мне поверить...

Он подержал ствол на свету, чтобы я мог им полюбоваться; да, это был цилиндр, наверняка идеальный цилиндр, я готов был с ним согласиться.

— Ладно, сделаю, — заключил Эмерик, отпуская меня, — завтра завезу ее тебе.

И правда, на следующий день в восемь утра он припарковал свой пикап около моего домика, по-моему, в чрезвычайно возбужденном состоянии. Со “смит-и-вессоном” мы разобрались мгновенно, все-таки эти штуки чрезвычайно просты в обращении. “Штайр-манлихер” — другое дело, он вынул из багажника жесткий футляр из поликарбоната и осторожно положил его на стол. Внутри, аккуратно уложенные в соответствующие отделения из пенопласта, лежали четыре компонента из темно-серой стали, сработанные с прецизионной точностью, ни один из них даже близко не напоминал деталь оружия, Эмерик несколько раз заставил меня собрать и разобрать винтовку: кроме ствола, в футляре находились еще ложе, магазин и опорная тренога; но и в собранном состоянии этот агрегат с виду все равно не имел ничего общего с карабином в привычном смысле слова, напоминая скорее какого-то металлического паука, паука-убийцу, не допускающего ни малейшей завитушки для красоты, ни одного лишнего грамма металла, я на-

чинал понимать восторг Эмерика, мне кажется, никогда еще я не видел технического объекта, от которого исходило бы такое ощущение совершенства. В конце он установил на верхушке металлической конструкции оптический прицел.

— Это “сваровски *DS5*”, — уточнил он, — к нему очень плохо относятся в кругах спортивной стрельбы, он просто-таки запрещен на соревнованиях, надо понимать, что траектория полета пули не прямолинейная, а скорее параболическая, административные инстанции спортивной стрельбы постановили, что участникам нельзя облегчать задачу, им надо научиться целиться немножко выше центра, учитывая параболическое отклонение. “Сваровски” снабжен встроенным лазерным дальномером, который вычисляет расстояние от стрелка до цели и сам вносит корректировку, так что это уже не твоя забота, ты просто целишься в центр, в самое яблочко. В среде спортивных стрелков они, как правило, верны традициям и обожают добавлять мелкие бесполезные сложности, поэтому я достаточно быстро ушел из спорта. Короче, я заказал специальный контейнер для перевозки, там есть место для оптического прицела. Но главное, это все же оружие. Пошли испытаем его. — Он вынул из шкафа одеяло. — Мы сразу начнем с положения “стрельба лежа”, это королевская позиция, позволяющая стрелять наиболее метко. Но на земле надо лежать удобно, предохраняясь от холода и сырости, чтобы не дрожать.

Мы остановились на вершине холма, полого спускавшегося к воде, он расстелил на траве одеяло и показал мне на увязшую в песке лодку, в сотне метров от нас.

— Видишь номер на борту, *BOZ-43*? Попробуй выстрелить прямо в центр буквы *O*. Ее диаметр равен

приблизительно двадцати сантиметрам; из “штайрманлихера” хороший стрелок спокойно попадет в нее с полутора километров. Ну, для начала и так сойдет.

Я улегся на одеяло.

— Найди удобное положение, не торопись... У тебя не должно остаться никаких причин шевелиться; ни малейшей, кроме твоего собственного дыхания.

У меня это получилось без особого труда; приклад имел вогнутую гладкую поверхность, и его легко было пристроить на плече.

— Тебе могут повстречаться всякие дзен-буддисты, которые скажут, что главное — слиться воедино со своей целью. По-моему, все это чистая хрень, к тому же у японцев нет никаких способностей к спортивной стрельбе, они еще ни разу не побеждали в международных соревнованиях. Однако снайперская стрельба очень напоминает йогу: ты пытаешься слиться воедино со своим дыханием. Поэтому надо дышать медленно, все медленнее и медленнее, как можно более медленно и глубоко. Когда будешь готов, наведи прицел на центр мишени.

Я так и сделал.

— Ну, получилось?

Я кивнул.

— Имей в виду, тебе не надо стремиться к полной неподвижности, это просто-напросто нереально. Ты не можешь не шевелиться, потому что дышишь. Но двигаться надо чрезвычайно медленно и равномерно, в ритме дыхания, отклоняясь чуть вправо и влево от мишени. Когда ты этого добьешься, поймешь ритм, тебе останется нажать на спуск в то мгновение, когда ты пройдешь через центр. Нажимай еле-еле, спуск настроен сверхчувствительно. Вообще, HS50 —

однзарядная винтовка; если захочешь выстрелить еще раз, придется перезарядить; поэтому на войне снайперы редко пользуются этой моделью, для них результат превыше всего, а они там для того, чтобы убивать; но лично я считаю, что единственный шанс — это правильно.

Я на мгновение закрыл глаза, чтобы не думать о подоплеке такого выбора, и тут же открыл их. Все шло хорошо, как и сказал Эмерик, буквы *BOZ* медленно скользили туда-сюда в видоискателе, и, выбрав, как мне показалось, правильный момент, я нажал на спуск, раздался еле слышный хлопок, что-то вроде мягкого “плюх”. Это было и правда потрясающее ощущение, я провел несколько минут вне времени, в чисто баллистическом пространстве. Поднявшись с земли, я увидел, что Эмерик направил свой бинокль на лодку.

— Что ж, неплохо, очень даже неплохо, — сказал он, повернувшись ко мне. — В центр ты не попал, пуля вошла в контур буквы *O*, то есть ты был в десяти сантиметрах от цели, для первого выстрела на расстоянии ста метров я бы сказал, что это отличный результат.

Уезжая, он посоветовал мне какое-то время практиковаться в стрельбе по неподвижной цели и только потом переходить к “движущимся мишеням”. По номерному знаку легко сориентироваться, он идеально подходит для тренировки. Что касается лодки, то можно расстрелять ее в хлам, сказал Эмерик в ответ на мои возражения, он знаком с владельцем (заметьте в скобках, тот еще козел), и он явно уже никогда не выйдет на ней в море. Он оставил мне десять коробок с патронами по пятьдесят в каждой.

В течение следующих нескольких недель я упражнялся минимум по два часа каждое утро. Не скажу, что все мои заботы “мгновенно улетучились”, это было бы преувеличением, но должен признать, что во время этих кратких передышек я чувствовал себя относительно спокойно. Конечно, свою роль, безусловно, сыграл и капторикс, да и алкоголем я не злоупотреблял; кстати, тот факт, что я ограничивался пятнадцатью миллиграммами капторикса в день, чуть не дотягивая до максимальной дозировки, не мог меня не обрадовать. Утратив всякие желания и смысл жизни (впрочем, может быть, эти термины тождественны? Сложно сказать, у меня не выработалось четкого мнения по этому поводу), я удерживал свое отчаяние на вполне приемлемом уровне, с отчаянием жить можно, большинство людей так и живет, лишь время от времени задумываясь, не позволить ли себе хоть какой-то глоток надежды, но, задавшись этим вопросом, они отвечают на него отрицательно. И тем не менее они цепляются за жизнь, очень трогательное зрелище.

Что касается стрельбы, то прогресс был налицо, я сам пораился такой стремительности; не прошло и двух недель, как я научился не только попадать в центр буквы *O*, но даже в колечки *B* и в треугольник четверки; тогда я начал подумывать о “движу-

щихся мишенях”. Пляж буквально кишел ими, удобнее всего в этом смысле были морские птицы.

Я в жизни не убивал животных, случай не представился, но, в принципе, ничего против не имел. Промышленное животноводство всегда вызывало у меня отвращение, но против охоты принципиальных возражений у меня не было, ведь животные находятся в своей естественной среде и вольны бегать или летать до тех пор, пока с ними не покончит какой-нибудь хищник, стоящий на более высокой ступени в пищевой цепочке. Разумеется, “штайр-манлихер HS50” превращал меня в хищника на одной из самых высоких ее ступеней, кто бы сомневался; но все-таки я еще никогда не держал на прицеле живое существо.

Как-то утром, в начале одиннадцатого, я все-таки решился. Постелив одеяло, я удобно устроился на вершине холма, погода стояла прохладная и приятная, и мишеней было хоть отбавляй.

Я долго целился в некое пернатое существо, это была не чайка и не крачка, ничего такого знаменитого, просто неопознанное длинноногое пернатое небольшого размера, которое часто попадалось мне на близлежащих пляжах, этакий пляжный пролетарий в каком-то смысле, на самом деле просто крылатый дурачок, с неподвижным злым взглядом, маленький робот-убийца на длинных ногах, чья механическая предсказуемая походка давала сбой только при виде жертвы. Пробив ему башку, я мог спасти жизнь бесчисленным брюхоногим и столь же бесчисленным головоногим, внести немного разнообразия в пищевую цепь, причем без какой-либо лич-

ной заинтересованности, может, эта гадкая птичка вообще несъедобна. Мне просто надлежало вспомнить, что я человек, господин и повелитель, и вселенная была создана специально для моего удобства Господом всемогущим.

Это противостояние продлилось несколько минут, три по меньшей мере, а скорее пять или десять, потом у меня задрожали руки, я понял, что не в состоянии нажать на спуск, что я просто слюняй, ничтожный, унылый слюняй, к тому же стареющий. “У кого не хватит духу убить, не хватит духу и жить” — эта фраза бесконечно крутилась у меня в голове, не оставляя за собой ничего, кроме болезненного следа. Я вернулся в бунгало, вынес оттуда дюжину пустых бутылок и, расставив их как попало на краю склона, разнес в пух и прах минуты за две. Покончив с бутылками, я обнаружил, что израсходовал весь свой запас патронов. Мы почти две недели не виделись с Эмериком, но уже с первых чисел января к нему часто наведывались посетители, во дворе замка стояли внедорожники и пикапы, я наблюдал, как он провожает до машин разных мужчин, своих ровесников, одетых, как и он, по-рабочему — наверное, это были окрестные фермеры.

Когда я подъехал к замку, он как раз выходил оттуда в сопровождении бледного человека лет пятидесяти, с умным и печальным лицом, которого я уже заметил пару дней назад; они оба были в темных костюмах и темно-синих галстуках, одно с другим совсем не сочеталось; внезапно у меня возникла уверенность, что Эмерик одолжил галстук у своего гостя. Он представил меня как “друга, снимающего у него бунгало”, не упомянув, что в свое время я работал на Министер-

ство сельского хозяйства, за что я был ему благодарен. Франк, руководитель отделения профсоюза в департаменте, сказал он. Я промолчал, и он уточнил: Конфедерация фермерских профсоюзов. Задумчиво покачав головой, Эмерик добавил: иногда мне кажется, что пора нам присоединиться к Координационному совету сельских работников. Впрочем, не знаю, не уверен, хотя я уже ни в чем сейчас не уверен..

— Мы едем на похороны, — сказал Эмерик, — позавчера в Картере застрелился один наш товарищ.

— Это уже третий случай с начала года... — заметил Франк.

Он собирался созвать профсоюзное собрание послезавтра, в воскресенье, во второй половине дня в Картере. Они будут рады меня там видеть. Что-то же надо делать, нельзя мириться с новым понижением закупочных цен на молоко, если мы это проглотим, нам конец, всем до единого, тогда уж лучше сразу все послать к черту.

Садясь в пикап Франка, Эмерик виновато посмотрел на меня; я ничего не рассказал ему про свою личную жизнь, ни словом не обмолвился о Камилле, почему-то я понял это именно сейчас; с другой стороны, зачем об этом распространяться, все и так понятно, наверное, он сам догадывался, что я тоже переживаю сейчас не лучший период в жизни, так что судьба молочных фермеров вряд ли вызовет у меня деятельное сочувствие.

Я вернулся в замок около семи вечера, Эмерик уже успел к этому моменту выпить полбутылки водки. Похороны были под стать ситуации — у самоубийцы не осталось родственников, жениться ему так и не уда-

лось, отец умер, мать впала в маразм и только всхлипывала, повторяя то и дело, что времена нынче не те.

— Мне пришлось все рассказать Франку в общих чертах, — извинился он. — Пришлось признаться, что ты немного разбираешься в целях и задачах сельского хозяйства; не бойся, он не в претензии, ему прекрасно известно, что у чиновников практически нет свободы действий...

Чиновником я не был, что, впрочем, никак не добавляло мне свободы действий, и я подумал, не перейти ли и мне на водку, зачем продлевать мученья? Все-таки что-то меня удержало, и я попросил Эмерика открыть бутылку белого. Он кивнул и, прежде чем налить мне, удивленно вдохнул аромат вина, словно воспоминание о более счастливых днях.

— Ты придешь в воскресенье? — спросил он чуть ли не беззаботно, как будто речь шла о милых дружеских посиделках.

Я не знал и ответил, что, может быть, и приду, но неужели в этом собрании есть какой-то смысл? Они что, решат перейти от слов к делу? Он считал, что да, не исключено, фермеры в бешенстве и собираются как минимум прекратить поставки молока в кооперативы и на предприятия. Только вот что они будут делать, когда через два-три дня придут цистерны с молоком из Польши и Ирландии? Блокировать дороги с ружьями наперевес? Допустим, так они и поступят, а что, если цистерны вернутся под защитой полицейского спецназа? Они откроют огонь?

У меня мелькнула мысль о “символических акциях”, но я замер от стыда, еще не закончив фразу.

— Зальют молоком площадь перед префектурой Кана.. — закончил за меня Эмерик. — Почему бы

и нет, только о них пошумят в прессе один день и забудут, и я не уверен, что мне так уж этого хочется. Я был в числе тех, кто выливал целые цистерны молока в бухту Сен-Мишель в 2009-м, и вспоминаю об этом с ужасом. Подоить коров, как каждое утро, заполнить цистерны, а потом все выплеснуть, как дрянь какую-то... Я бы уж лучше взялся за оружие.

Перед уходом я позаимствовал у него еще несколько коробок с патронами; я все-таки плохо представлял себе, что эта ситуация может привести к вооруженному противостоянию, собственно, я вообще ничего себе не представлял, но что-то в их умонастроении меня встревожило; как правило, ничего никогда не происходит, но иногда что-то все-таки происходит, и это что-то обычно застает всех врасплох. Так что немного потренироваться в стрельбе мне не повредит, что бы там ни было.

Профсоюзное собрание состоялось в огромном ресторане “Картере” на площади Терминюс¹, которая, видимо, была обязана своим названием старому вокзалу напротив, давно заброшенному и частично заросшему сорными травами. В меню “Картере” значились в основном разнообразные пиццы. Я сильно опоздал, речи уже закончились, но там еще оставалось человек сто крестьян, они по большей части пили пиво или белое вино. Говорили они скупое — веселого в их собрании было мало — и подозрительно косились на меня, пока я пробирался к столу, за которым сидел Эмерик в компании Франка и еще трех типов с такими же умными печальными лицами, как у него, они производили впечатление людей, получивших образование, как минимум сельскохозяйственное, видимо, очередные профсоюзные деятели, они тоже болтливостью не отличались, — надо сказать, что снижение закупочных цен на молоко (о чем я вычитал в “Манш либр”) на сей раз было внезапным, их точно обухом по голове ударили, я даже не понимал, какую они могут придумать стартовую позицию для возможного торга, если таковой состоится...

— Извините, что помешал, — сказал я с деланой

¹ От франц. Terminus — конечная станция.

непринужденностью, и Эмерик смущенно взглянул на меня.

— Ну что вы, что вы, — отозвался Франк, выглядевший еще более усталым и подавленным, чем в прошлый раз.

— Вы договорились о каких-нибудь акциях? — Не знаю, с чего вдруг я задал этот вопрос, ответ меня совершенно не интересовал.

— Мы работаем над этим, работаем. — Франк как-то странно посмотрел на меня, снизу вверх, слегка даже враждебно, но главное, с такой бесконечной грустью, если не отчаянием, словно между нами пролегла пропасть, и мне стало по-настоящему неловко, мне нечего было тут делать, я не чувствовал никакой солидарности с ними и не мог ее почувствовать по определению, я жил совершенно другой жизнью, тоже отнюдь не упоительной, просто совсем другой, вот и все.

Я быстро распрощался, проведя там минут пять, не больше, но мне кажется, что, выходя, я уже понимал, что на сей раз все может закончиться действительно очень плохо.

Следующие два дня я безвыходно просидел в бунгало, доедая последние запасы и перескакивая с канала на канал; дважды пытался мастурбировать. В среду утром пейзаж за окном, насколько хватало глаз, утопал в гигантском озере тумана, на расстоянии десяти метров от дома ничего не было видно; но все-таки мне надо было съездить за провизией и уж, по крайней мере, заглянуть в “Маркет” в Барневиль-Картере. Дорога заняла у меня полчаса, я ехал осторожно, не превышая срока километров в час; время от времени какие-то желтые отблески сообщали мне о присутствии на шоссе

других машин. В обычной жизни Картере был живописным курортным городком, со своей яхтенной гаванью, магазинами, торгующими снаряжением для *парусного спорта*, и гастрономическим рестораном, в котором подавали местных омаров; сегодня он казался увязнувшим в тумане городом-призраком, по пути к супермаркету мне не попалось ни машин, ни даже пешеходов; “Карфур Маркет” с пустынными проходами между стеллажами выглядел осколком цивилизации, последним прибежищем человека; я накупил сыров, колбас и красного вина с безотчетным, но твердым ощущением, что мне придется выдержать осаду.

Оставшуюся часть дня я провел в глухой ватной тишине, прогуливаясь по тропинке вдоль берега от одной полосы тумана к другой, так и не сумев разглядеть океан невдалеке. Жизнь казалась мне такой же бесформенной и призрачной, как этот пейзаж.

На следующее утро, проходя мимо ворот замка, я увидел, как Эмерик раздает оружие тесно сбившейся группке человек из десяти в штормовках и охотничьих куртках. Потом они расселись по машинам и уехали в направлении Валони.

Оказавшись там снова около пяти вечера, я заметил во дворе пикап Эмерика и отправился прямо в обеденный зал: он сидел там вместе с Франком и каким-то рыжим гигантом недружелюбного вида, которого мне представили как Барнабе. Судя по всему, они сами только что приехали и, положив оружие рядом с собой, налили себе водки, даже не сняв курток, — тут я заметил, что в комнате ужасно холодно, видимо, Эмерик решил больше не топить, я бы не удивился, узнав, что он и на ночь не раздевается, он сейчас, судя по всему, на многое махнул рукой.

— Сегодня утром мы остановили молочные цистерны, идущие из порта Гавра... Это ирландское и бразильское молоко. Они не ожидали, что столкнутся с вооруженным сопротивлением, и безропотно повернули назад. Только они наверняка сразу же отправились в жандармерию. Что мы будем делать завтра, когда они вернутся с отрядом спецназа? Мы так и не сдвинулись с мертвой точки; мы на пределе.

— Нельзя сдаваться, они не посмеют в нас стрелять, не рискнут, — гнул свое рыжий гигант.

— Первыми они огонь не откроют, — вмешался Франк. — Просто накинутся на нас и попробуют разоружить, так что столкновение неизбежно. Вопрос в том, будем ли стрелять мы. Если окажем сопротивление, то в любом случае проведем завтрашнюю ночь в жандармерии Сен-Ло. Но если кого-то ранят или убьют, разговаривать с нами будут иначе.

Я недоверчиво посмотрел на Эмерика, который молча крутил в руках бокал; вид у него был мрачный, непреклонный, он старательно избегал моего взгляда, и я решил, что надо вмешаться, пока не поздно.

— Послушай, — громко произнес я наконец, понятия не имея, что говорить дальше.

— Да? — На сей раз он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза, у него был тот же искренний и честный взгляд, что и в наши двадцать лет, за что, собственно, я сразу его и полюбил. — Скажи мне, Флоран, — продолжал он тихим голосом, — скажи мне, что ты обо всем этом думаешь, я хочу услышать твою точку зрения. Нам и правда конец или мы можем еще попытаться что-то сделать? Должен ли я попытаться что-то сделать? Или я должен вести себя как

отец, продать ферму, возобновить членство в “Жокей-клубе” и спокойно провести остаток жизни? Скажи, что ты думаешь.

Этим все и должно было закончиться; с самого первого моего посещения замка двадцать с лишним лет тому назад, когда он только начал заниматься фермерством, а я, куда более банально, планировал карьеру чиновника, мы бесконечно откладывали этот разговор, все двадцать с лишним лет, и вот момент настал, оба его товарища внезапно умолкли; мы остались одни на ринге, он и я.

Эмерик ждал, уставившись мне прямо в глаза искренним и простодушным взглядом, и я заговорил, не до конца осознавая, что именно я произношу, мне чудилось, что я скольжу по наклонной плоскости, ощущение было ошеломляющее и тошнотворное, как всякий раз, когда ныряешь в реальность, в то же время это не так уж часто и случается в жизни.

— Видишь ли, — сказал я, — время от времени какой-нибудь завод закрывается, а производство переносится куда-то далеко. Допустим, уволят семьдесят рабочих, они наверняка удостоятся репортажа на канале *BFM*, выйдут на пикет, запалят покрышки, пара местных политиков выедут на место, короче, это вполне сойдет для новостного сюжета, весьма любопытного сюжета, с сильным видеорядом, это ж не черная металлургия или женское белье, им будет что показать. Ладно, но у тебя тут ежегодно сотни фермеров прикрывают лавочку.

— Или пускают себе пулю в лоб, — сдержанно заметил Франк и замахал рукой, словно извиняясь, что вмешался, и его лицо снова стало печальным и непроницаемым.

— Или пускают себе пулю в лоб, — подтвердил я. — За последние полвека численность фермеров во Франции сильно сократилась, но явно еще недостаточно. Их число придется уменьшить вдвое или втрое, чтобы прийти к европейским стандартам, к стандартам Дании или Голландии. Я упомянул эти страны, потому что речь идет о молочных продуктах, что касается фруктов, например, то на их месте будут Марокко и Испания. На данный момент мы имеем чуть больше шестидесяти тысяч производителей молока; через пятнадцать лет, на мой взгляд, их останется двадцать тысяч. Одним словом, сельское хозяйство во Франции в наше время — это масштабный план сокращений, самый масштабный план сокращений, какой когда-либо был реализован, но это секретный, невидимый план, согласно которому люди исчезают поодиночке, у себя дома, так и не удостоившись репортажа на *BFM*.

Эмерик одобрительно кивнул, и это меня задело, я понял, что сейчас ничего другого он от меня и не ожидал, он ждал лишь объективного подтверждения катастрофы, и мне нечего, совершенно нечего было ему предложить, кроме дурацких молдавских грез, но самое печальное, что я еще не закончил.

— Когда число фермеров сократится втрое, — продолжал я, на этот раз отдавая себе отчет, что расписываюсь в полной своей профессиональной несостоятельности и уничтожаю себя каждым следующим словом (и если б я еще мог похвастаться успехами в личной жизни, осчастливив женщину или хотя бы какое-нибудь животное, но куда там!), — то, даже придя к европейским стандартам, мы все равно ничего не выиграем, более того, окажемся на пороге полного пора-

жения, потому что тут мы действительно столкнемся с мировым рынком, и битву за свое место в мировом производстве нам не выиграть.

— По-вашему, протекционистские меры так и не будут приняты? Вам кажется, что это вообще нереально? — Франк произнес это на удивление безразличным тоном, словно справлялся о своеобразных местных верованиях.

— Вообще нереально, — выпалил я, не задумываясь. — Идеологические гайки закрутили слишком сильно.

Вспоминая свое профессиональное прошлое, все годы профессиональной жизни, я понимал, что действительно постоянно сталкивался с весьма странными корпоративными верованиями. Мои собеседники сражались не за свои интересы и даже не за интересы, которые они должны были бы защищать, считать так было бы ошибкой, они сражались за идеи; в течение многих лет я имел дело с людьми, которые были готовы отдать жизнь за свободу торговли.

— Ну вот, — я снова повернулся к Эмерику, — по-моему, это конец, правда конец, поэтому я бы тебе посоветовал позаботиться о себе, Сесиль просто жирная сука, пусть себе ебется со своим пианистом, а ты наплюй на дочек, уезжай отсюда, продай ферму и забудь все это как страшный сон, только займись этим безотлагательно, пока у тебя еще есть хоть какой-то шанс начать новую жизнь.

В этот раз я был предельно конкретен, конкретнее некуда, притом что провел у него всего пару минут. Когда я встал, чтобы распрощаться, Эмерик как-то странно посмотрел на меня, вроде бы с чуть замет-

ным восторгом — впрочем, не исключено, и даже скорее всего, это была тень безумия.

На следующий день из краткого репортажа на *BFM* я узнал о развитии конфликта. В конце концов они решили, не оказывая сопротивления, снять блокаду на дорогах и пропустить цистерны с молоком, направлявшиеся из Гавра на заводы Меотиса и Валони. Франк удостоился аж минутного интервью, в котором он, по-моему, очень четко и убедительно объяснил, приведя несколько цифр, почему положение нормандских производителей молока стало невыносимым. В заключение он заметил, что борьба только начинается, Конфедерация фермерских профсоюзов и Координационный совет сельских работников единодушно призвали выйти на масштабную акцию протеста в следующее воскресенье. Пока Франк говорил, Эмерик молча стоял рядом, машинально поигрывая затвором своего автомата. Посмотрев этот репортаж, я испытал прилив оптимизма, парадоксального и наверняка преходящего: речь Франка была столь ясной, сдержанной и здоровой — за одну минуту, я думаю, лучше и не скажешь, — что я не понимал, как можно отказаться принимать во внимание его слова, как его оппоненты могут отказаться от переговоров. Потом я выключил телевизор и посмотрел в окно — было уже начало седьмого, и клочья тумана мало-помалу рассеялись в наступающей ночи — и вспомнил, что я тоже в течение почти пятнадцати лет *всегда* оказывался прав в своих аналитических записках, отстаивая позиции местных производителей, *всегда* приводил цифры, соответствующие реальности, предлагая разумные протекционистские меры и ускоренные, экономически

обоснованные решения, но я был всего-навсего агрономом, технарем и в конечном счете *всегда* проигрывал, в последний момент все *всегда* оборачивалось торжеством свободного рынка и гонкой за производительностью, и тогда я открыл еще одну бутылку вина, теперь уже ночь наступила окончательно, поглотив пейзаж за окном, *Nacht ohne Ende*¹, да кто я такой, чтобы поверить, что мне под силу изменить ход вещей?

1 Ночь без конца (нем.).

Нормандских производителей молока призывали собраться в воскресный полдень в центре Пон-л'Эвека. Узнав об этом из новостей *BFM*, я сначала подумал, что это символическое место обеспечит широкое освещение демонстрации в прессе — все-таки название сыра известно во всей Франции и даже за ее пределами. На самом же деле, как показали дальнейшие события, Пон-л'Эвек выбрали потому, что он расположен на слиянии шоссе A132, идущего из Довиля, с автострадой A13 Кан — Париж.

Рано утром, когда я встал, западный ветер уже рассеял туман, и океан, чуть подернутый рябью, сверкал, насколько хватало глаз. Чистое прозрачное небо переливалось полутонами наивных светло-голубых оттенков; впервые мне показалось, что я различаю вдалеке очертания какого-то острова. Я взял бинокль и снова вышел: да уж, как ни удивительно, учитывая расстояние, на горизонте действительно виднелись нежно-зеленые утесы восточного побережья Джерси, скорее всего.

В такую погоду ничего драматического просто не могло приключиться, и мне как-то расхотелось снова погружаться в проблемы фермеров; садясь за руль своего внедорожника, я намеревался доехать до Фламанвиля, погулять там по скалам, а то и до-

браться до мыса Жобур, в такой ясный день оттуда наверняка будут видны берега Олдерни; на мгновение я вспомнил об орнитологе; возможно, безнадежные поиски завели его гораздо дальше, в гораздо более мрачные пределы, и теперь, кто знает, он, может быть, томится в застенках Манилы, где сокамерники его уже как следует поймали, по его избитому окровавленному телу ползли теперь полчища тараканов, и его рот с выбитыми зубами уже не мог сомкнуться на пути насекомых, пробирающихся ему прямо в глотку. Столь мерзкая картина стала первой заминкой в это прекрасное утро. Вторая возникла в тот момент, когда, проезжая мимо ангара, где Эмерик держал сельскохозяйственную технику, я увидел, как он снует туда-сюда, загружая полные канистры с соляркой в открытый кузов пикапа. Зачем ему канистры с соляркой? Ничего хорошего это не предвещало. Я выключил мотор, сам не понимая, надо или нет мне с ним поговорить. А что я ему скажу? Что я могу добавить к уже сказанному в тот вечер? Люди никогда не слушают советов, а если и просят дать совет, то только затем, чтобы ему не последовать и просто доказать себе устами постороннего, что их закрутила губительная, смертоносная спираль, а все эти советчики просто играют роль хора из греческой трагедии, подтверждающего герою, что он ступил на путь разрушения и хаоса.

Но тем не менее утро стояло чудесное, даже не верилось, и после недолгих колебаний я все-таки двинулся в сторону Фламанвиля.

К сожалению, прогулка по скалам не удалась. Хотя свет никогда еще не был столь прекрасным, воздух чистым и бодрящим, а зелень лугов такой яркой, ни-

когда еще мерцание легких барашков в лучах солнца так не завораживало меня и никогда еще, мне кажется, я не был так несчастен. Я доехал до мыса Жобур, но мне стало только хуже, образ Кейт неизбежно должен был возникнуть в моем воображении, синее небо стало еще синее, свет еще хрустальнее, теперь это был настоящий северный свет, и сначала мне привиделся ее взгляд, обращенный на меня в парке Шверинского замка, ее понимающий, нежный взгляд, заранее меня простивший, а следом вернулись и другие воспоминания, о нашей прогулке, несколькими днями раньше, по дюнам Сённерборга, вот, точно, ее родители жили в Сённерборге, и в то утро свет там был точно такой же, как здесь сегодня; несколько минут, закрыв глаза, я просидел неподвижно за рулем своего “мерседеса G 350 TD”, меня била странная мелкая дрожь, но я не плакал, видимо, у меня уже не осталось слез.

Около одиннадцати часов я поехал по направлению к Пон-л’Эвеку. Уже за два километра до въезда в город дорога была перегорожена тракторами, стоявшими прямо на проезжей части. Ряды тракторов тянулись до самого центра, их тут было несколько сотен, меня изумило отсутствие сил правопорядка, впрочем, фермеры пили пиво, расположившись на пикник неподалеку от своих машин, и выглядели довольно мирно. Я позвонил Эмирику на мобильный, но он не ответил, и я пошел дальше пешком, но вскоре мне стало очевидно, что в этой толпе я никогда его не найду. Возвратившись к машине, я развернулся и поехал по направлению к Пьерфит-ан-Ож, а затем свернул вбок, к холму, возвышавшемуся над пересечением дорог. Не прошло и двух минут с того момента, как

я припарковался, как события начали стремительно развиваться. Небольшой отряд из десятка пикапов, среди которых я узнал “ниссан-навару” Эмерика, медленно двинулся по подъездному пути к повороту на А13. Последняя машина, слегка лавируя, еле успела проскочить под оглушительный вой клаксонов, после чего движение в сторону Парижа было остановлено. Они очень удачно выбрали место, перегородив дорогу в конце почти двухкилометрового прямого отрезка пути, видимость была превосходной, и у водителей было полно времени, чтобы затормозить. В полдень движение было еще свободным, но тем не менее пробка образовалась довольно быстро, раздалось еще несколько разрозненных гудков, и наконец все стихло.

Передовой отряд состоял из двадцати фермеров; восемь из них заняли позиции за своими пикапами, держа на прицеле автомобилистов, от первого ряда машин их отделяло метров пятьдесят. Эмерик стоял в центре со своим “шмайссером” наперевес. Он держался расслабленно и непринужденно и на моих глазах беспечно закурил косяк, насколько я понял, — впрочем, если мне не изменяет память, он ничего другого никогда и не курил. Франк, стоявший справа от него, нервничал, по-моему, гораздо больше, сжимая в руках обыкновенное, судя по всему, охотничье ружье. Остальные фермеры вынимали канистры с соляркой из пикапов, переносили их метров на пятьдесят назад и расставляли по всей ширине трассы.

Они практически закончили, когда вдалеке показался первый БТР спецназа. Их неторопливость стала позже предметом многочисленных пересудов; будучи очевидцем событий, могу сказать, что спецназу дей-

ствительно было трудно сюда пробраться, автомобилисты (большая часть которых затормозила в последний момент, и многие столкнулись на шоссе) отчаянно гудели, но никак не могли сдвинуться с места; спецназовцам бы следовало вылезти из своих БТРов и пойти пешком, это было бы единственным верным решением, вот единственный справедливый упрек, который, мне кажется, можно было сделать командиру взвода.

Одновременно с прибытием спецназа на съезде с автострады, еле помещаясь на нем, появились два полевых гиганта — два комбайна, зерноуборочный и кормоуборочный; кабины машинистов возвышались в четырех метрах над землей. Они грузно припарковались среди канистр, всерьез и надолго; водители спрыгнули вниз и присоединились к своим товарищам; я уже понял, каковы были их намерения, но отказывался в это верить. Чтобы получить подобную технику, им наверняка пришлось обратиться в КАС, Кооператив по аренде сельхозоборудования, скорее всего, в отделение департамента Кальвадос; я вспомнил их помещения неподалеку от РДСЛ и даже лицо дежурной (старой, несчастной разведенной бабы, которой никак не удавалось совсем поставить крест на сексе, что приводило порой к весьма плачевным инцидентам) на мгновение всплыло у меня в воображении. Чтобы получить напрокат комбайны (интересно, какую они лапшу им на уши навешали, сезон силосования давно прошел, не говоря уже об уборке урожая), они должны были, по крайней мере, показать удостоверения личности, иначе никак, эти машины стоили несколько сотен тысяч евро, и они несли за них уголовную от-

ветственность, теперь им не выкрутиться, этот номер у них не пройдет, они вступили на тупиковый путь, а в конце его суицид, вопрос закрыт, *brother*?

Дальнейшие события развивались с потрясающей скоростью, словно тщательно отрепетированная удачная сцена; как только оба водителя присоединились к остальным, рыжеволосый амбал (мне показалось, что я узнал Барнабе, с которым недавно познакомился у Эмерика) вытащил с заднего сиденья своего пикапа ракетницу и, не торопясь, зарядил ее.

Он выпустил две ракеты прямо в топливные баки комбайнов. Те мгновенно вспыхнули, и два гигантских столба пламени ринулись в небо, слились там воедино, выпустив вверх огромное черное облако дыма, поистине дантовское, я никогда бы не подумал, что от солярки может идти такой черный дым. Именно в течение этих нескольких секунд были сняты кадры, напечатанные потом во всех газетах мира, — и в частности, фотография Эмерика, обошедшая множество первых полос от “Коррьере делла сера” до “Нью-Йорк таймс”. Во-первых, он был потрясающе хорош собой, его отечное лицо волшебным образом разгладилось, но главное, он выглядел совершенно спокойно, чуть ли не радостно, его длинные светлые волосы развевались на ветру, который внезапно подул именно в эту минуту; как всегда, у него с губ свисал косяк, он стоял, уперев в бедро свой “шмайссер”, чуть приподняв его; на заднем плане разворачивалась картина, наводящая вселенский, метафизический ужас, на фоне черного дыма корчился столб пламени; в это мгновение Эмерик казался счастливым, ну почти счастливым, во всяком случае, он казался человеком на своем месте, а главное, его взгляд и расслабленная поза выда-

вали совершенно невероятную дерзость, он воплощал один из вечных образов мятежника, поэтому столько новостников по всему миру выбрали эту картинку. А еще — и вряд ли это понял кто-то, кроме меня, — это был тот Эмерик, которого я всегда знал, хороший мужик, мягкий по натуре и даже добрый, он просто хотел жить счастливо, но слишком увлекся своей фермерской мечтой, построенной на разумных объемах производства и качестве продукции, а еще мечтой о Сесиль, а Сесиль оказалась просто жирной сукой, помешанной на лондонской тусовке и своем пианисте, да и Евросоюз тоже оказался жирной сукой, придумал молочные квоты, Эмерик, конечно, не ожидал, что все так повернется.

Тем не менее я не понимаю, никак не могу понять, почему все так повернулось, в его распоряжении были еще разные удобоваримые жизненные схемы, я не думаю, что сильно переборщил с пресловутой молдаванкой, это даже не противоречило “Жокей-клубу”, ведь должна же существовать и молдавская аристократия, где только не водятся аристократы, одним словом, мы уж худо-бедно накропали бы с ним сценарий, но дело в том, что Эмерик внезапно поднял автомат, недвусмысленно прицелился и двинулся вперед, навстречу шеренге полицейских.

Они успели перестроиться во вполне приемлемый боевой порядок; тем временем подъехал еще один БТР, без особых церемоний оттеснив нескольких журналистов, те было запротестовали, но спасовали перед грубой мужской силой, опасаясь получить прикладом по голове, спецназовцам даже не пришлось показывать оружие, все-таки гораздо проще иметь дело с такими пидарасами, короче, они отошли по-

дальше от линии огня (упомянутые журналисты уже строчили в твиттере протесты против посягательства на свободу прессы, но это спецназовцев не касалось, на это существуют специалисты по связям с общественностью).

Как бы там ни было, отряды особого назначения выстроились, по моим оценкам, метрах в тридцати от фермеров. Это был плотный, слегка изогнутый строй, тактически правильный, очерченный сплошным барьером щитов из ударопрочного плексигласа.

Некоторое время я считал, что был единственным свидетелем последующих событий, но оказалось, что нет, оператору *BFM* удалось спрятаться в лесочке на откосе автострады, чтобы его не загреб спецназ, так что он выдал с места события идеальную картинку, его репортаж крутили на канале два часа, потом, публично извинившись, наконец убрали, но было уже поздно, эти кадры просочились в социальные сети и к середине дня набрали уже больше миллиона просмотров; склонность телеканалов к подглядыванию была снова, и на сей раз справедливо, осуждена; уж конечно, лучше бы это видео послужило нуждам следствия, исключительно нуждам следствия.

Удобно держа автомат у живота, Эмерик сделал медленное круговое движение, прицеливаясь во всех спецназовцев по очереди. Они сомкнули ряды, длина строя уменьшилась минимум на метр, плексигласовые щиты с грохотом столкнулись, и воцарилась тишина. Остальные фермеры тоже схватили ружья и, прицелившись, встали рядом с Эмериком; но это были всего лишь охотничьи ружья, и спецназовцам было очевидно, что один только Эмерик из своего “шмайс-

сера” 223-го калибра смог бы пробить их щиты и бронежилеты.

Оглядываясь назад, я думаю, что именно крайняя медлительность Эмерика и спровоцировала трагедию, а также странное выражение его лица — по нему видно было, что он *готов на все*, а люди, *готовые на все*, хоть, к счастью, и немногочисленны, способны все же причинить значительный ущерб, и обычный отряд спецназа, дислоцированный в Кане, знал об этом, но только в теории, они не были подготовлены к противостоянию такой угрозе, бойцы элитных штурмовых частей жандармерии и полиции, вероятно, вели бы себя хладнокровнее, в связи с чем в адрес министра внутренних дел прозвучала резкая критика, но, с другой стороны, кто ж мог подумать, они же шли не на бой с международными террористами, поначалу предполагалась всего лишь обычная демонстрация аграриев. Эмерик, казалось, забавлялся, искренне забавлялся, и вид у него был лукавый, но при этом отрешенный, он витал где-то в заоблачных далях, по-моему, мне никогда еще не приходилось видеть, чтобы человека уносило так *далеко*, я это прекрасно помню, потому что мне вдруг захотелось броситься к нему вниз по склону, и в ту минуту, когда я осознал свое желание, мне стало ясно, что это бесполезная затея, что никакие дружеские, человеческие чувства на этой финальной ноте уже не тронут его.

Он медленно повернулся слева направо, целясь сквозь щит в каждого спецназовца по очереди (они ни в коем случае не могли выстрелить первыми, в этом я был уверен, но это единственное, в чем я был уверен). Затем он повернулся в обратном направлении, справа налево; еще больше замедляя движение, он вер-

нулся на исходную позицию и замер на несколько секунд, я думаю, секунд на пять, не дольше. И тут какое-то другое выражение промелькнуло на его лице, похожее на всепоглощающую боль; он повернул ствол к себе, прижал его к подбородку и нажал на спуск.

Его тело отлетело назад, громко ударившись о металлический кузов пикапа; при этом не было ни крови, ни брызнувших мозгов, ничего такого, все произошло на удивление строго и бесцветно; но никто, кроме меня и оператора *BFM*, не видел, что произошло. Стоя в двух метрах впереди Эмерика, Франк заорал и, не целясь, выстрелил по спецназовцам; еще несколько фермеров мгновенно последовали его примеру. Все это было установлено в ходе следствия при просмотре записи и не подлежало сомнению: спецназовцы не только не убивали Эмерика, вопреки мнению его соратников, но они открыли огонь по демонстрантам только после четырех-пяти выстрелов с их стороны. Другое дело, что, отвечая на удар — и это стало предметом другой, более серьезной полемики, — они не ограничились полумерами: девять фермеров были убиты на месте, десятый скончался ночью в больнице Кана, так же как и боец спецназа, общее число погибших, таким образом, составило одиннадцать человек. Ничего подобного во Франции не случалось очень давно, и уж точно не в связи с демонстрацией фермеров. Я узнал об этом чуть позже, из прессы, в последующие дни. Не знаю, как я умудрился в тот же день вернуться в Канвиль-ла-Рок; наверное, ехал на автопилоте; говорят, практически все можно сделать на автопилоте.

На следующее утро я проснулся очень поздно, меня мучило и буквально трясло, я был не в состоянии поверить, что все это было на самом деле, Эмерик не мог застрелиться, это не могло так закончиться. Однажды я пережил нечто подобное под воздействием ЛСД, давным-давно, но тогда все обошлось, никто не умер, просто одна девица запомнила, дала ли она разрешение выебать себя в зад, короче, подростковые дела. Я запустил кофеварку, проглотил таблетку капторикса, распечатал новый блок "Филип-Морриса", включил *BFM* и обомлел: вчерашние события мне не при-
снились, все оказалось правдой, я прекрасно помнил картинки, которые они сейчас показывали на канале *BFM*, пытаясь снабдить их подходящими политическими комментариями, в любом случае вчерашние столкновения имели место, глухое недовольство животноводов Манша и Кальвадоса вылилось в настоящую трагедию, местный надлом обернулся лавиной беспорядков, это событие постепенно заняло свое место в истории в сопровождении подобающей краткой трактовки. Этот прецедент носит локальный характер, но, безусловно, будет иметь самый широкий резонанс; политические комментарии постепенно множились в информационной сети, их общая тональность меня удивила: как обычно, все хором осуждали насилие, горевали по поводу происшедшей трагедии

и экстремизма отдельных подстрекателей, но, кроме того, в голосе высокопоставленных политиков чувствовалось некоторое смущение, замешательство, как правило им несвойственное, все выступавшие не преминули подчеркнуть, что необходимо все-таки понимать отчаяние и гнев фермеров, в первую очередь производителей молока; скандал с сокращением молочных квот привел к навязчивому, подспудному чувству вины, которое никому не удавалось преодолеть, только “Национальное объединение”¹ заняло вполне четкую позицию по этому вопросу. Невыносимые условия, навязанные производителям молока крупными торговыми сетями, тоже являлись позорным обстоятельством, которое все, за исключением коммунистов — так я узнал, что компартия еще существует и даже имеет своих депутатов, — пытались обходить молчанием. Самоубийство Эмерика, я понял это со смешанным чувством ужаса и отвращения, возможно, будет иметь политические последствия, к которым не привело бы никакое иное событие. Лично я знал наверняка только одно — мне пора уезжать и искать себе другое жилье. Я вспомнил, что в коровнике был интернет, наверное, к нему можно подключиться, что с ним станется.

Во дворе замка был припаркован автомобиль жандармерии. Я зашел во двор. Два жандарма, лет пятидесяти и тридцати пяти, стояли перед арсеналом Эмерика, внимательно изучая его содержимое. На них это величие явно произвело впечатление, они передавали оружие друг другу, вполголоса обменива-

¹ “Национальное объединение” (франц. *Rassemblement national*, до 1 июня 2018 года “Национальный фронт”) — националистическая партия Франции, основанная Жан-Мари Ле Пенем.

ясь замечаниями, наверняка справедливыми, в конце концов, это их работа, и мне пришлось громко поздороваться, чтобы обратить на себя внимание. Когда старший из них повернулся ко мне, я вдруг запаниковал, вспомнив про “штайр-манлихер”, но тут же урезонил себя: они, очевидно, впервые видят оружие Эмерика, и у них нет оснований подозревать, что одной единицы хранения тут не хватает, даже двух, считая “смит-и-вессон”. Естественно, если они проверят разрешения на ношение оружия, сопоставив с тем, что есть в наличии, может возникнуть недоразумение, но поживем — увидим, как сказано у Экклезиаста, ну или приблизительно так. Я объяснил им, что снимаю бунгало, но счел лишним уточнять, что был хорошо знаком с Эмериком. Мне нечего было волноваться, для них я был мелкой сошкой, заурядным туристом, зачем из-за меня усложнять себе жизнь, им и без того есть чем заняться, Манш — мирный департамент с практически нулевой преступностью, Эмерик рассказывал, что местные жители, уходя на целый день, часто оставляют двери открытыми, что стало теперь большой редкостью даже в сельской местности, короче говоря, они явно ни разу еще не сталкивались с подобными эксцессами.

— А, ну да, бунгало... — отозвался старший, словно вернулся из мира грез, они, судя по всему, вообще забыли о существовании бунгало.

— Мне пора уезжать, — продолжил я, — ничего не поделаешь.

— Да, вам пора уезжать, — отозвался старший, — ничего не поделаешь.

— Вы, наверное, проводите тут отпуск? — вмешался молодой. — Не повезло вам.

Мы все втроем согласно покивали, радуясь столь единодушной оценке ситуации.

— Я сейчас вернусь, — немного странно заявил я, чтобы закончить разговор.

Стоя на пороге, я обернулся: они уже снова погрузились в изучение ружей и карабинов.

В коровнике меня встретило протяжное мычание, тревожное и жалобное; ну, понятно, подумал я, они не доены и не кормлены с самого утра, наверное, их и вчера вечером надо было покормить, я ничего не знал о режиме питания коров.

Я вернулся в замок и подошел к жандармам, замершим перед стойкой с оружием; они, казалось, так и не очнулись от своих тягостных раздумий, скорее всего баллистического и технического характера, прикидывая, возможно, что, если все местные фермеры так прекрасно вооружены, им придется несладко в случае серьезных беспорядков. Я проинформировал их о состоянии коров.

— А, ну да, коровы, — скорбно проговорил старший, — что же делать с коровами?

Мне откуда знать, может, покормить их или позвать кого-то, кто умеет это делать, это их проблемы, я-то тут при чем.

— Ну все, я поехал, — продолжал я.

— Да, конечно, поезжайте, — поддакнул младший, как будто это само собой разумелось, как будто он даже обрадовался моему отъезду. Ну, так я и думал, зачем нам лишние проблемы, казалось, говорил мне жандарм, у них наверняка голова шла кругом от масштаба событий, и, кроме того, они понимали, как въедливо будет полицейское начальство изучать их ра-

порт об “аристократе, павшем в борьбе за дело крестьянства”, как его уже назвали в некоторых газетах, так что я направился к своему “мерседесу”, не обменявшись с ними больше ни единым словом.

У меня уже не осталось сил на поиски в интернете нового пристанища, особенно под аккомпанемент жалобного мычания, у меня вообще ни на что не осталось сил, я проехал несколько километров наугад, почти в полной отключке, бросив остатки своих перцептивных способностей на поиск отеля. Первой мне попалась “Гостиница на заливе”, я даже не обратил внимания на название деревни, хозяин позже сообщил, что мы находимся в Реневиль-сюр-Мер. Два дня я провалился в прострации у себя в номере, аккуратно принимая капторикс, но мне так и не удалось встать, умыться и даже разобрать чемодан. Думать о будущем я был не в состоянии, впрочем, о прошлом тоже, да и о настоящем не особенно, но главную проблему составляло ближайшее будущее. Чтобы хозяин гостиницы не встревожился, я сказал, что, будучи другом одного из фермеров, убитых на демонстрации, я стал очевидцем этих событий. Его довольно любезное лицо мгновенно омрачилось; очевидно, как и все местные жители, он принял сторону фермеров. “Я считаю, они правильно поступили! — решительно заявил он. — Сколько можно терпеть, есть неприемлемые вещи, на которые рано или поздно надо реагировать...” Я был совершенно не склонен ему возражать, тем более что в глубине души с ним согласился.

К вечеру следующего дня я все-таки встал, чтобы что-нибудь съесть. На выезде из деревни я обнаружил маленький ресторанчик “У Маривон”. Слух о на-

шей дружбе с месье д'Аркуром уже явно разошелся по округе, так что хозяйка приняла меня уважительно и благосклонно, несколько раз обеспокоенно справившись, не надо ли мне еще чего-нибудь, не беспокоят ли меня сквозняки, и так далее. Народу тут было немного, в основном местные крестьяне, пившие белое вино у барной стойки, еду заказал только я. Время от времени они тихо переговаривались, я несколько раз разобрал слово “спецназ”, произнесенное гневным тоном. Вокруг меня в этом кафе царила странная, какая-то дореволюционная атмосфера, словно 1789 год лишь слегка задел его, мне показалось, что вот-вот какой-нибудь крестьянин назовет Эмерика “наш господин”.

На следующий день я отправился в Кутанс, утопавший в таком тумане, что шпили собора, надо сказать весьма элегантного, еле угадывались, город в целом оказался мирным, зеленым и красивым. Я купил в киоске “Фигаро” и раскрыл его, сев в “Таверне дю парви”, большом ресторане прямо на соборной площади, который оказался к тому же и отелем, обставленным в стиле начала века, с деревянными креслами, обитыми кожей, и светильниками ар-нуво, — судя по всему, я попал в *the place to be* Кутанса. Я пытался найти аналитический обзор событий или, по крайней мере, официальную позицию республиканцев¹, но ничего такого не обнаружил, зато подробная статья была посвящена Эмерику, похороны которого состоялись накануне, отпевали его в соборе Байё в присутствии “многочисленной толпы скорбящих”, уточняла газета. Подзаголовок “Трагиче-

1 *Республиканцы (франц. Les Républicains)* — французская правоцентристская партия, существует с 2015 года.

ский конец великого французского рода” показался мне чрезмерным, все-таки у Эмерика остались две сестры, но, может быть, дело было в наследовании дворянских титулов — в этом я ничего не смыслю.

Я нашел интернет-кафе в соседнем квартале, им управляли два араба, похожие как две капли воды, наверное близнецы, их салафитский прикид был настолько вызывающим, что они, скорее всего, были безвредны. Я нафантазировал себе, что они неженаты и живут вместе или, может быть, женаты на двойняшках и живут через стенку, ну, какие-то такие отношения.

Сайтов было хоть отбавляй, теперь сайты создаются по любому поводу, я нашел свое счастье на *aristocrates.org* или, возможно, на *noblesse.net*, уже не помню. Я знал, что Эмерик происходил из древнего рода, но понятия не имел, до какой степени древнего, и, надо сказать, был впечатлен. Основателем династии являлся некий Бернар Датчанин, сподвижник Роллона, вождя викингов, который в 911 году получил во владение Нормандию согласно договору, заключенному в Сен-Клер-сюр-Эпте. Впоследствии братья Эрран, Робер и Анктиль д’Аркур сражались в Англии бок о бок с Вильгельмом Завоевателем. В награду они получили обширные земли по обе стороны Ла-Манша и, соответственно, испытали некоторые затруднения при выборе позиции во время англо-французской войны; в итоге они остановились на Капетингах, отринув Плантагенетов, в общем, за исключением Годфруа д’Аркура по прозвищу Хромой, сыгравшего довольно неоднозначную роль в сороковых годах четырнадцатого века, за что он и был раскритикован Шатобрианом с присущим тому пафосом, — не считая его, все они стали верными слугами французской короны, по-

дарив стране немереное количество послов, прелатов и военачальников. Но все же оставалась еще и английская ветвь, девиз которой “Наступят добрые времена” не очень соответствовал обстоятельствам. Внезапная смерть Эмерика в открытом кузове пикапа “ниссан-навар”, на мой взгляд, противоречила, но в то же время вполне отвечала предназначению его семейства. Интересно, что сказал бы его отец; он умер с оружием в руках, встав на защиту французского крестьянства, что издавна являлось миссией дворян; с другой стороны, он совершил самоубийство, что никак не походило на кончину рыцаря-христианина; было бы предпочтительней в конечном счете, чтобы он отправил к праотцам пару-тройку спецназовцев.

Поиски отняли у меня немало времени, один из братьев предложил мне мятный чай, от которого я отказался, терпеть его не могу, а вот на газировку согласился. Наслаждаясь *Sprite Orange*, я вдруг сообразил, что мой первоначальный план состоял в поисках жилья, желательно где-нибудь неподалеку, — мне бы не хватило духу вернуться сейчас в Париж, да и зачем, собственно, — и желательно уже сегодня. Точнее говоря, мне хотелось бы снять деревенский домик в районе Фалез; еще через час с лишним я наконец нашел подходящее место: деревня, расположенная между Флером и Фалезом, носила причудливое название Путанг, как тут не перефразировать Паскаля: “Женщина — ни ангел, ни путана” и так далее, и “та, что хочет стать ангелом, становится шлюхой”; правда, смысл оригинального высказывания¹ всегда от меня усколь-

1 “Человек — ни ангел, ни животное; к несчастью, тот, кто хочет стать ангелом, становится животным”. Блез Паскаль, Мысли. Перевод Ю. Гинзбург.

зал; что, интересно, Паскаль имел в виду? Отсутствие сексуальной жизни, видимо, приближало меня к ангелам, по крайней мере, это мне подсказывали слабые проблески моих знаний в области ангелологии, но с чего бы мне вдруг звереть? Вот вопрос.

Как бы то ни было, владельцу я дозвонился сразу, да, дом свободен на неопределенное время, можно приехать хоть сегодня вечером, если я пожелаю, только попасть туда непросто, предупредил он, дом стоит посреди леса, и мы договорились встретиться в шесть вечера у церкви Путанга.

Ну, раз посреди леса, то мне надо запастись провизией. Разнообразные рекламные щиты сообщили мне, что в Кутансе имеется торговый центр “Леклерк” вкупе с автомобильным кинотеатром “Леклерк”, заправочной станцией “Леклерк”, культурным центром “Леклерк” и туристическим агентством — опять же “Леклерк”. Не хватало разве что похоронного бюро “Леклерк”, но и только.

Ни разу нога моя не переступала порог ни одного из торговых центров “Леклерк”, и это в моем-то возрасте. Я был ослеплен. Я представить себе не мог, что существуют столь богато укомплектованные магазины, в Париже ни о чем подобном и помыслить нельзя. К тому же я провел детство в Санлисе, обветшавшем, буржуазном городе, в некотором смысле даже анахроничном — и мои родители до самой смерти упорно старались поддерживать своими покупками существование местной лавочки. А уж о Мерибеле и говорить нечего, это совершенно искусственное место, фальшивое, защищенное от реального потока

товаров мирового производства, чистый выпендрей для туристов. Торговый центр “Леклерк” в Кутансе — другое дело, вот что значит массовая, действительно массовая торговля. На бесконечных стеллажах были разложены продукты со всех континентов, и у меня голова пошла кругом при мысли о необходимой логистике и гигантских контейнеровозах, бороздящих неведомые океанские просторы.

Взгляни на канал,
Где флот задремал:
Туда, как залетная стая,
Свой груз корабли
От края земли
Несут для тебя, дорогая¹.

Прошлявшись так целый час и заполнив тележку больше чем наполовину, я не мог удержаться от мыслей о потенциальной молдаванке, счастье которой мог бы, да и должен был бы, составить Эмерик, и вот теперь она угасала в глухом закоулке родной Молдавии, даже не подозревая о существовании этого рая — “мира таинственной мечты” — и это еще слабо сказано. “Неги, ласк, любви и красоты”² — вот оно. Бедная молдаванка и бедный Эмерик.

¹ Ш. Бодлер. Приглашение к путешествию. Перевод Д. Мережковского.

² Там же.

Дом находился в деревне Сент-Обер-сюр-Орн, относящейся к коммуне Путанг, но не все навигаторы ее учитывают, объяснил мне владелец. Ему было за сорок, как и мне, седые волосы были подстрижены очень коротко, почти ежиком, как у меня, и выглядел он довольно уныло, как, боюсь, и я; он приехал за рулем “мерседеса” G-класса — еще одна точка соприкосновения, благодаря которой между мужчинами среднего возраста могут возникнуть зачатки коммуникации. Более того, у него был “мерседес G 500”, у меня G 350, что устанавливало между нами вполне приемлемую мини-иерархию. Он приехал из Кана; интересно, кто он по профессии, мне никак удавалось угадать, что он собой представляет. Оказалось, архитектор. Архитектор-неудачник, уточнил он. И добавил: как, впрочем, и большинство архитекторов. Он, в частности, приложил руку к отелю “Апарт-Сити” в северной промзоне Кана, где Камилла прожила неделю, перед тем как на самом деле войти в мою жизнь; так что похвастаться нечем, признался он; и правда нечем, золотые слова.

Он, конечно, поинтересовался, надолго ли я собираюсь тут задержаться; хороший вопрос, на три дня или на три года, трудно сказать. Но мы быстро договорились о помесечной аренде, продлеваемой по умолчанию, платить я буду в начале каждого ме-

сяца, можно чеком, он положит его на счет компании. Даже не с целью сэкономить на налогах, добавил он с отвращением, просто от заполнения декларации охренеть можно, никогда не знаешь, к какой графе это относится, к *BZ* или *BY*, проще всего вообще ничего не указывать; его раздражение меня не удивило, я уже не раз замечал такое у представителей свободных профессий. Сам он в этот дом давно не ездил и склонен был думать, что уже никогда сюда не вернется; два года назад он развелся и с тех пор утратил интерес к недвижимости, да и ко многому другому тоже. Схожесть наших жизней начинала меня тяготить.

Желающих снять дом было немного, до наступления лета во всяком случае, и он обещал немедленно убрать объявление с сайта. Хотя и летом спрос невелик.

— Здесь нет интернета, — с внезапной тревогой сказал он, — надеюсь, вы в курсе, по-моему, я указал это в объявлении.

Я ответил, что да, в курсе, и меня это устраивает. Тут в его глазах, мне показалось, промелькнул страх. Люди, страдающие депрессией, которые хотят уединиться на несколько месяцев в лесу, чтобы “разобраться в себе”, — обычное дело; но если они к тому же не моргнув глазом соглашаются прожить без интернета неопределенный промежуток времени, значит, им совсем хреново — вот что я прочел в его взволнованном взгляде.

— Кончать с собой я не собираюсь, — обещал я с обезоруживающей, хотелось надеяться, улыбкой, но она явно его не убедила. — Ну, не прямо сейчас, во всяком случае, — добавил я примирительно.

Он что-то буркнул и перешел к чисто техническим вопросам, но и тут, в принципе, все оказалось

просто. Электрорадиаторы оснащены термостатом, чтобы выставить нужную температуру, поверните колесико; вода нагревается бойлером, тут вообще ничего не надо делать. Если захочется, можно развести огонь в камине; он показал мне зажигалку и запас дров. Сеть тут все время скачет, *SFR* совсем не ловится, *Boiugies* вполне прилично, про *Orange* он не помнит. Зато у него имеется домашний телефон, счетчик он, правда, не стал устанавливать, ему вообще приятнее строить отношения с людьми на доверии, признался он и махнул рукой, словно подшучивая над собственной установкой, и выразил надежду, что я не буду все ночи напролет разговаривать с Японией.

— Да уж, с Японией точно не буду, — отрезал я довольно по-хамски, что совершенно не входило в мои планы. Он нахмурился, явно не решаясь спросить, в чем дело, и разузнать побольше, но через пару секунд отказался от этой идеи, повернулся и пошел к своему “мерседесу”. Я подумал тогда, что мы еще увидимся, познакомимся поближе, но перед тем, как включить мотор, он вручил мне свою визитку: “Посылайте чеки по этому адресу...”

И вот я один на земле, как писал Руссо, без брата, без ближнего, без друга — без иного собеседника, кроме самого себя¹. С этим не поспоришь, но в следующем предложении Руссо провозглашает себя “самым общительным и любящим среди людей”. Это был совсем не мой случай; я рассказал об Эмерике, о некоторых женщинах, но в итоге список получился весьма кратким. В отличие от Руссо, я не мог сказать,

¹ Ж.-Ж. Руссо. Прогулки одинокого мечтателя. Перевод Д. Горбова.

что “оказался по единодушному согласию изгнанным из их среды” и люди никогда против меня не объединялись; просто так вышло, что ничего не вышло, моя и без того ограниченная связь с миром постепенно выветрилась, и теперь уже ничто не могло прервать мое падение.

Я подкрутил колесико термостата и решил уже пойти спать или хотя бы полежать, спать — другое дело, зима была в самом разгаре, дни уже начали прибавляться, но ночь обещала быть долгой, а уж в лесной чаще и вообще непроглядной.

Наконец я погрузился в мучительный сон — не без щедрой помощи кальвадоса *hors d'âge* из торгового центра “Ле-клерк” в Кутансе. Я внезапно проснулся посреди ночи, притом что мои сновидения ничему такому не способствовали, от ощущения, что кто-то слегка коснулся меня или погладил по плечу. Я вскочил, походил туда-сюда по комнате, чтобы успокоиться, за окном было темно, хоть глаз выколи, наверное новолуние, поэтому и луны совсем не видно, подумал я, и звезд тоже, слишком низкая облачность. Было два часа, еще и полночи не прошло, это время утренней службы в монастырях; я зажег все имеющиеся лампы, но так и не смог совладать с собой: мне снилась Камилла, это очевидно, Камилла во сне погладила меня по плечу, как делала это каждую ночь еще несколько лет назад, на самом деле много лет назад. Уповать на счастье, пожалуй, бесполезно, но я все еще тешил себя надеждой, что мне удастся избежать по меньшей мере самой банальной деменции.

Я снова лег и обвел взглядом комнату: она образовывала идеальный равносторонний треугольник, две наклонных стены сходились в центре конькового бруса. И тут я понял, что ловушка захлопнулась: в Клеси, в точно такой же комнате, я каждую ночь ложился спать с Камиллой первые три месяца нашей совместной жизни. В этом совпадении в принципе

не было ничего удивительного, все нормандские дома такого типа построены более или менее по одному образцу, к тому же я находился сейчас всего в двадцати километрах от Клеси; просто я не был к этому готов, снаружи дома ничем не напоминали друг друга, в Клеси мы жили в фахверковом доме, здесь же стены были сложены из колотого камня — возможно песчаника. Я поспешно оделся и спустился в столовую, там был собачий холод, огонь в камине так и не разгорелся, у меня никогда с огнем не складывалось, я понятия не имею, как следует укладывать пирамиду из поленьев и веточек, что является просто очередным пунктом в длинном перечне различий между мной и эталоном настоящего мужчины — возьмем для наглядности Харрисона Форда, — на которого я хотел бы походить, но в данный момент он был ни при чем, мое сердце скрутило в мучительном спазме, воспоминания хлынули непрерывным потоком, нас убивает не будущее, а прошлое, оно возвращается, терзает, точит и в конце концов и правда убивает. Столовая тоже была точь-в-точь как та, где три месяца подряд мы ужинали с Камиллой, предварительно наведавшись в деревенскую колбасно-мясную лавку, в столь же деревенскую булочную-кондитерскую и заехав за овощами к местным фермерам, после чего она *принималась стряпать* с воодушевлением, которое мне теперь так больно вспоминать. Я узнал набор медных кастрюль, мягко сиявших на каменной стене. Я узнал буфет из цельного ореха и полки с прорезями, чтобы красивее смотрелся руанский фаянс с ярким наивным рисунком. Я узнал дубовые часы контуаз с навсегда застывшей стрелкой, указывающей на определенное мгновение прошлого, — случилось, стрелки

останавливали на минуте смерти сына или близкого родственника; либо в тот момент, когда в 1914 году Франция объявила войну Германии; либо в тот момент, когда маршал Петен был наделен неограниченными полномочиями.

Мне стало совсем неважно, и я схватил большой металлический ключ, открывающий доступ в другое крыло, в настоящее время малоприспособленное для жилья, предупредил меня архитектор, обогреть его невозможно, но если я останусь до лета, то смогу им воспользоваться. Я попал в просторную комнату, которая, должно быть, в доброе старое время считалась тут главной, а теперь была завалена садовыми креслами и стульями, но одну стену доверху занимали полки с книгами, среди которых я с удивлением обнаружил том полного собрания сочинений маркиза де Сада. Наверное, это было издание девятнадцатого века, в *цельнокожаном переплете*, с разнообразными позолоченными узорами на обресе и задней крышке, эта хрень наверняка стоит целое состояние, мелькнула у меня мысль, пока я листал книгу, украшенную многочисленными гравюрами, впрочем, в основном на гравюрах я и задерживал свой взгляд, как это ни странно, совершенно не понимая, что к чему, на них изображались разнообразные сексуальные позы, количество участников варьировалось, но мне никак не удавалось ни вписать себя в эту сцену, ни вообразить, какое бы место я мог в ней занять, и, решив не тратить времени попусту, я поднялся в мезонин; наверху когда-то обстановка была явно поприкольнее, более *funky*, что ли, от нее остались лишь опрокинутые на пол, выпотрошенные диваны с заплесне-

велой обивкой. А главное, там стоял проигрыватель с целой коллекцией пластинок, в основном на сорок пять оборотов с записями твиста, как я определил после минутного замешательства, ориентируясь по позам танцоров на обложках, что же касается исполнителей и музыкальных групп, то они окончательно канули в забвение.

Я вспомнил, что архитектор, объясняя мне, что как тут функционирует, уложился максимум минут в десять и чувствовал себя не в своей тарелке, несколько раз повторив, что предпочел бы продать дом, если бы не все эти заморочки с нотариусом и прочее, а главное, если бы ему подвернулся покупатель. И правда, дом был с историей, но очертания его прошлого, между маркизом де Садом и твистом, мне трудно было воссоздать — того прошлого, от которого он жаждал избавиться, притом что никакое будущее не маячило на горизонте, но, во всяком случае, ничто из того, что я обнаружил в этом крыле, не напоминало мне наш дом в Клеси, тут чувствовалась иная патология, иная история, и я снова лег спать, почти примирившись с жизнью, ведь ничто так не утешает нас, как осознание того, что, кроме наших собственных драм, существуют и другие драмы, обошедшие нас стороной.

Н а следующее утро получасовая прогулка привела меня на берег Орна. Сама дорога не представляла ни малейшего интереса, разве что для тех, кто интересуется процессом превращения палых листьев в перегной, — когда-то, двадцать с лишним лет тому назад, это был как раз мой случай, я даже произвел тогда различные расчеты, вычисляя зависимость количественных показателей перегноя от плотности напочвенного покрова. Обрывки смутных расплывчатых знаний стали возвращаться ко мне из студенческих лет, например, у меня сложилось впечатление, что за этим лесом совсем не следят, — тут все заросло лианами и растениями-паразитами, что не может не препятствовать росту деревьев; ошибочно считать, что природа, предоставленная самой себе, породит на свет великолепные высокоствольные леса с мощными статными деревьями, которые порой уподобляли соборам и испытывали к ним поистине религиозные чувства пантеистического толка; природа, предоставленная самой себе, не производит, в общем, ничего, кроме бесформенного, хаотичного месива из разнообразных растений, как правило довольно уродливых; именно это зрелище предстало моим глазам по пути к берегам Орна.

Владелец дома посоветовал мне воздержаться от кормления косуль, если таковые мне вдруг встретятся. Не то чтобы подобная фамильярность каза-

лась ему оскорблением их звериного достоинства (он нетерпеливо пожал плечами, словно подчеркивая абсурдность такого предположения), косули, как и большинство диких животных, — всеядные приспособленцы и метут все подряд, они только и мечтают наткнуться на остатки пикника или разодранный мешок с мусором; начнешь их кормить, так они и будут сюда таскаться каждый божий день, потом их не отвадишь, они такие, косули эти, ты их в дверь, они в окно. Однако если их грациозные легкие прыжки пленяют меня настолько, что во мне разыгрывается любовь к животным, он посоветовал бы мне угощать их булочками с шоколадом, они буквально обожают булочки с шоколадом, — в отличие, скажем, от волков, падких на сыр, но волки тут не водятся, так что пока косули могут жить спокойно, еще немало лет пройдет, прежде чем волки спустятся сюда с Альп или придут из Жеводанского заповедника.

Никакие косули мне не попались. И вообще мне не попалось ничего, что могло бы хоть как-то оправдать мое присутствие в этом доме, затерянном в глухом лесу; чему быть, того не миновать, подумал я, доставая бумажку с адресом и телефоном ветеринарного кабинета Камиллы, которые я откопал в интернете на компьютере Эмерика, сидя в его кабинете в коровнике, как же давно это было, чуть ли не в предыдущей жизни, хотя с тех пор прошло всего-навсего два месяца.

От Фалеза меня отделяло километров двадцать, не больше, но я потратил на дорогу почти два часа. Я долго сидел в машине, припарковавшись на центральной площади Путанга, любясь отелем *Lion*

Verd, не имея на то никаких других причин, кроме его причудливого названия, — с другой стороны, неужели *Lion Vert*¹ показался бы мне более уместным? Затем я остановился, уже совсем беспричинно, в Базош-о-Ульме. Тут заканчивалась Нормандская Швейцария с ее пересеченной местностью и извилистыми тропами, и последние десять километров до Фалеза я ехал по ровному, прямому участку дороги, мне казалось, будто я скольжу вниз по склону, и я вдруг заметил, что машинально увеличил скорость до ста шестидесяти, это было глупейшей ошибкой с моей стороны, именно в таких местах и ставят радары, к тому же мое плавное скольжение только приближало меня к провалу, Камилла, скорее всего, живет совсем другой жизнью, наверное, у нее кто-то есть, лет семь прошло, на что я, интересно, надеялся?

Я припарковался у окружавшей Фалез крепостной стены, над которой возвышался замок, где появился на свет Вильгельм Завоеватель. План Фалеза был предельно прост, и я быстро нашел ветеринарный кабинет — он находился на площади Доктора Поля Жермена, в конце улицы Сен-Жерве — судя по всему, одной из главных торговых улиц города, — возле одноименной церкви, раннеготические фундаменты которой сильно пострадали при осаде крепости Филиппом Августом. Я дошел до того, что готов был просто войти и попросить ее вызвать. Любой другой на моем месте так бы и поступил, да и я тоже в конце концов решился бы после долгих раздумий, лишенных как смысла, так и интереса. Я категорически отмел возможность ей позвонить; чуть дольше я задержался на мысли

¹ *Verd* — старофранцузское написание слова *vert*, зеленый; *lion vert* — зеленый лев (франц.).

написать ей письмо, личные письма стали такой редкостью, что на них нельзя не обратить внимание, и только сознание собственной неискренности в этом вопросе вынудило меня отказаться от своей затеи.

Через дорогу от клиники находился бар “Герцог Нормандский”, вот на нем я и остановился, решив, что лучше пересажу там, пока новый прилив сил, воля к жизни или что-нибудь еще в том же духе не заставит меня изменить решение. Я заказал пиво, первое, но, понятное дело, далеко не последнее, на часах было всего одиннадцать утра. Бар оказался крошечный, всего на пять столиков, и я был единственным посетителем. Отсюда мне открывался прекрасный вид на ветеринарный кабинет, время от времени туда заходили люди в сопровождении домашних животных — чаще всего собак, иногда сидевших в сумке, и обменивались соответствующими репликами с дежурной в регистратуре. В бар тоже время от времени забредали клиенты, устраивались у стойки в нескольких метрах от меня и заказывали кофе с каким-нибудь крепким напитком, в большинстве своем это были старики, но они и не думали садиться за столик, предпочитая выпивать у бара, я понимал и уважал их выбор, это были мужественные старики, им хотелось доказать, что есть еще порох в пороховницах, что седалищно-голенные мышцы их не подведут и рано еще сбрасывать их со счетов. Пока эти прекрасные клиенты поигрывали бицепсами, патрон страшно медленно, словно священнодействуя, продолжал чтение “Пари-Норманди”.

Когда я допивал третью кружку пива, слегка утратив бдительность, перед моим взором предстала Камилла. Она вышла из кабинета, где принимала паци-

ентов, что-то сказала регистраторше — ну конечно, ведь уже обеденный перерыв. Она стояла всего метрах в двадцати от меня, не больше, она не изменилась, внешне совсем не изменилась, мне даже страшно стало, ей уже перевалило за тридцать пять, а она по-прежнему выглядела девятнадцатилетней девочкой. Сам-то я изменился внешне, я ведь знал, что *сдал* за это время, потому что иногда мне попадалось мое отражение в зеркале — я встречался с ним без восторга, но и без особого отвращения, как сталкиваешься с не слишком докучливым соседом по лестничной площадке.

Этого мало, на ней были джинсы и светло-серая толстовка, как в тот ноябрьский понедельник, когда она сошла с утреннего парижского поезда, с сумкой через плечо, за мгновение до того, как наши глаза встретились и впились друг в друга на несколько секунд или минут, в общем, на неопределенное время, пока она не сказала: “Я Камилла”, — дав таким образом толчок дальнейшему развитию событий, созданию новой экзистенциальной конфигурации, из которой я так и не вышел и, возможно, не выйду никогда, да, по правде говоря, вовсе и не собираюсь выходить. Я было запаниковал, когда они остановились поговорить на тротуаре: неужели собрались пообедать в “Нормандском герцоге”? Случайная встреча с Камиллой казалась мне худшим из возможных вариантов, провал был обеспечен. Но нет, они пошли по улице Сен-Жерве, да и присмотревшись к “Нормандскому герцогу”, я понял, что опасения мои были напрасны, тут не предлагали вообще никакой еды, даже сэндвичей, *обеденный наплыв* посетителей патрону не грозил, так что он преспокойно штудировал “Пари-Норманди”, испытывая к этой

газете, по-моему, какой-то чрезмерный, патологический интерес.

Решив не дожидаться возвращения Камиллы, я расплатился и в состоянии легкого опьянения вернулся домой в Сент-Обер-сюр-Орн, к треугольной комнате, медным кастрюлям на стенах, а проще говоря, к своим воспоминаниям, так что оставшейся бутылки “Гран Марнье” оказалось недостаточно, моя тревога росла с каждым часом, накатывая резкими волнами, с одиннадцати вечера начались приступы тахикардии, сопровождавшиеся обильной испариной и дурнотой. К двум часам утра я понял, что от этой ночи я никогда полностью не оправлюсь.

Так и вышло, именно с этого момента я перестал отдавать себе отчет в своих действиях, затрудняясь определить их мотивы, притом что они явно начинали противоречить общепринятой морали и, более того, здравому смыслу, которым, как мне казалось, я был наделен. Я никогда не считал себя — и довольно внятно это уже объяснил, я надеюсь, — сильной личностью, не принадлежал, как говорится, к числу людей, оставляющих неизгладимый след в истории или хотя бы в памяти современников. Вот уже несколько недель, как я снова взялся за чтение — ну если так можно выразиться; свое читательское любопытство неумным я бы не назвал, фактически я читал только “Мертвые души” Гоголя, небольшими порциями, по одной-две страницы в день, не более, и часто перечитывал их заново несколько дней подряд. Это чтение доставляло мне бесконечное наслаждение, никогда еще, мне кажется, ни с одним человеком я не ощущал такой близости, как с этим русским писателем, несколько подзабытым, хотя, в отличие от Гоголя, я вряд ли сказал бы, что Бог дал мне многостороннюю природу¹. Бог дал мне природу простую, даже, на мой взгляд, простейшую; скорее мир вокруг меня стал сложносочиненным, и вот я достиг состояния чрезмерной сложности мира,

¹ Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”.

и с этой сложностью мира, в который я погрузился с головой, мне было уже не справиться, в связи с чем мое поведение, которое я вовсе не оправдываю, стало необъяснимым, скандальным и непоследовательным.

На следующий день я приехал в “Нормандский герцог” к пяти часам пополудни, хозяин бара уже привык ко мне, накануне он еще слегка удивился, сегодня отнюдь, и сразу потянулся к рычагу пивного крана, не дав мне даже открыть рот, и я сел за тот же столик, что и вчера. Приблизительно в четверть шестого девочка лет пятнадцати вошла в кабинет, держа за руку ребенка, маленького мальчика лет трех-четырёх; Камилла появилась в приемной и, взяв его на руки, покружилась с ним, осыпая его поцелуями.

Итак, ребенок, у нее был ребенок; вот так новость, как говорится. Мне следовало этого ожидать, женщинам свойственно иногда рожать детей, но это последнее, что могло прийти мне в голову. И, честно говоря, прежде всего я подумал не о самом ребенке; как правило, для появления ребенка на свет нужны двое, вот о чем я подумал, — как правило, но не всегда, в наши дни медицина предлагает разные возможности, я знал о них понаслышке и, конечно, предпочел бы, чтобы ее ребенок родился в результате искусственного оплодотворения, тогда бы он показался мне, образно говоря, *невсамделишным*, но, увы, пять лет назад Камилла купила билет на поезд и билет на фестиваль “Старый плуг” в самый разгар овуляции и, познакомившись на концерте с каким-то мужиком, переспала с ним, название группы она не запомнила. Нет, его нельзя назвать уж совсем первым встречным, парень был ни урод, ни мудак, а просто студент коммерческой

школы. Единственная загвоздка состояла в том, что он оказался фанатом хеви-метала, но ведь нет пророка без порока, к тому же для фаната хеви-метала он был весьма вежлив и опрятен. Дело было в его палатке, стоявшей на лугу в нескольких километрах от концертных площадок; все прошло ни хорошо, ни плохо, скажем так, сносно; вопрос о презервативе они благополучно обошли стороной, с мужиками так всегда. Она проснулась первой и, вырвав листок из своего блокнота *Rhodia*, оставила его на видном месте, написав выдуманный номер мобильного, что было явно излишней предосторожностью, вряд ли он собирался ей звонить. До станции пришлось тащиться пять километров пешком, в остальном все было прекрасно, стояло погожее летнее утро, безоблачное и приятное.

Ее родители отнеслись к этой новости с пониманием, мир изменился, они это признавали — не факт, что в лучшую сторону, считали они в глубине души, — но изменился, что поделать, новое поколение выбирает теперь какие-то причудливые окольные пути для исполнения своей репродуктивной функции. Так что они согласно покивали в ответ, независимо друг от друга, но в разном расположении духа: у отца преобладало все-таки чувство стыда от сознания, что он хоть и частично, но все же провалил свою воспитательную миссию и все могло бы произойти по-другому; ну а мать, в сущности, уже полностью предалась радостному ожиданию внука, ибо она знала, что будет мальчик, она тут же это поняла, и не ошиблась — родился действительно мальчик.

Около семи вечера Камилла вышла вместе с регистраторшей, которая тут же свернула на улицу Сен-Жерве,

а Камилла заперла двери кабинета и села за руль своего “ниссана-микры”. Я вообще-то собирался последовать за ней, то есть такая мысль мелькнула у меня днем, но я оставил машину у городских укреплений, слишком далеко, у меня не было времени идти за ней, да и сил тоже; нет, только не сегодня, к тому же она с ребенком, сложившаяся ситуация требовала пересмотра, так что сейчас правильнее будет отправиться в “Карфур Маркет” за бутылкой “Гран Марнье”, скорее даже за двумя бутылками.

Вряд ли в субботу ветеринарный кабинет Камиллы закрыт, рассуждал я на следующий день; возможно, как раз в субботу у нее больше всего пациентов, если заболевает собака, хозяева ждут, они ждут, когда у них выйдет свободное время, так, по идее, устроена жизнь человека. А вот школа, детский сад или прогулочная группа ее сына сегодня, скорее всего, выходные, и, надо полагать, она воспользуется услугами бебиситтера, то есть предположительно появится одна, что представлялось мне благоприятным стечением обстоятельств.

Я приехал к половине двенадцатого — на случай если в субботу во второй половине дня она не работает, что, конечно, маловероятно. Хозяин бара покончил с “Пари-Норманди”, но тут же погрузился в столь же подробное изучение “Франс Футбол”, он был вдумчивым читателем, такие попадаются, я сам знал людей, которые не ограничиваются чтением крупных заголовков, заявлений Эдуара Филиппа или информации о стоимости трансфера Неймара, им надо докопаться до сути вещей; вот таким людям мы и обязаны просвещенным общественным мнением, на них зиждется представительная демократия.

Посетители шли к Камилле один за другим, стройным потоком, но она закрыла кабинет раньше, чем накануне, часов около пяти. На этот раз я поставил свой “мерседес” на боковой дорожке, в нескольких метрах от ее машины, и в первый момент испугался, что она его узнает, да нет, вряд ли. Двадцать лет назад, когда я его купил, “мерседес” G-класса был большой редкостью, его приобретали, собираясь путешествовать по Африке или на худой конец по Сардинии; но потом он вошел в моду, всем понравилась его винтажность, в общем, он стал теперь излюбленным автомобилем понтярщиков.

Она повернула к Базош-о-Ульму, и в ту самую минуту, когда ее машина поехала по направлению к Рабоданжу, я понял, что она живет одна с сыном. И мои пожелания были тут ни при чем: это была интуитивная, безграничная уверенность, хоть и абсолютно беспочвенная.

На трассе, ведущей в Рабоданж, мы оказались одни, и я значительно отстал, чтобы дать ей возможность оторваться; в сгущавшемся тумане я едва различал свет ее задних фар.

К берегу озера Рабоданж я приехал на закате и обомлел — оно тянулось на многие километры по обе стороны моста, среди густых дубовых и вязовых лесов; возможно, это было водохранилище; вокруг я не заметил никаких следов человеческого присутствия, во Франции подобных пейзажей мне видеть не приходилось, скорее эти места напоминали Норвегию или Канаду.

Я припарковался на вершине холма, позади закрытого на зиму бара-ресторана, с террасы которого открывался “панорамный вид на озеро”, дирекция утверждала, что обязуется организовывать банкеты

на заказ и летом в любое время дня подавать мороженое. Автомобиль Камиллы въехал на мост; я вынул из бардачка бинокль *Schmidt & Bender* — теперь я не боялся ее потерять, догадавшись, куда она направляется: по ту сторону моста, в нескольких сотнях метров от него, виднелось маленькое деревянное шале; терраса на фасаде выходила на озеро. Это шале на склоне холма, затерянное среди лесов, очень напоминало кукольный домик, окруженный людоедами.

Переехав мост, “ниссан-микра” спустился по узкой дорожке и остановился прямо под террасой. Камиллу встретила девочка лет пятнадцати — та самая, что я видел накануне. Они обменялись парой слов, и няня уехала на скутере.

Итак, Камилла живет здесь, в уединенном лесном домике, на расстоянии многих километров от ближайших соседей — ну, это я хватил, пожалуй, в одном-двух километрах к северу от нее стоял еще один дом, побольше, но, судя по всему, им пользовались только на каникулах, ставни были закрыты. Ну и панорамный бар-ресторан “Ротонда”, за которым я, собственно, и поставил машину. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что он откроется в апреле, к началу пасхальных каникул (совсем рядом, кстати, находился клуб водных лыж, собиравшийся распахнуть свои двери примерно в то же время). На входе в ресторан я заметил сигнализацию, маленький красный индикатор мигал внизу контрольной панели; но поставщики попадали внутрь через служебный вход, чуть дальше, и там я без особого труда взломал замок. Внутри было довольно тепло, гораздо теплее, чем снаружи, наверное, они установили тут термостат, прежде всего для

поддержания температуры в погребе — прекрасном погребе с сотнями бутылок. С твердой пищей дело обстояло не так блестяще, я обнаружил несколько полок с консервами, в основном фрукты в сиропе и овощи. В подсобке стояла узкая железная кровать с тонким матрасом, предназначенная, видимо, для обслуживающего персонала в разгар сезона, чтобы дух перевести. Я без особого труда притащил матрас наверх, в ресторанный зал с панорамным видом, и уселся на него, положив рядом бинокль. Матрас оставлял желать лучшего, зато бар буквально ломился от початых бутылок с аперитивами, ну, мне сложно обрисовать ситуацию во всей ее полноте, но впервые за долгие месяцы — а то и годы — я почувствовал себя на своем месте, проще говоря, я был счастлив.

Она сидела на диване в гостиной, рядом с сыном, они увлеченно смотрели какой-то *DVD*, мне трудно было определить, что именно, возможно “Король Лев”, потом ребенок уснул, она взяла его на руки и направилась к лестнице. Вскоре во всем доме погас свет. В моем распоряжении был только карманный фонарик, другие варианты я исключил: на таком расстоянии Камилла, безусловно, меня не увидит, но, если я зажгу свет в ресторане, она заподозрит, что тут что-то нечисто. Открыв банки с зеленым горошком и персиками в сиропе, я быстро поел, выпил бутылку сент-эмильона и почти мгновенно заснул.

На следующее утро, около одиннадцати, Камилла вышла, пристегнула ребенка в детском кресле и поехала по мосту в обратном направлении, ее машина проскочила в десятке метров от ресторана; к полудню она доберется до Баньоль-де-л’Орна.

Всякая вещь существует, стремится существовать, складываются ситуации, порой несущие в себе мощные эмоциональные конфигурации, и так вершится судьба. Ситуация, которую я описываю, продолжалась около трех недель. Обычно я приезжал около пяти часов дня и сразу занимал свой наблюдательный пост, я тут уже вполне обустроился, припас пепельницу и фонарик; иногда я приносил с собой ломти ветчины, гарниром к которой служили овощные консервы из подсобки; как-то раз захватил даже чесночную колбасу. Что касается выпивки, то здешнего запаса мне с лихвой хватило бы на долгие месяцы.

Я уже убедился, что Камилла живет одна и у нее нет не только любовников, но и друзей вряд ли много; за эти три недели ее никто ни разу не навестил. Как она дошла до жизни такой? Как мы оба дошли до жизни такой? И, как сказал один бард-коммунист, “разве так живут люди?”¹.

Ну да, ответ — да, так и живут, я начинал понемногу это понимать. И еще я понял, что лучше не станет. Камилла поглощена сейчас глубокой и безраздельной любовью к сыну; это продлится ближайшие лет десять по меньшей мере, а скорее пятнадцать, пока он

1 Намек на песню Лео Ферре на стихи Луи Арагона.

не уедет учиться — потому что в школе он будет отличником благодаря поддержке заботливой самоотверженной матери и впоследствии получит высшее образование, в этом я нисколько не сомневался. Понемногу ситуация усложнится, у него появятся девушки, а потом и того хуже — у него появится *девушка*, Камилла ее не примет, став таким образом помехой в их отношениях (и даже если на месте девушки будет юноша, это не спасет ситуацию, прошло то время, когда матери с облегчением узнавали о гомосексуальности сына, сегодня эти педики, видите ли, живут вместе, точно так же избавившись от материнского диктата). Но она будет бороться, бороться за то, чтобы вернуть единственную любовь своей жизни, в течение какого-то времени обстановка будет напряженной, но позже ей придется смириться с реальностью, уступив “законам природы”. И вот тогда она снова станет свободной, свободной и одинокой — но ей уже исполнится пятьдесят, время ее уйдет, а уж мое и по-давно, я и так еле жив, а через пятнадцать лет и вовсе буду холодным трупом.

Уже два месяца я не брал в руки “штайр-манлихер”, но все его составные части сочленились легко, податливо и аккуратно, точность подгонки была и правда великолепна. Остаток дня я провел, стреляя по стоявшему чуть поодаль в лесу заброшенному дому, там оставалось разбить еще несколько окон; снаровки я не утратил и с расстояния пятисот метров метко попадал в цель.

Мыслимо ли, чтобы ради меня Камилла поставила под угрозу идеальные, неразрывные узы, связывающие ее с сыном? Мыслимо ли, чтобы он, ребенок,

был готов поделиться любовью матери с другим мужчиной? Ответы на эти вопросы были довольно очевидны, а вывод неотвратим: либо он, либо я.

Убийство четырехлетнего ребенка неизбежно вызовет бурю эмоций в средствах массовой информации, так что мне следовало готовиться к тому, что для полиции преступника будут задействованы значительные силы. Ресторан с панорамным видом быстро идентифицируют как место, откуда был произведен выстрел, но поскольку я, находясь в этом заведении, ни разу, вообще ни разу не снял латексные перчатки, то моих отпечатков тут не останется, будьте уверены. Что касается ДНК, я точно не знал, какие нужны образцы: кровь, сперма, волосы, слюна? Курил я, зажав сигарету в зубах, и по мере поступления выбрасывал окурки в припасенный для этой цели мусорный мешок; в последний момент я выкинул туда и столовые приборы, которые подносил ко рту, хотя мне казалось, что я перестраховываюсь, вообще-то у меня еще никогда не брали ДНК на анализ, ведь систематический забор ДНК у лиц, не проходящих ни по одному уголовному делу, так и не был узаконен, все-таки мы живем в относительно свободной стране, так что никакой особой угрозы я не чувствовал. Скорость действий, считал я, — залог успеха: не пройдет и минуты после выстрела, как я навсегда исчезну из “Ротонды”; не пройдет и часа, как я уже буду ехать по автостраде в сторону Парижа.

Однажды вечером, когда я обдумывал все мельчайшие детали убийства, меня пронзило воспоминание о годовом ужине в Морзине, тогда впервые родители

разрешили мне не ложиться до полуночи, они пригласили друзей, видимо, устроили вечеринку, чего не помню, того не помню, зато я не забыл, в какое пришел возбуждение при мысли, что мы вступаем в новый год, совершенно новый с иголки год, где любое действие, пусть самое обыденное, вроде питья какао *Nesquik*, состоится в некотором смысле впервые, мне, наверное, было тогда лет пять, то есть чуть больше, чем сыну Камиллы, и жизнь представлялась мне чередой всевозможных счастья, которые непременно будут расти как снежный ком и когда-нибудь превратятся в еще более великие и многообразные счастья, и в тот момент, когда это воспоминание пробудилось во мне, я почувствовал, что понимаю сына Камиллы, могу поставить себя на его место и эта тождественность дает мне право его убить. Честно говоря, будь я оленем или бразильской макакой, такой вопрос не возник бы: у млекопитающих самец, желая завоевать самку, прежде всего уничтожает все ее предыдущее потомство, дабы обеспечить превосходство своего генотипа. Подобный уклад жизни долгое время сохранялся и у первобытных племен.

Теперь я могу не спеша предаваться размышлениям о тех часах или даже минутах, никаких иных жизненных планов, кроме как предаваться размышлениям, у меня нет: не думаю, что противоборствующие силы, те силы, что пытались удержать меня от убийства, имели какое-то отношение к морали; я столкнулся скорее с проблемой антропологического порядка, проблемой принадлежности к позднему биологическому виду и приверженности кодам позднего вида — иными словами, с проблемой конформизма.

Если мне удастся преступить черту, вознаграждения я удостоюсь, конечно, не сразу. Камилла будет страдать, страдать чудовищно, и придется выждать как минимум полгода, прежде чем связаться с ней. А потом я вернусь, и она снова полюбит меня, потому что она никогда и не переставала меня любить, все очень просто, только ей захочется ребенка, и захочется довольно быстро; именно так все и будет. Несколько лет назад нас с ней занесло не в ту сторону, мы ужасающим образом прозевали свою судьбу; первый промах, увы, на моей совести, но и Камилла со своей стороны тоже постаралась; и вот теперь настало время работы над ошибками, давно пора, это наш последний шанс, и только я могу исправить положение, мне и карты в руки, “штайр-манлихер” — вот наше спасение.

У же в следующую субботу днем мне представился удобный случай. В начале марта воздух был уже по-весеннему теплый, и, открыв широкое окно, выходящее на озеро, чтобы просунуть в него ствол винтовки, я не ощутил ни малейшего дуновения, то есть ничто не могло помешать мне уверенно и точно прицелиться. Мальчик сидел за столом на террасе перед большой картонной коробкой с кусочками диснеевского пазла — благодаря биноклю я разглядел, что это была “Белоснежка”, но пока что он собрал только лицо и верхнюю часть туловища главной героини. Я настроил оптический прицел на максимум, навел оружие на цель, и мое дыхание стало ровным и замедленным. Голова ребенка, повернутая ко мне в профиль, заняла целиком весь видоискатель; сам он сидел не шелохнувшись, поглощенный головоломкой, — сбор пазла действительно требует максимальной сосредоточенности. За несколько минут до того его няня поднялась вверх — я заметил, что, когда мальчик принимался за чтение или игры, она, воспользовавшись передышкой, поднималась на второй этаж и, надев наушники, погружалась в интернет, возможно, это займет ее на несколько часов, вряд ли она спустится раньше, чем придет время кормить ребенка обедом.

Минут десять он вообще сидел неподвижно, если не считать медленных движений руки, когда он рылся

в коробке с пазлом, — лиф Белоснежки принимал уже законченный вид. Его неподвижность была сродни моей — никогда я еще не дышал так медленно, так глубоко, никогда еще мои руки не дрожали так редко, никогда еще я так уверенно не обращался с винтовкой, я знал, что произведу сейчас идеальный, уникальный выстрел, несущий освобождение, самый важный выстрел в моей жизни, являвшийся, по сути, единственной целью долгих месяцев тренировки.

Так неподвижно я провел еще десять минут, скорее даже пятнадцать или двадцать, и тут мои пальцы задрожали, я рухнул на пол, проехавшись щекой по ковру, только сейчас я понял, что это конец, что я не выстрелю, что мне не удастся изменить ход вещей, что механизмы несчастья сильнее меня, что мне уже никогда не вернуть Камиллу, мы умрем в одиночестве, в несчастье и одиночестве, каждый сам по себе. Когда я встал, меня затрясло, я ничего не видел из-за слез и наугад нажал на спуск, широкое панорамное окно ресторана разлетелось вдребезги, с таким грохотом, что его, наверное, услышали в доме напротив, подумал я. Я направил бинокль на мальчика: нет, он не шевельнулся, увлеченный пазлом, платье Белоснежки постепенно приобретало законченный вид.

Медленно, ужасно медленно, с медлительностью, достойной похоронной процессии, я развинтил “штайр-манлихер”, и детали, как всегда ловко, улеглись в свои пенопластовые ячейки. Закрыв футляр из поликарбоната, я чуть было не поддался искушению выбросить его в озеро, но решил, что столь демонстративное признание собственного провала

ни к чему, провал и так уже состоялся, и педалировать его таким образом было бы несправедливо по отношению к моему храброму карабину, который ни о чем другом и не помышлял, кроме как служить хозяину и осуществлять его замыслы с безукоризненной точностью и блеском.

Чуть позже меня посетила мысль перейти мост и познакомиться с мальчиком. Две-три минуты я обдумывал эту идею, потом допил бутылку вишневого Гиньоле, и разум вернулся ко мне, ну или некая нормальная форма разума, я мог стать для мальчика только отцом или заместителем отца, но плевать он хотел на какого-то там отца, и вообще, зачем этому ребенку отец? Совершенно незачем, у меня создалось ощущение, что я бесконечно ломаю голову над неизвестными уже решенного уравнения, решенного, кстати, не в мою пользу, я уже говорил — либо он, либо я, так вот оказалось, что он.

Наконец, одумавшись, я положил оружие в багажник своего “мерседеса G 350 TD” и, не оглядываясь, отправился в Сент-Обер. Через месяц с чем-то хозяева придут открывать ресторан, обнаружат следы незаконного пребывания, обвинят, вероятно, какого-нибудь бомжа, решат установить внизу дополнительную сигнализацию для охраны служебного входа, и еще не факт, что жандармерия заведет дело и займется поиском отпечатков.

Ну а что касается меня, то, судя по всему, ничто уже не могло замедлить моего погружения в полную прострацию. Но я все-таки не уехал из дома в Сент-Оберсюр-Орн, во всяком случае не сразу, что задним чис-

лом мне трудно объяснить. Я ни на что не надеялся и прекрасно сознавал, что надеяться не на что, мой анализ сложившейся ситуации казался мне исчерпывающим и верным. О некоторых областях человеческой психики до сих пор еще мало что известно, они недостаточно изучены, поскольку немногие, к счастью, сталкиваются с такой необходимостью, а тем, кто сталкивается, как правило, уже недостает ясности мышления, чтобы составить достоверное их описание. К этим областям можно подступиться, только используя парадоксальные и самые абсурдные установки, из коих мне на ум приходит только одна — *сверх надежды поверить с надеждою*¹. Это не похоже на ночной мрак, это намного хуже; лично я не пережил подобного опыта, мне кажется, что, даже увязая в настоящей ночи, полярной ночи, которая длится шесть месяцев кряду, человек не утрачивает представления и воспоминаний о солнце. Я вступил в *ночь без конца*, но все же во мне, в глубине моего существа теплилось нечто — не надежда, нет-нет, а, скажем так, неуверенность. Иначе говоря, сделав последний отчаянный ход и проиграв партию, некоторые — о нет, не все, не все, — продолжают уповать на то, что *не-что на небесах* возобновит игру, решит вдруг переждать карты или бросит кости по своему усмотрению, даже если сами эти люди никогда, ни разу в жизни не ощутили ни вмешательства, ни просто присутствия какого бы то ни было божества, даже если они сознают, что не особенно-то и заслуживают вмешательства благожелательного божества и отдают себе отчет, учитывая нагромождение ошибок и прегреше-

1 К Римлянам 4:18.

ний, из которых и состоит их жизнь, что заслуживают этого меньше, чем кто-либо.

Договор аренды действовал еще в течение трех недель, и в этом я усматривал, по крайней мере, одно преимущество — моему безумию был положен конкретный временной предел — хотя вероятность того, что я продержусь в этой ситуации дольше нескольких дней, казалась бесконечно ничтожной. Пока что мне срочно надо было смотаться в Париж и обратно, поскольку я собирался перейти на капторикс 20 мг — такой элементарной мерой по выживанию я никак не мог пренебречь. Я записался на прием к доктору Азоту на послезавтра на одиннадцать утра, с небольшим запасом времени на случай опоздания поезда.

Поездка, как ни странно, пошла мне на пользу, переключив мои мысли хоть и на негативные, понятное дело, но зато отвлеченные рассуждения. Поезд прибыл на вокзал Сен-Лазар с задержкой в тридцать пять минут, как я, впрочем, и предполагал. Старозаветная профессиональная гордость железнодорожников, их старозаветная пунктуальность и соблюдение графика, столь неколебимые и самоочевидные в начале двадцатого века, что крестьяне в деревнях сверяли настенные часы по проходящим поездам, исчезли окончательно и бесповоротно. Национальная компания французских железных дорог принадлежит к числу предприятий, вырождение и крах которых происходили на моих глазах. Мало того что расписание сегодня следует воспринимать просто как насмешку, так еще и само понятие ресторанного сервиса, очевидно, исчезло из обихода междугородных поездов, равно как и всякая, даже отдаленная мысль об обслуживании подвижного состава, — из разодранных сидений вечно лезет какая-то непонятная набивка, а туалеты, по крайней мере те из них, что открыты — вероятно, по недосмотру, — так засраны, что я не смог заставить себя туда войти и предпочел справить нужду на платформе между вагонами.

Ощущение глобальной катастрофы всегда немного смягчает катастрофы личные, наверняка имен-

но по этой причине самоубийства так редко случаются в военное время, так что я чуть ли не бодрым шагом направился к улице Атен. Но уже первый взгляд, обращенный на меня доктором Азотом, лишил меня всяких иллюзий. В нем смешались тревога, сострадание и сугубо профессиональная озабоченность. “Плохи дела...” — кратко заметил он. Мне нечего было возразить ему, тем более что мы не виделись несколько месяцев, и ему, в отличие от меня, было с чем сравнивать.

— Ради бога, я поменяю вам дозировку, но вообще-то что пятнадцать, что двадцать миллиграммов... Антидепрессанты — это не панацея, я полагаю, вы в курсе.

Я был в курсе.

— Кроме того, имейте в виду, двадцать — это предельная дозировка, существующая сегодня в продаже. Конечно, вы можете принимать по две таблетки, перейти на двадцать пять, тридцать, а затем и тридцать пять миллиграммов, но дальше-то что? Лично я не советовал бы. Дело в том, что максимальная дозировка, прошедшая тесты, — двадцать, и рисковать мне не хочется. Как у вас с половой жизнью?

Услышав этот вопрос, я опешил. Вопрос был вполне уместный, надо признать, и к ситуации, в которой я оказался, имел отношение хотя и косвенное и весьма, на мой взгляд, отдаленное, но тем не менее. Я ничего не ответил, но, вероятно, развел руками и открыл рот, то есть достаточно красноречиво дал понять ему, что никак, потому что он сказал: “О’кей, о’кей, все ясно...”

— Я вам выпишу направление на анализ крови, проверим уровень тестостерона. Полагаю, он у вас очень

низкий; серотонин, вырабатываемый при приеме капторикса, в отличие от обычного серотонина ингибирует синтез тестостерона, не спрашивайте меня почему, об этом ничего не известно. Как правило — заметьте, я говорю: как правило, — этот процесс полностью обратим. Как только вы прекратите принимать капторикс, все вернется на круги своя, во всяком случае, это показали исследования, но стопроцентной уверенности нет, вообще-то, если бы пришлось дожидаться абсолютной научной достоверности, ни один препарат не был бы выпущен в продажу, вы понимаете, о чем я?

Я кивнул.

— И все же, все же... — продолжал он, — давайте не будем ограничиваться тестостероном, проверим ваш гормональный профиль. Только я не эндокринолог, некоторые параметры, возможно, окажутся не в моей компетенции; может быть, хотите с кем-то проконсультироваться, я знаю одного неплохого специалиста.

— Лучше не надо...

— Лучше не надо... Ну, видимо, я должен усмотреть в этом знак особого доверия. Что ж, пойдем дальше. В принципе, гормоны — это не бог весть что, их всего-то от силы десятков наберется. Кстати, будучи студентом, я очень увлекался эндокринологией, это был один из моих любимых предметов, так что я с удовольствием тряхну стариной...

От его слов слегка пахнуло ностальгией, видимо, это неизбежно, когда в определенном возрасте вспоминаешь студенческие годы, я прекрасно его понимал, тем более что тоже обожал биохимию, изучение свойств сложных молекул доставляло мне странное

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

удовольствие, с той только разницей, что меня интересовали скорее растения, например, молекулы хлорофилла и антоцианов, но в общем и целом мы недалеко ушли друг от друга, поэтому я прекрасно понял, что он имел в виду.

Я вышел от него с рецептом и направлением на анализы, закупил капторикс 20 мг в привокзальной аптеке; что касается гормонального профиля, то он подождет моего возвращения в Париж, я вернусь в Париж, теперь мне никуда не деться, безграничное одиночество смотрится здесь все-таки более естественно, оно сообразно окружающей среде.

И все же я съездил напоследок на берег озера Рабоданж. Воскресный полдень — самое подходящее время, ее наверняка не будет дома, по воскресеньям она обедает с родителями в Баньоль-де-л'Орне. Скорее всего, подумал я, будь она у себя, я бы не решился сказать ей “прощай навсегда”. Прощай навсегда? Это я серьезно? Да, серьезно, в конце концов, я видел, как умирают люди, я сам скоро умру, мы всю жизнь, если только она не выдастся благословенно краткой, то и дело прощаемся навсегда, практически каждый день. Погода стояла великолепная, в лучах яркого жаркого солнца светилось озеро и мерцали леса. Не стонали ветры, не журчали воды, и вообще нежелание природы проявить хоть какое-то сочувствие казалось чуть ли не оскорбительным. Вокруг было тихо, величественно, безмятежно. Неужели я смог бы прожить вдвоем с Камиллой долгие годы в этом лесном домике на отшибе и чувствовать себя счастливым? Да, я точно знал, что да. Моя и без того незначительная потребность в общественных отношениях (если мы подразумеваем под этим любые отношения, кроме любовных) с годами вообще бесследно исчезла. Нормально ли это? Конечно, малопривлекательные наши предки жили общинами из нескольких десятков человек, и эта схема сохранялась долгое время как у охотников и собирателей, так и у первых земледельческих

племен, их поселения были размером с небольшую деревушку. Но с тех пор много воды утекло, люди выдумали города с их естественным спутником — одиночеством, альтернативой которому могла быть только семейная жизнь, к племенному строю нам уже нет возврата, некоторые социологи, не блещущие умом, усматривают новые племена в “сводных семьях”, может, оно и так, но лично я сводных семей никогда не видел, в отличие от “разводных”, собственно, только такие семьи мне и попадались, не считая тех случаев, надо сказать многочисленных, когда процесс распада начинался еще на стадии супружеской жизни, до рождения детей. Что касается процесса воссоединения, то я не имел счастья созерцать его в действии, “Тоской, доступной всем, загадкой, всем известной, / Исполнена душа, где жатва свершена”¹, справедливо писал Бодлер, в общем, я считаю, что эти рассказы про сводные семьи просто отвратительная хрень, а то и чистой воды пропаганда, возторженная, постмодернистская, не имеющая отношения к жизни, рассчитанная только на чиновников высших и сверхвысших категорий, которую за пределами, к примеру, Порт-де-Шарантон никто никогда не услышит. Так что да, я смог бы жить вдвоем с Камиллой в уединенном домике посреди леса, каждое утро я смотрел бы, как солнце встает над озером, и, думаю, был бы счастлив — в той степени, в которой мне это вообще дано. Но жизнь, как говорится, решила иначе, вещи мои были сложены, и я мог оказаться в Париже уже во второй половине дня.

1 Ш. Бодлер. *Semper eadem*. Перевод Эллиса.

Я сразу узнал дежурную в отеле “Меркюр”, и она тоже меня узнала. “Вы вернулись?” — осведомилась она, и я подтвердил немного взволнованно, потому что догадывался, даже знал наверняка, что она чуть было не сказала: “Вы снова *с нами*?” — но удержалась в последний момент, засомневавшись, — должно быть, она обладала очень тонким чутьем на допустимую степень фамильярности с клиентом, пусть даже постоянным клиентом. Ее следующая фраза “Вы же погостите у нас недельку?”, если не ошибаюсь, в точности повторяла ту, что она произнесла несколько месяцев тому назад, когда я поселился тут впервые.

С ребяческой радостью, не лишенной некоторой патетики, я вновь увидел свой крошечный номер, его хитроумную функциональную обстановку, и на следующий же день возобновил свои прогулки, следуя по привычному маршруту от брассери “О’Жюль” к “Карфур Сити” по улице Абея Овелака, на которую я сворачивал, пройдя немного по авеню де Гоблен, и шел по ней уже до поворота на авеню Сестры Розалии. Что-то тут, однако, изменилось в общей атмосфере, ведь миновал год или почти год, было уже начало мая, на удивление теплого мая, настоящая прелесть лета. По идее, я должен был бы ощутить нечто вроде вожделения или просто желания, глядя на девушки в коротких юбках или обтягивающих леггин-

сах, которые, сидя за соседними столиками в брассери “О’Жюль”, заказывали кофе и, полагая, поверяли друг другу любовные тайны, ну не сравнивать же им свои договоры страхования жизни, в самом деле. Но я ничего не чувствовал, решительно ничего, притом что теоретически мы принадлежали к одному и тому же виду, надо бы мне заняться этим своим гормональным балансом, доктор Азот просил прислать ему копию результатов.

Когда через три дня я позвонил ему, он, казалось, смутился.

— Слушайте, странное дело... Если вы не возражаете, я хотел бы проконсультироваться с коллегой. Давайте увидимся через неделю?

Не задавая лишних вопросов, я отметил день приема в ежедневнике. Когда врач сообщает, что обнаружил некоторые странности в ваших анализах, для порядка надо хоть немного встревожиться; но это не про меня. Нажав на отбой, я тут же пожалел, что не потрудился даже притвориться обеспокоенным, не проявил ни малейшего интереса, которого, вероятно, он от меня ждал. Разве что, подумал я чуть позже, он действительно не понимал, в каком я состоянии; вот уж действительно есть от чего смутиться.

Он записал меня на следующий понедельник в полвосьмого вечера. Видимо, я был его последним пациентом в этот день, может, он даже немного задержался ради меня. Доктор выглядел измученным, он закурил “Кэмел” и предложил сигарету мне — прямо как приговоренному к смертной казни. Я видел, что он набросал какие-то расчеты на листке с анализами.

— Ну что ж... — начал он, — уровень тестостерона у вас очень низкий, но этого следовало ожидать, учитывая капторикс. А вот уровень кортизола намного превышает норму, уму непостижимо, сколько вы вырабатываете кортизола. Вообще-то... я могу говорить с вами откровенно?

Я ответил, что да, ведь до сих пор все наши беседы были достаточно откровенными.

— Так вот, вообще-то... — Он все равно никак не мог решиться, у него аж губы задрожали, когда он произнес: — У меня создалось впечатление, что вы просто-напросто умираете от тоски.

— А разве от тоски умирают, что это, в принципе, значит? — Вот единственный ответ, который пришел мне в голову.

— Ну, это, конечно, не вполне научная терминология, но лучше уж называть вещи своими именами. Понятно, что убьет вас не тоска, в смысле — не прямую. Полагаю, вы уже начали толстеть?

— Видимо, да, я не обратил внимания, но не исключено.

— С таким кортизолом это неизбежно, вы будете все больше и больше толстеть, пока не достигнете стадии ожирения. А при ожирении смертельных заболеваний хоть отбавляй, выбор у вас будет богатый. Именно из-за кортизола я и решил поменять вам лечение. Я не рискнул посоветовать вам прекратить прием капторикса, опасаясь, что у вас повысится уровень кортизола; но сейчас, честно говоря, он и так зашкаливает.

— То есть вы советуете больше не принимать капторикс?

— Как сказать... Это, конечно, спорное решение. Потому что в таком случае вернется депрессия, на сей

раз гораздо более лютая, так что вы совсем человеческий облик потеряете. С другой стороны, если не откажетесь от капторикса, на сексуальной жизни можете поставить крест. Необходимо поддерживать серотонин на приемлемом уровне — сейчас он у вас в норме, — снизив кортизол, и, возможно, немного увеличив дофамин и эндорфины, это было бы идеально. По-моему, я вас совсем запутал, вы понимаете, о чем я?

— Не совсем, если честно.

— Ладно... — Он снова растерянно взглянул на листок с анализами, похоже, он сам уже не доверял собственным выкладкам, и, подняв на меня глаза, спросил в лоб: — А о проститутках вы не думали?

Я разинул рот от удивления, видимо в буквальном смысле слова, потому что он, впечатленный моим оторопелым видом, тут же спохватился:

— Ну, теперь принято называть это эскорт-услугами, впрочем, один черт. В средствах, если я не ошибаюсь, вы не очень стеснены?

Я подтвердил, что, по крайней мере, с этой точки зрения у меня пока все в порядке.

— Так вот... — он явно приободрился от моих слов, — среди них, знаете ли, попадаются очень даже ничего. Вообще-то это исключение из общего правила, в основном это просто щелки для купюр, кроме того, они считают своим долгом разыгрывать желание, удовольствие, любовь и так далее, наверное, юные придурки на это ведутся, но с такими, как мы, этот номер не проходит (он, вероятно, хотел сказать “как вы”, но сказал-то “как мы”, чудной мне все-таки попался доктор). Короче, в нашем случае отчаяние только возрастет. Зато можно потрахаться, что нельзя

сбрасывать со счетов; лучше, конечно, спать с приличной девушкой, но вы, полагаю, это и сами знаете... Ну вот, — продолжал он, — ну вот, я подготовил вам небольшой список... — Он вытащил из ящика стола лист бумаги формата А4 с тремя именами: Саманта, Тим и Алиса; против каждого имени был указан номер мобильного телефона. — На меня ссылаться не обязательно. Впрочем, нет, может, лучше как раз сослаться, девушки осторожничают, оно и понятно, нелегкое у них ремесло.

Я не сразу пришел в себя от изумления. Я, разумеется, понимал, что врачи не всемогущи, надо хоть иногда получать удовольствие, чтобы жить дальше, чтобы, как говорится, ноги передвигать, но все таки эскорт-герл это уж слишком, и я умолк, он тоже подождал пару минут, прежде чем продолжить (на улице Атен уже не было движения, и в кабинете воцарилась тишина): — Я не сторонник смерти. В принципе, я смерть не люблю. Хотя в некоторых случаях... — Он нетерпеливо махнул рукой, словно отменяя затасканные, дурацкие возражения. — В некоторых случаях смерть это наилучший выход, в очень редких случаях, гораздо более редких, чем принято думать, морфий — самое верное средство, а в редчайших случаях непереносимости морфия можно прибегнуть к гипнозу, но вам-то рановато, боже мой, вам еще и пятидесяти нет! Поймите одну вещь, будь вы в Бельгии или в Голландии, ваш запрос на эвтаназию с таким-то депресняком тут же бы удовлетворили. Но я врач. И если ко мне приходит мужик и заявляет: “Я в депрессии и хочу застрелиться”, — что я должен ему ответить? “Валяйте, стреляйтесь, я вам посодействую”? Так вот нет, увольте, я не для того на врача учился.

Я заверил его, что в данный момент совершенно не собираюсь ехать в Бельгию или Голландию. Он будто бы успокоился, думаю, он ждал от меня подобного заявления, но неужели я правда так сдал, что это стало всем очевидно? Я более или менее вник в его объяснения, но кое-что от меня все же ускользало, и я спросил, считает ли он, что секс — единственный способ снизить чрезмерную секрецию кортизола.

— Нет, отнюдь. Кортизол часто называют гормоном стресса, и в этом есть своя правда. Я уверен, например, что у монахов уровень кортизола очень низкий, — но это выходит за рамки моей компетенции. Я понимаю, странно квалифицировать ваше состояние как стресс, принимая во внимание, что вы весь день сидите сложа руки, но цифры говорят сами за себя! — Он энергично побарабанил пальцами по листку с анализами. — У вас стресс, чудовищный стресс, что-то вроде эмоционального выгорания при полном бездействии, вы словно тлеете изнутри. В общем, такого рода вещи сложно объяснить. Кроме того, уже поздно... — Я взглянул на часы, действительно, было уже начало десятого, я и так злоупотребил его временем, к тому же мне хотелось есть, и у меня мелькнула мысль поужинать в “Молларе”, как в эпоху Камиллы, но ее тут же вытеснило ощущение животного ужаса, нет, я все-таки редкостный идиот.

— Поэтому я выпишу вам рецепт на капторикс 10 мг, — заключил он, — вдруг вы все-таки решите от него отказаться. Как я вам уже говорил, резко прерывать его нельзя. Но в то же время не будем усложнять протокол: десять миллиграммов в течение двух недель — и потом все. Скрывать не буду: вам, воз-

можно, придется нелегко, вы слишком долго уже сидите на антидепрессантах. Да, нелегко, но другого выхода нет, на мой взгляд...

Стоя в дверях, он долго жал мне руку. Мне хотелось сказать ему что-нибудь, каким-то образом выразить свою благодарность и восхищение, и те полминуты, что я надевал пальто и шел к выходу, я лихорадочно пытался придумать подходящую формулировку, но и на этот раз не нашел нужных слов.

Прошло два-три месяца, я то и дело поглядывал на рецепт с 10-миллиграммовой дозировкой, тот самый, что позволял бы мне отказаться от капторикса; а еще я поглядывал на листок А4 с номерами трех эскорт-герл; но ничего не предпринимал, только телевизор смотрел. Я включал его, вернувшись с прогулки, в двенадцать с чем-то и, в принципе, никогда полностью не выключал, телевизор был оснащен энергосберегающим экодатчиком, который каждый час требовал нажимать на ОК, я и нажимал каждый час, пока сон не приносил мне временное облегчение. Я включал его снова в начале девятого утра, вне всякого сомнения, утренние политические дебаты помогали мне умыться, я покрывил бы душой, сказав, что понимал все, что там говорилось, я вечно путаю “Вперед, Республика!” и “Непокоренную Францию”¹, чем-то они похожи, дело в том, что от обоих названий веет почти нестерпимой молодцеватостью, но, собственно, именно это мне и помогало: вместо того чтобы сразу приложиться к бутылке “Гран Марнье”, я намыливал перчаткой тело и вскоре был уже готов выйти на ежедневный променад.

1 “Вперед, Республика!” (франц. *La République en Marche!*) — центристская партия, созданная в 2016 году Эмманюэлем Макроном. “Непокоренная Франция” (франц. *La France insoumise*) — левая популистская партия, основанная в январе 2017 года Жан-Люком Меланшоном.

Остальные программы были еще менее внятными, я тихо пьянел, перескакивал, не злоупотребляя, с одного канала на другой, и не мог отделаться от ощущения, что везде шли сплошь кулинарные передачи, кулинарные передачи вообще страшно расплодились, тогда как эротика постепенно исчезала с экрана. Франция, а может, и весь Запад в целом несомненно, скатывался назад к *оральной стадии*, если использовать выражение австрийского фигляра. Я, очевидно, шел по тому же пути, медленно толстел, и перспективы сексуальной жизни становились все более расплывчатыми. В этом я был далеко не одинок, наверняка где-то еще остались *ебари* и *давалки*, но это занятие превратилось в хобби, в специфическое хобби для избранных, в привилегию элиты (той элиты, к которой — мелькнула у меня мысль как-то утром в “О’Жюле”, и, видимо, тогда я в последний раз вспомнил о ней — принадлежала Юдзу), мы в каком-то смысле вернулись в восемнадцатый век, когда либертинаж был уделом аристократии в широком смысле слова, в которой смешались происхождение, красота и богатство.

Ну, еще остались, наверное, молодые люди, отдельные молодые люди, уже в силу своей юности принадлежащие к аристократии красоты, они пока еще верили во все это, но им долго не продержаться, от двух до пяти лет, уж точно никак не больше десяти; уже было начало июня, и каждое утро, заходя в кафе, я вынужден был признать очевидное: юные девицы вообще не виноваты, юные девицы никуда не делись, а вот тридцатилетние и сорокалетние в большинстве своем махнули на себя рукой, “шикарная сексуальная парижанка” отошла в область преданий; в общем, учи-

тывая исчезновение западного либидо, девушки, ведомые, надо думать, неудержимым гормональным порывом, упорно напоминали мужчинам о необходимости продолжения рода; нет, положив руку на сердце, их не в чем было упрекнуть: сидя за столиками в “О’Жюле”, в нескольких метрах от меня, они в нужный момент закидывали ногу на ногу, иногда мило гримасничали, ели, облизывая пальцы, фисташковованильное мороженое из вафельного рожка, в общем, честно выполняли свою работу по эротизации жизни, да, они никуда не делись, делся я, меня там больше не было, ни для них, ни для кого-либо другого, и возвращаться я не собирался.

Ранним вечером, приблизительно к началу “Вопросов для чемпиона”, меня вдруг настиг мучительный приступ жалости к себе. Я подумал о докторе Азоте, интересно, он со всеми пациентами так себя ведет, этого я не знал, но если да, то он просто святой, и еще я подумал об Эмерике, но теперь все изменилось, я уже на самом деле состарился, я не приглашу доктора Азота послушать вместе пластинки, никакой дружбы между нами не возникнет, время человеческих отношений миновало, во всяком случае для меня.

Вот в таком стабильном, хоть и мрачном расположении духа я пребывал, когда дежурная сообщила мне неприятную новость.

Это произошло в понедельник утром, когда я собрался, как обычно, пойти в “О’Жюль”, я даже слегка хорохорился, испытывая чуть ли не радость от того, что начинается новая неделя, но тут девушка за стойкой администратора остановила меня робким “месье”... Она должна мне сообщить, обязана мне сообщить, вынуждена с прискорбием мне сообщить, что отель вскоре станет доступен только для некурящих, таковы новые стандарты, решение принято на уровне компании “Меркюр”, и уклониться уже никак не выйдет.

— Вот досада, — сказал я, — придется мне купить квартиру, но даже если я куплю первую попавшуюся, на оформление уйдет много времени, теперь столько всего надо проверять — от энергоэффективности до парниковых газов и так далее, короче, пройдет по меньшей мере два или три месяца, прежде чем я смогу переехать.

Она озадаченно посмотрела на меня, будто недопоняла, и решила уточнить: я собираюсь купить квартиру, потому что не могу больше жить в отеле, да? Все так плохо?

Ну да, все так плохо, что еще я мог ей ответить? Бывают моменты в жизни, когда чувство стыда па-

сует, на него просто не хватает сил. Все так плохо. Она смотрела мне прямо в глаза, я видел по ее лицу, как растет в ней сострадание, медленно искажая ее черты, я только надеялся, что она хотя бы не заплачет, какая все-таки милая девушка, наверняка ее бойфренд с ней счастлив, но что она могла поделать? Что вообще мы все, вместе взятые, можем поделать с чем бы то ни было?

Она сказала, что поговорит с начальством, поговорит сегодня же утром, она уверена, что найдется выход из положения. Уходя, я в знак дружбы одарил ее радужной улыбкой, очень, кстати, искренней улыбкой, пытаюсь без зазрения совести произвести впечатление героического оптимиста — все образуется, я что-нибудь придумаю. Как же, ничего не образуется, ничего я не придумаю, и мне это было прекрасно известно.

Я смотрел, как Жерар Депардьё восторгается изготовлением деревенской колбасы в Апулии, когда меня вызвал к себе вышеупомянутый начальник. Его внешность меня удивила, он был похож на Бернара Кушнера, ну или просто на среднестатистического врача без границ, гораздо больше, чем на управляющего отелем “Меркюр” — ума не приложу, каким образом его повседневная деятельность могла способствовать появлению таких глубоких мимических морщин и загара. По выходным он, очевидно, занимался экстремальным трекингом в агрессивной среде, это единственное объяснение. Он поздоровался, закурился “Житан”, и предложил сигарету мне.

— Одри обрисовала мне вашу ситуацию... — начал он.

Итак, ее звали Одри. Казалось, ему не по себе в моем присутствии, он изо всех сил старался не встречаться со мной глазами, оно и понятно — никогда не знаешь, как общаться с обреченным человеком, то есть мужчины никогда не знают, у женщин иногда получается, да и то не часто.

— Мы как-нибудь выкрутимся, — продолжал он. — Конечно, к нам пожалует проверочная комиссия, но не сразу, думаю, через полгода, не раньше, а то и через год. Так что у вас будет время найти выход из положения..

Я кивнул, заверив его, что съеду не позже чем через три-четыре месяца. Ну вот и все, больше нам нечего было сказать друг другу. Он помог мне. Прощаясь, я поблагодарил его, он сказал: не стоит, это сущие пустяки, я чувствовал, что сейчас он разразится филиппикой против дебилов, от которых никакой жизни не стало, но в конце концов он замолчал, наверняка он и так частенько раздражался такими филиппиками и знал, что все впустую, дебилы все равно победят. Я со своей стороны, уже стоя на пороге, извинился за беспокойство, и в ту минуту, когда я произнес эти банальные слова, мне стало ясно, что теперь моя жизнь как раз и будет сводиться к постоянным извинениям за беспокойство.

Таким образом, я дошел до стадии стареющего истерзанного зверя, который, понимая, что раны его смертельны, ищет пристанище, чтобы закончить там свое существование. В этом случае потребности в меблировке весьма ограничены: достаточно будет кровати, понятно, что вылезать из нее уже не придется; в столах, диванах и креслах нет необходимости, они смотрелись бы бесполезным реквизитом, ненужным и даже болезненным рецидивом социальной жизни, которой уже больше не бывать. А вот без телевизора не обойтись, телевизор — это развлечение. Для этих целей мне хватит студии — правда, довольно просторной студии все-таки, чтобы было где повернуться.

Вопрос о районе оказался сложнее. Со временем у меня сформировалась небольшая сеть специалистов, на каждого из которых было возложено курирование одного из моих внутренних органов, дабы избавить меня от чрезмерных страданий до наступления фактического часа смерти. Многие из них вели прием в 5-м округе Парижа, и в своей последней жизни, медицинской жизни, настоящей жизни я остался верен кварталу, где учился, где провел свою юность, где жил жизнью грез. Мне казалось логичным быть поближе к врачам, ставшим отныне моими главными собеседниками. Мои походы к ним были, в определенном смысле, простерилизованы, обезвре-

жены в силу своего медицинского характера. Но поселиться в этом квартале было бы, напротив — понял я сразу, как только предпринял какие-то шаги по поиску недвижимости, — роковой ошибкой.

Первая же студия, которую мне показали, на улице Ларомигьер, произвела на меня очень приятное впечатление: светлая, с высокими потолками, окна выходят в большой зеленый двор, дороговато, что и говорить, но, в общем, я мог бы себе это позволить, ну не факт, конечно, и тем не менее мы почти ударили по рукам, но когда на обратном пути я свернул на улицу Ломонд, меня накрыла волна чудовищной гнетущей тоски, и с комком в горле, еле переводя дыхание, я на ватных ногах дотащился до первого попавшегося кафе, решив там отсидеться, но и это меня не спасло, напротив, я мгновенно узнал его, мне часто случалось бывать тут в годы учебы в Агро, наверное, мы даже заходили в это кафе с Кейт, внутри оно почти не изменилось. Я заказал поесть, омлет с картошкой вкупе с тремя кружками “Леффе” понемногу привели меня в чувство, о да, Запад скатывается к оральной стадии, и я его понимаю; выходя из кафе, я понадеялся, что меня отпустило, но стоило мне повернуть на улицу Муффтар, как все началось сначала, этот маршрут превратился в мой крестный путь, на сей раз в моем воображении возникла Камилла, я вспомнил, с какой радостью она бродила по рынку воскресным утром, восхищаясь спаржей, сырами, экзотическими овощами и живыми омарами, мне потребовалось больше двадцати минут, чтобы добраться до метро “Монж”, я по-стариковски спотыкался, задыхаясь от муки, непостижимой муки, которой бывают подвержены старики, но ведь это не что иное,

как бремя жизни, нет, о 5-м округе лучше забыть, и забыть навсегда.

Так что я принялся за поиски квартиры, следуя к югу по седьмой линии метро, цены снижались по мере моего продвижения, и в начале июля я с изумлением очутился в однокомнатной квартире на авеню Сестры Розалии, почти напротив отеля “Меркюр”. И сразу от нее отказался, как только осознал свое сокровенное, безотчетное желание и впредь видаться с Одри, боже мой, как же трудно совладать с собственной надеждой, превозмочь ее настырность и коварство, неужели все мужчины таковы?

Пришлось мне двинуться дальше, еще южнее, окончательно отринув иллюзии самой возможности жизни, иначе мне не вывернуться, и вот в таком расположении духа я и начал смотреть квартиры в многоэтажках между Порт-де-Шуази и Порт-д’Иври. Видимо, я стремился найти что-то пустое, белое и голое; эти кварталы почти идеально соответствовали моим стремлениям, жить в такой башне — это все равно что нигде не жить, ну, не совсем нигде, скажем, в непосредственной близости от нигде. Кстати, цена за квадратный метр на этих территориях, заселенных в основном чиновниками, оказалась вполне доступной, и предусмотренной мною суммы хватило бы на двухкомнатную, а то и трехкомнатную квартиру, только кого я в нее поселю?

Все башни выглядели одинаково, и все студии выглядели одинаково, по-моему, я выбрал самую пустую, самую тихую и самую голую из них, в самой безликой многоэтажке, так я хотя бы мог быть уверен, что мой переезд пройдет незамеченным и не вызовет никаких комментариев — равно как и моя кончина. Со-

седи, в большинстве своем китайцы, будут вежливы и нейтральны. Из окон зачем-то открывался бескрайний вид на южные пригороды, вдалеке виднелся Масси и, вероятно, Корбей-Эссон; впрочем, какая разница, на окнах были жалюзи, и я наметил на следующий же день после переезда опустить их раз и навсегда. Кроме того, там имелся мусоропровод, чем, собственно, я и прельстился; при наличии мусоропровода, с одной стороны, и нового сервиса доставки еды, запущенного *Amazon*, — с другой, я мог достичь почти идеальной независимости.

Отъезд из отеля “Меркюр” дался мне на удивление тяжело, особенно из-за юной Одри, которая чуть не плакала, но что я мог поделать; если она переживает по такому поводу, ей в жизни придется несладко, ей сейчас лет двадцать пять самое большее, но все-таки пора уже черстветь. В общем, я поцеловал ее, один раз, потом два, потом четыре, она самозабвенно отвечала на мои поцелуи и даже мимолетно приобняла меня, ну и хватит, мое такси уже подъехало к дверям отеля.

Переезд особых хлопот мне не доставил, я быстро купил мебель, переоформил абонемент на декодер *SFR*, решив хранить верность своему провайдеру, хранить ему верность, пока смерть нас не разлучит, этому научила меня жизнь. Однако их спортивные каналы интересовали меня уже гораздо меньше, я понял это по прошествии нескольких недель, старея, я потерял спортивную форму, оно и понятно. Тем не менее в пакетах *SFR* я обнаружил массу сокровищ, в частности кулинарного характера, я постепенно превращался в доброго старого толстяка, а может, и в эпикурейца, почему бы и нет, а что, Эпикур разве еще что-то имел в виду? Но в то же время черствая горбушка с каплей оливкового масла — уж больно суровая диета, мне подавай медальоны из омара и морских гребешков с овощами, в конце концов, я декадент, а не греческий сельский пидор.

Ближе к середине октября мне стали надоедать кулинарные программы, пусть и отлично сделанные, что и положило начало моей деградации. Я заставил себя увлечься ток-шоу на остросоциальные темы, но это был краткий и безотрадный опыт: крайний конформизм выступающих, прискорбное единообразие их приступов негодования и восторгов приняли такой размах, что теперь я мог предугадать, что они

скажут не только в общих чертах, но даже в деталях, чуть ли не дословно; комментаторы и эксперты шли сплошной чередой, этикие никчемные европейские марионетки, одни кретины сменяли других кретинов, рассыпаясь в похвалах глубине и высоконравственности позиций собеседника, да я мог бы сам написать им диалоги, в конце концов я навсегда выключил телевизор; я бы совсем приуныл, если бы мне достало сил смотреть их и впредь.

Уже давно я намеревался прочесть “Волшебную гору” Томаса Манна, что-то мне подсказывало, что это безрадостная книга, но она тем более уместна была в моей ситуации, и вот, судя по всему, ее время пришло. Итак, поначалу я погрузился в чтение с восторгом, постепенно уступавшим место недоумению. Даже при том, что масштаб и задачи этого произведения неизмеримо выше, глубинный его смысл сводится, по сути, к “Смерти в Венеции”. Под статью старому дурню Гете (немецкий гуманист средиземноморской направленности, один из самых мрачных зануд мировой литературы), под статью собственному герою Ашенбаху (впрочем, гораздо более симпатичному), Томас Манн, сам Томас Манн, и тут уже не до шуток, тоже не удержался и подпал под обаяние молодости и красоты, поставив их в конечном счете превыше всего, превыше всех интеллектуальных и нравственных качеств, и кончил тем, что стал отвратительно и бесстыдно угодничать перед молодостью и красотой. Таким образом, мировая культура в своей совокупности оказалась ни к чему, мировая культура не несет никакого морального превосходства, никакого преимущества, ибо в те же годы, точно в те же годы, Марсель Пруст с замечательной откоро-

венностью написал в финале “Обретенного времени”, что не только светские, но даже дружеские отношения ничего значимого в себе не заключают, что это просто пустая трата времени и писатель нуждается вовсе не в интеллектуальных беседах, как полагают в свете, а в “легкомысленных связях с девушками в цвету”. На данном этапе рассуждений я склонен настаивать на замене “девушек в цвету” на “пиздышек в соку”; мне кажется, это способствовало бы повышению внятности данной дискуссии, никак не повредив при этом ее поэтичности (что может быть красивее и поэтичнее увлажняющейся пизды? Прошу вас хорошенько подумать, прежде чем дать мне ответ. Может, дерзновенно взметнувшийся хуй? Что ж, это не лишено смысла. Все зависит, как и многое в этом мире, от нашего взгляда на секс).

Марсель Пруст и Томас Манн — возвращаясь к затронутой мною теме — хоть и впитали всю мировую культуру, хоть и олицетворяли (в великолепном начале двадцатого века, вобравшем в себя восемь столетий, если не больше, европейской культуры) совокупное знание и интеллект человечества, хоть и являлись представителями вершин, соответственно французской и германской цивилизации, то есть самых ярких, глубоких и утонченных цивилизаций того времени, — готовы были тем не менее сдаться на милость и пресмыкаться перед первой попавшейся мокрой пиздой и первым попавшимся доблестно восставшим юным хуем, в зависимости от личных предпочтений, — в этом отношении Томас Манн пребывал на распутье, да и с Прустом не все до конца ясно. Поэтому финал “Волшебной горы” еще печальнее, чем кажется при первом чтении; он означает не просто

банкротство идеи европейской культуры как таковой самым фактом вступления в 1914 году в сколь абсурдную, столь и губительную войну между двумя высочайшими цивилизациями эпохи; более того, он означает — в итоге окончательной победы животного инстинкта — конец цивилизации и культуры вообще. Томас Манн *тащился* бы от какой-нибудь юной телки; Марсель Пруст *запал* бы на Рианну; иначе говоря, эти писатели, величайшие гении немецкой и французской литературы, не были людьми почтенными, так что придется, наверное, отыграть назад, к началу девятнадцатого века, к временам зарождающегося романтизма, чтобы вдохнуть более целебный и чистый воздух.

Впрочем, чистота эта, конечно, тоже спорный вопрос, ведь Ламартин, в сущности, был своего рода Элвисом Пресли, от его стихов *бабы штабелями ложились*, но, по крайней мере, он их пленял во имя чистого лиризма, к тому же Ламартин вилял жопой не так необузданно, как Элвис, таково мое предположение, чтобы убедиться в этом, понадобилось бы изучить видеозаписи, которых тогда еще не существовало, но это не так уж и важно, тот мир все равно умер, он умер для меня, и не только для меня, он просто умер. Более легкое чтение сэра Артура Конан Дойла помогло мне наконец обрести относительный покой. Помимо цикла новелл о Шерлоке Холмсе, Конан Дойл написал еще довольно много повестей, их читаешь с неизменным удовольствием, а порой и затаив дыхание, он всю свою жизнь был выдающимся мастером саспенса, возможно лучшим в истории мировой литературы, что, вероятно, не играло особой роли в его глазах, но на каждой его странице ощущается

трепетный протест благородной души, доброго открытого сердца, и в этом его секрет. Самое трогательное, по-моему, это его отношение к смерти: отойдя от христианской веры благодаря до боли материалистическому медицинскому образованию, пережив бесконечные жестокие потери близких, в том числе собственных сыновей, павших жертвой воинственных устремлений Англии, он не мог в итоге не обратиться к спиритизму, последней надежде, единственному утешению всех тех, кто не в состоянии ни смириться со смертью близких, ни полностью принять христианство.

Лично мне, поскольку близких у меня не осталось, было все проще и проще смириться с идеей смерти; конечно, я предпочел бы быть счастливым, принадлежать к сообществу счастливых людей, кто об этом не мечтает, но на данном этапе это вообще не обсуждалось. В начале декабря я купил фотопринтер и сотню коробок матовой бумаги *Epson* формата 10x15 см. Одну из стен моей студии наполовину занимало широкое окно с постоянно опущенными жалюзи, под которым был установлен высокий радиатор. От второй стены тоже осталось немного пространства, там стояла кровать, тумбочка и две средней высоты этажерки с книгами. Третья была почти свободна, но в ней зиял проход в переднюю с ванной комнатой слева и крохотной кухней справа. И только четвертая стена, напротив кровати, была девственно чиста. Ограничившись для удобства третьей и четвертой, я получил выставочное пространство площадью 16 квадратных метров; учитывая формат печати 10x15 см, я мог бы развесить тут больше тысячи снимков. В моем ноутбуке хранилось

три с лишним тысячи фотографий, вместилих в себя всю мою жизнь целиком. Мне показалось вполне разумным выбрать из них каждую третью, более чем разумным, у меня даже возникло впечатление, что жизнь удалась.

(Но все же, если присмотреться, жизнь моя протекала весьма странным образом. Дело в том, что в течение нескольких лет после расставания с Камиллой я считал, что рано или поздно мы воссоединимся, что это неизбежно, потому что мы любим друг друга, надо просто подождать, чтобы, как говорится, раны зарубцевались, мы же еще молоды, у нас вся жизнь впереди. А теперь, оглядываясь назад, я понимал, что жизнь кончилась, проскользнула мимо, не особенно давая о себе знать, а потом и вовсе вышла из игры, деликатно и элегантно, и даже мягко, она просто-напросто отвернулась от нас; ну, правда, при более близком рассмотрении наша жизнь оказалась отнюдь не такой уж и длинной.)

Мне хотелось создать нечто вроде стены фейсбука, но для сугубо личного пользования, стену фейсбука, которую никто, кроме меня, никогда не увидит, разве что сотрудник агентства недвижимости, да и то мельком, когда будет оценивать квартиру после моей смерти. Оправившись от изумления, он выкинет все в помойку и наверняка запишет, что надо отмыть стены от следов клея.

Возможности современных фотоаппаратов облегчили мне задачу; на каждой фотографии были указаны дата и время съемки, так что рассортировать их оказалось проще простого. Если бы я включал функцию *GPS*, то смог бы установить сейчас и место действия;

впрочем, это ни к чему, я и так запомнил места моей жизни, я очень отчетливо их запомнил, с бесполезной хирургической точностью. А вот память на даты меня подводит, даты, собственно, и не важны, все, что случилось, случилось навечно, теперь-то я это знал, только это была закрытая, недоступная вечность.

На этих страницах я уже упомянул несколько фотографий — две с Камиллой, одну с Кейт. Но были и другие, чуть более трех тысяч других, гораздо менее интересных, я даже поразился, до какой степени заурядными они оказались: туристические снимки, сделанные в Венеции или во Флоренции, похожие как две капли воды на снимки сотен тысяч других туристов, какого черта я все это фотографировал? И что, интересно, побудило меня напечатать эти дурацкие картинки? Но все-таки я собрался приклеить их на стену, каждую на строго определенное место, совершенно не рассчитывая, что таким образом в них вдруг проявится какой-то смысл или красота. Но я не сдамся, я пойду до конца, потому что я в состоянии это сделать, средства мне позволяют это сделать, и физически я вполне могу справиться с этой задачей.

Так я и сделал.

Пришло время и мне заинтересоваться коммунальными платежами. В многоэтажках 13-го округа они буквально зашкаливали, чего я никак не ожидал, и это не могло не сказаться на моих жизненных планах. Еще несколько месяцев тому назад (всего несколько месяцев? А может, целый год, а то и два? Я разучился вписывать свою жизнь в хронологические рамки, среди расплывчатого небытия уцелели лишь какие-то отдельные картинки, но внимательный читатель обязательно заполнит лакуны), короче говоря, в тот момент, когда я решил исчезнуть, порвать навсегда с Министерством сельского хозяйства, равно как и с Юдзу, мне еще казалось, что я богат, что на родительское наследство я могу жить бесконечно.

Но теперь на моем счету осталось немногим более двухсот тысяч евро. Естественно, о том, чтобы поехать отдохнуть, и речи быть не могло (да и как, собственно, отдыхать? Кататься на фанборде и горных лыжах? И где именно? Как-то раз в одном клубе на Фуэртевентуре, где мы проводили отпуск с Камиллой, я заметил парня, который приехал туда в одиночестве: он ужинал в одиночестве — и так, наверное, и будет ужинать в одиночестве до самого отъезда, подумал я; этот, как мне показалось, испанец лет тридцати был хорош собой и, скорее всего, происходил из достаточно приемлемых слоев общества,

он вполне мог оказаться банковским клерком, например; видя, как изо дня в день, особенно в ресторане, ему приходится собирать волю в кулак, я был ошеломлен и чуть ли не содрогался от ужаса). Нет, я никуда не поеду даже на выходные, с шарм-отелями я покончил раз и навсегда, чем ехать одному в шарм-отель, лучше уж сразу застрелиться; мне стало совсем тоскливо, когда я поставил свой “мерседес G 350” на минус третьем уровне подземного гаража — парковочное место прилагалось к квартире, — на гадком, засаленном полу валялись овощные очистки, и вообще атмосфера царила тошнотворная, неужели мой старичок “мерседес” обречен отныне на заточение в жутковатом грязном паркинге, какой печальный финал для того, кто лихо катил по горным тропам, пробирался напрямик через болота, переезжал вброд реки и, имея на спидометре более 380 000 километров, ни разу меня не подвел.

К эскорт-услугам я тоже прибегать не собирался, к тому же я потерял листок, врученный мне доктором Азотом. Обнаружив пропажу, я решил, что, вероятно, забыл его в “Меркюре”, и даже занервничал при мысли, что Одри могла на него наткнуться, что явно сказалось бы на ее уважении ко мне (а мне вообще-то не насрать? по-моему, у меня совсем ум за разум зашел). Мне, естественно, ничего не стоило переспросить номера телефонов у Азота или найти их самому, подобных сайтов сейчас хоть отбавляй, но я подумал, что это пустые хлопоты: пока что ничего похожего на эрекцию не предвиделось, мои спорадические попытки мастурбировать не оставляли никаких сомнений по этому поводу, вот так мир превратился в безликую поверхность, лишенную рельефа и какой бы

то ни было привлекательности, зато мои текущие расходы значительно сократились; однако коммунальные платежи были столь непристойно высоки, что, даже ограничившись маленькими радостями жизни — едой и вином, — я не продержусь больше десяти лет, после чего нулевой баланс на моем банковском счете положит конец процессу.

Я решил действовать ночью, чтобы вид бетонной эспланады меня не расколодил, на собственное мужество я не очень полагался. В соответствии с моим замыслом, развитие событий должно было быть стремительным и четким: переключатель у входа в комнату позволял поднять жалюзи за несколько секунд. Стараясь ни о чем не думать, я подошел к окну, раздвинул его, высунулся наружу — и вот, все готово.

Меня долго сдерживала мысль о времени падения, я представлял, как в течение нескольких минут парю в пространстве, постепенно осознавая, что от удара о землю неминуемо лопнут внутренние органы, нестерпимая боль пронзит все мое существо, по мере падения меня будет все больше и больше охватывать чудовищный тотальный ужас и его не смягчит даже счастье блаженного обморока.

Не зря я столько лет посвятил научным штудиям: расстояние h , пройденное телом в свободном падении за время t , вычисляется по формуле $h=gt^2/2$, где g — ускорение свободного падения, таким образом, для высоты h время падения будет равно $\sqrt{2h/g}$. Учитывая высоту (почти сто метров) моей башни и тот факт, что сопротивлением воздуха для данной высоты можно пренебречь, получаем время падения, равное четырем

с половиной, максимум пяти секундам, если все же ввести параметр сопротивления воздуха; в общем, как мы видим, у страха глаза велики; после нескольких стаканов кальвадоса, может, и времени на размышления не останется. Знай люди эту простую цифру — четыре с половиной секунды, число самоубийств значительно выросло бы. Итак, я достигну земли на скорости 159 км/час, удовольствие ниже среднего, конечно, ну да ладно, я ведь страшусь не столько самого удара, сколько полета, а физика убедительно доказала мне, что полет будет кратким.

Но десять лет — это слишком, мои душевные муки станут невыносимыми, более того, смертельными гораздо раньше; с другой стороны, я же не собирался оставлять наследство (да и кому, государству, что ли? В высшей степени неприятная перспектива), так что мне следовало потратить все свои сбережения в ускоренном темпе, а это не то что мелко, а прямо-таки отвратительно, но мысль о том, что я умру, имея деньги на счету, была мне нестерпима. Я мог бы расщедриться, отдать их людям, но кому? Паралитикам, бомжам, мигрантам, слепым? Ну не румынам же отстегивать, еще чего не хватало. Мне редко делали подарки, и я не то чтобы мечтал одаривать других; доброта так и не развилась во мне, этот психологический процесс не состоялся, напротив, мое безразличие к человеческим особям только усилилось со временем, я уж не говорю о тех случаях, когда я испытывал к ним откровенную неприязнь. Я пытался сблизиться с отдельными представителями рода человеческого (особенно с представительницами, поскольку они изначально больше меня привлекали, но об этом я уже

говорил), в общем, я думаю, что я совершил общепринятое, стандартное, среднестатистическое количество попыток, но по ряду причин (которые я также упомянул) ничто не сбылось, ничто не давало мне оснований думать, что у меня есть свое место на земле, или какое-то окружение, или причина жить дальше.

Уменьшить средства на банковском счету я мог, только наедаясь до отвала и стараясь при этом выбирать самые изысканные и дорогостоящие продукты (трюфели из Альбы? омары из штата Мэн?), я и так уже весил больше восьмидесяти кило, но на длительности падения мой вес никак не отразится, это уже давно доказали замечательные опыты Галилея, проведенные им, как гласит легенда, на вершине Пизанской башни, но скорее все-таки на какой-нибудь Падуанской.

Мою башню тоже назвали в честь какого-то итальянского города (Равенны? Анконы? Римини?). Ничего веселого в этом совпадении не было, однако мне показалось вполне уместным выработать ироническое отношение к происходящему, считая просто удачной шуткой тот момент, когда я высунусь из окна и отдамся на волю гравитации, в конце концов, чувство юмора в восприятии смерти вполне достижимо, столько людей умирает каждую секунду, отлично справляясь с этой задачей с первого раза, без лишней суеты, некоторые даже, воспользовавшись случаем, *острословят* по этому поводу.

У меня тоже получится, я чувствовал, что у меня уже почти получилось, я вышел на финишную прямую. Рецепта на капторикс мне хватит только на два месяца, видимо, придется напоследок увидеться с доктором Азотом; на этот раз я вынужден буду ему со-

лгать, притвориться, что мне лучше, чтобы он, не дай бог, не вознамерился меня спасти, предложив срочную госпитализацию или что-то в этом роде; мне надо будет держаться с ним светски, оптимистично, но не перегибая палку, мои актерские таланты все же весьма ограничены. Мне придется нелегко, Азот далеко не дурак, но я ведь и дня не проживу без капторикса. Главное — не допустить, чтобы страдания зашкалили, а то, не ровен час, наделаешь глупостей, глотнешь какой-нибудь жидкости для прочистки труб, и тогда внутренние органы, состоящие из тех же веществ, которые обычно забивают раковину, начнут разлагаться, причиняя страшные муки; можно еще броситься под поезд метро, лишиться ног, размазать яйца по рельсам и вдобавок остаться в живых.

Маленькая белая таблетка овальной формы с насечкой посередине.

Она ничего не создает, не видоизменяет; она интерпретирует. Все окончательное делает преходящим, неотвратимое — случайным. Она дает жизни новое толкование, обедненное, искусственное, слегка деревянное. Счастья она не приносит ни в какой форме, ни даже настоящего облегчения, ее смысл заключается в другом: превратив жизнь в последовательность механических действий, она просто помогает обманываться. А стало быть, и выживать или хотя бы не умирать — какое-то время.

Смерть меж тем берет свое, молекулярный щит дает трещину, процесс распада набирает обороты. Все заканчивается гораздо скорее для тех, кто всегда был не от мира сего, кто никогда не собирался ни жить, ни любить, ни быть любимым; кто всегда знал, что жизнь ему не по зубам. Таким людям — а их довольно много — грех жаловаться, как говорится; но это не мой случай.

Я мог бы осчастливить женщину. Даже двух женщин; я их уже назвал. Все было ясно, предельно ясно с са-

мого начала; но мы этого не учли. Поддались иллюзиям, поверили в свободу личности, в то, что перед нами все двери открыты и возможностям нет числа? Не исключено, что так, тогда эти идеи витали в воздухе; но мы особо не вдавались, нам было неинтересно; мы послушно следовали идеям, позволив им таким образом себя уничтожить, и потом долго страдали.

На самом деле Бог заботится о нас, думает о нас каждое мгновение и порой дает очень точные указания. Все эти внезапные порывы любви, от которых теснит грудь и перехватывает дыхание, озарения и восторги — совершенно необъяснимые, если исходить из нашей биологической природы, нашего удела обычных приматов, — суть предельно ясные знаки.

Сегодня я понимаю точку зрения Христа, его постоянное возмущение ожесточением сердец: людям даны все знаки, но они не принимают их в расчет. Неужели правда я еще и жизнь должен отдать за этих несчастных? Неужели правда нельзя без таких наглядных аргументов?

Похоже на то.

CORPUS 552

литературно-художественное издание

МИШЕЛЬ УЗЛЬБЕК
СЕРОТОНИН
РОМАН

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Редактор ИРИНА КУЗНЕЦОВА

Ответственный за выпуск ОЛЬГА ЭНРАЙТ

Технический редактор НАТАЛЬЯ ГЕРАСИМОВА

Корректор ОЛЬГА ИВАНОВА

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

Общероссийский классификатор продукции

ОК-034-2014 (КПЕС 2008);

58.11.1 — книги, брошюры печатные

Подписано в печать 16.09.2019. Формат 84 × 108 1/32

Бумага офсетная. Гарнитура *OriginalGaramondC*

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8

Тираж 10000 экз. Заказ № 7153/19

Отпечатано в соответствии с предоставленными

материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»,

170546, Тверская область, Промышленная зона

Боровлево-1, комплекс №3А

www.pareto-print.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или любой ее части

воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут

преследоваться в судебном порядке.

Произведено в Российской Федерации в 2019 г.
Изготовитель — ООО “Издательство АСТ”

ООО “Издательство АСТ”
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1,
комната 705, пом. I, 7 этаж
Электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс,
705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО “РДЦ-Алматы”
Дистрибьютор и представитель по приему претензий
на продукцию в Республике Казахстан: ТОО “РДЦ-Алматы”

Интернет-дүкен: www.book24.kz
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы “РДЦ-Алматы” ЖШС
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС
050039 Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”, литер Б, офис I
Тел.: +7 (727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251-58-12, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123317 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, строение 2,
БЦ “Империя”, а/я №5
Тел.: +7 (499) 951-60-00, доб. 574
E-mail: opt@ast.ru

Содержит нецензурную брань

Уэльбек написал великую романтическую книгу о человеке, умирающем от печали в сердце угасающей цивилизации.

Elle

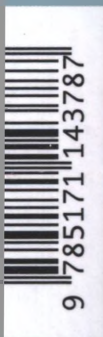
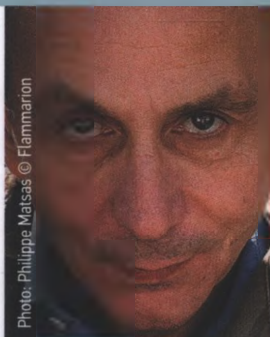

Photo: Philippe Matsas © Flammarion

Прославленный Мишель Уэльбек, гонкуровский лауреат и кавалер ордена Почетного легиона, автор знаменитых на весь мир "Элементарных частиц", "Платформы" и др., удивил всех, написав изысканный и камерный роман об утраченной любви. Главный герой, агроинженер, бессильно наблюдает за драмой разоряющихся французских фермеров и за распадом собственной жизни. Он прилежно лечится от депрессии, сознавая, что таблетки не помогут — ему нужна только любовь.

Серотонин — это большое зеркало, поставленное перед нашим миром, и то, что там отражается, очень страшно.

Le Soir

В этом романе, грустном и волнующем, Уэльбек предугадал бунт "желтых жилетов".

La Presse

"Серотонин" не самый ошеломляющий из романов Уэльбека, зато самый пронзительный.

Libération

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ